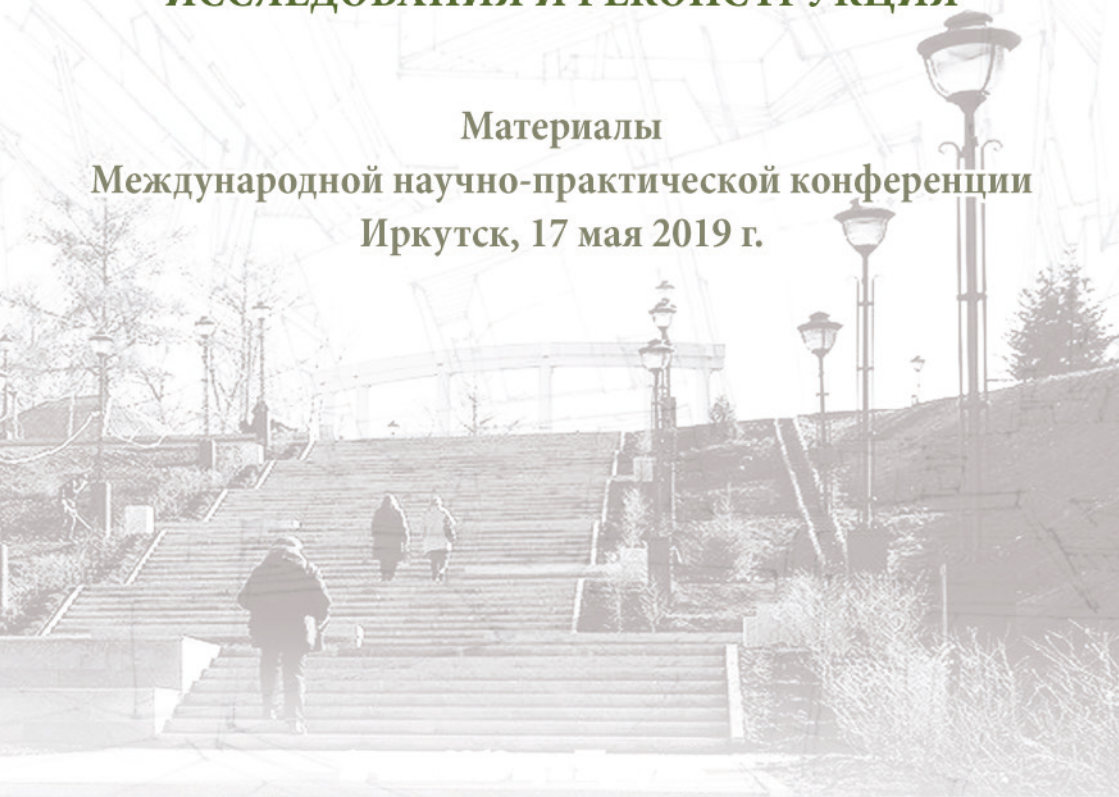

ИРКУТСКИЙ МЕМОРИАЛ

ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

Материалы
Международной научно-практической конференции
Иркутск, 17 мая 2019 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Иркутская региональная общественная организация
«ИРКУТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ»

ИРКУТСКИЙ МЕМОРИАЛ

ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Иркутск, 17 мая 2019 г.

УДК 088(571.53)(063)
ББК 94.3(2Р-4Ир)л0
И81

Редакционная коллегия:

И. А. Арзуманов, д-р культурологии, канд. филос. наук;
В. Н. Казарин, д-р ист. наук; О. П. Личичан, канд. юрид. наук;
А. Е. Смирнов, д-р филос. наук; А. А. Иванов, д-р ист. наук;
В. П. Шахеров, д-р ист. наук; А. В. Степанов, ст. преп. каф. теологии
ист. факультета ИГУ, магистр религиоведения; О. И. Индуцкая, ст. преп.
каф. теологии ист. факультета ИГУ, магистр религиоведения

Научный редактор

И. А. Арзуманов, д-р культурологии, канд. филос. наук

И81

Иркутский мемориал: исследования и реконструкция :
материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 17 мая
2019 г. / [науч. ред. И. А. Арзуманов] ; ФГБОУ ВО «ИГУ». –
Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 227 с.

ISBN 978-5-9624-1740-0

Представлены результаты исследований, посвященных актуальным вопросам практической деятельности по восстановлению и сохранению исторической памяти, в контексте правовых аспектов сохранения объектов культурного наследия, мемориального кладбища; этнокультурных традиций погостов; исторических аспектов формирования мест захоронения, расположенных как на территории г. Иркутска, так и за его пределами.

Материалы сборника представляют интерес для всех, кто занимается изучением истории и правовых аспектов формирования мест захоронений, а также погребальных обрядов в различных религиозных традициях. Они могут быть использованы при преподавании культурологии, религиоведения, социологии права и других дисциплин в высших и средних учебных заведениях.

УДК 088(571.53)(063)
ББК 94.3(2Р-4Ир)л0

ISBN 978-5-9624-1740-0

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствия участникам конференции	5
--	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Арзуманов И. А., Личичан О. П. Культурные ценности как факторы осуществления идеологической функции государства и социально-экономического развития территорий	9
Шорников Д. В. Особенности формирования правового режима мемориальных комплексов на Байкальской природной территории	17
Смирнов А. Е. Гетеротопия: кладбище как тип социального пространства	25
Серебряный Г. М. ИРОО «Иркутский исторический некрополь» как пример эффективного межрелигиозного взаимодействия	35

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, МЕМОРИАЛЬНОГО КЛАДБИЩА

Тирских М. Г. Правовое регулирование охраны мемориальных комплексов: сравнительно-правовые аспекты	41
Климович А. В. Возмещение вреда, причиненного местам захоронений	49
Смирнов В. А. Некоторые вопросы, возникающие при квалификации преступлений, связанных с осквернением памяти усопших (по материалам судебной и прокурорской практики)	58

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПОГОСТОВ

Степанов А. В. Погребальные традиции лиц православного вероисповедания в Российской империи	71
Батуев З. Б. Традиции погребения бурят-монголов – прошлое, настоящее	79
Токарев И. Ю. Особенности похоронных обрядов в России советского и постсоветского периода	81
Мазуренко А. А. Немецкое кладбище	86

Бухтеев А. В. Русские воинские мемориалы в Китае	92
Валиулин Р. Г. Похоронные и поминальные обряды в исламе	101
Старцев Е. Н., Линчевская Т. В. Аляска: русское кладбище в г. Ситке и обретение мощей святого	113

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТ ЗАХОРОНЕНИЯ

Сек В. Воинские захоронения русских и советских солдат в XX в. в Польше	118
Кузнецов М. Ю. Особенности траурных церемониалов при захоронении офицеров и нижних чинов местных войск Восточ- ной Сибири в середине XIX – начале XX в.	127
Яскина Ю. А. Сохранение мемориального комплекса «Ме- сто захоронения жертв массовых политических репрессий 1937– 1940 гг.»	140
Крючкова Т. А. Родственники святителя Иннокентия (Ве- ниаминова), похороненные в Иркутске	150
Зуляр Ю. А. Члены ВСОРГО – жертвы репрессий	159
Гарашенко А. Н. Кавалеры ордена Святого Георгия, Георг- гиевского оружия и знака отличия военного ордена, захоронен- ные на Иерусалимском кладбище	170
Петров А. В. Из истории иркутских кладбищ в 1920-е гг.	186
Пономарева Н. С. Состояние воинских захоронений на Амурском (Лисихинском), Свердловском и Маратовском клад- бищах города Иркутска	192
Подковенко И. О. Ольшанское кладбище в Праге. История и современное состояние	206
Тарасов В. И. Роль М. В. Сибирякова в строительстве го- родского Иерусалимского кладбища и первой кладбищенской церкви	210
Карасёв С. В., Кузнецов В. В. О захоронениях японских во- еннопленных на территории Забайкальского края	216
Резолюция Международной научно-практической кон- ференции «Иркутский мемориал: исследования и рекон- струкция»	226

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Уважаемые участники конференции!

От правительства Иркутской области приветствую всех собравшихся. Прошло пять лет со времени первой конференции, за это время сделано очень многое. Проведена серьезная историческая научная работа, создана концепция мемориального комплекса, полная реализация которой позволит Иерусалимскому кладбищу стать уникальным историко-культурным объектом.

Важно отметить, что эта работа сплотила представителей разных религий, национальностей, взглядов, способствовала просвещению и укреплению исторической памяти. Поэтому благородная задача региональной общественной организации «Иркутский исторический некрополь» была поддержана правительством Иркутской области, в том числе и финансово из средств областного бюджета через конкурс «Губернское собрание общественности».

Благодаря деятельности ИРОО «Иркутский исторический некрополь» родились новые традиции. Например, ежегодное шествие памяти 4 ноября на территории историко-мемориального комплекса «Иерусалимская гора», в котором с каждым годом участвуют все больше и больше людей, демонстрируя настоящее народное единство.

Впереди еще много работы, уверена, что конференция будет способствовать решению поставленных задач. Желаю успешной и плодотворной деятельности.

*Ольга Куриленкова,
начальник Управления аппарата губернатора
и правительства Иркутской области по связям
с общественностью и национальным отношениям*

Уважаемые участники конференции!

Предмет сегодняшнего обсуждения и тема конференции чрезвычайно важны для г. Иркутска – это делает наше городское сообщество помнящим свое родство, особенно сегодня, когда в размывании национальных границ и этических особенностей мы видим опасность утраты собственной идентичности и чувства патриотизма.

Тот путь, который прошел «Иркутский исторический некрополь» как общественная организация, – во многом уникальный. Я рад, что наш город может дать блестящий пример сотрудничества представителей разных конфессий, общественных объединений, которые выступают участниками и организаторами конференции.

Сегодня благодаря участию институтов гражданского общества в реализации муниципальных и федеральных программ проводится реконструкция историко-мемориального комплекса «Иерусалимская гора», в рамках которой планируется привести в порядок Иерусалимское кладбище. Городские власти тесно сотрудничают с представителями религиозных конфессий, науки, общественных организаций в целях создания не просто комфортных мест для отдыха, но и сохранения единства поколений и преемственности исторических традиций.

Сегодняшняя конференция является ярким подтверждением уважительного отношения горожан к своей памяти и своему прошлому, примером для многих российских городов. Уверен, что ваши усилия станут общегородским достоянием, а научные изыскания лягут в основу принятия решений городскими властями.

*Виталий Барышников,
и. о. заместителя мэра г. Иркутска*

Уважаемые участники конференции, коллеги, гости!
Дорогие друзья!

Сердечно приветствую вас в Научной библиотеке имени В. Г. Распутина Иркутского государственного университета на площадках Международной научно-практической конференции «Иркутский мемориал: исследование и реконструкция».

Инициатива научного сообщества региона и в первую очередь людей, неравнодушных к проблемам городских мемориалов и некрополей, а также к судьбе нашей истории и родины, очень значима и востребована. Сегодня как никогда важно сохранить связь времен, бережное и уважительное отношение к исторической памяти, обсудить проблемы, имеющие не только большое историческое, но и огромное духовое, нравственное значение.

Искренне верю, что результаты научно-практической конференции станут руководством к действию городской власти, а все предложения будут услышаны и реализованы.

Надеюсь, что конференция позволит конструктивно обсудить актуальные проблемы с учетом широкого круга ученых, практиков и представителей общественности, принять рекомендации к дальнейшему действию и развитию.

Желаю всем участникам плодотворной работы, выработки новых идей, серьезных и продуманных решений.

*Александр Шмидт,
врио ректора ИГУ доктор химических наук, профессор*

Сегодня, открывая Международную научно-практическую конференцию, считаю необходимым поблагодарить всех тех, кто 6 декабря 2013 г. принял участие в организации конференции, а в дальнейшем – в создании и работе общественной организации «Иркутский исторический некрополь». Их участие позволило практически реализовать все положения резолюции конференции. Тогда, пять лет назад, как нам представлялось, все то, что мы обсуждали, носило чисто теоретический характер обобщения многолетней научной и исследовательской работы многих специалистов в области сохранения исторической памяти о местах упокоения. Мы даже не смели надеяться, что все то, что было отражено в итогах конференции, будет реализовано. Путь, который нами пройден, был не прост, и если в его начале мы сталкивались с недопониманием властями города и части общества значимости этой работы, а также механизмов ее реализации, то сегодня налажена достаточно эффективная система взаимоотношений, позволившая приступить к реализации проекта благоустройства историко-мемориального комплекса «Иерусалимская гора». Надеюсь, что и предстоящая работа участников конференции послужит маршрутной картой для всех нас и позволит нашему обществу сделать еще один шаг на пути по восстановлению исторической справедливости и формированию уважительного отношения к прошлому, без связи с которым невозможно гармоничное существование нашего общества.

*Алексей Дорошенко,
председатель правления ИРОО
«Иркутский исторический некрополь»*

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Игорь Ашотович Арзуманов

Юридический институт Иркутского государственного университета
г. Иркутск, Россия

Олег Петрович Личичан

Юридический институт Иркутского государственного университета
г. Иркутск, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОРЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты понимания дефиниции культурных ценностей. Проводится понятийно-категориальный анализ соотношения данной дефиниции с понятиями «культурное наследие народов Российской Федерации» и «культурное достояние» как факторов нормативно-правового регулирования идеологической сферы общественных отношений. В рамках структурно-функционального анализа выявляется их роль и значение в процессах осуществления идеологической функции государства и обеспечения социально-экономического развития территорий. На основе проведенного анализа делается вывод об оценочном характере данных дефиниций и необходимости их уточнения в практике применения российского законодательства.

Ключевые слова: культура, ценности, идеология, функция государства, социум, экономика, развитие, территория.

Igor A. Arzumanov

Law Institute of Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

Oleg P. Lychichan

Law Institute of Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

CULTURAL VALUES AS FACTORS OF IMPLEMENTATION OF THE IDEOLOGICAL FUNCTIONS OF THE STATE AND THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Abstract. This article is devoted to some aspects of the understanding of the definition of cultural values. A conceptual and categorical analysis of the relationship of this definition with the concepts of “Cultural heritage of the peoples of the Russian Federation” and “cultural heritage” as factors of legal regulation of the ideological sphere of social relations is conducted.

Within the framework of the structural-functional analysis, their role and importance in the processes of implementing the ideological function of the state and ensuring the socio-economic development of territories is revealed. On the basis of the analysis made, a conclusion is made about the evaluative nature of these definitions and the need to clarify them in the practice of applying Russian legislation.

Keywords: culture, values, ideology, function state, society, economy, development, territory.

Тема, касающаяся роли объектов, относящихся к культурным ценностям как факторам осуществления идеологической функции государства и социально-экономического развития территорий, безусловно, является одним из актуальнейших направлений политико-правовых исследований, имеющих междисциплинарный характер. Данные характеристики проявляются уже при рассмотрении культурных ценностей как факторов социointegrационного порядка, обеспечивающих единство социума, проживающего на определенной территории, имеющего общие духовно-нравственные основы культуры, язык, этноконфессиональные институты, территорию и публичную власть. Как известно, в рамках теоретико-правовой и теоретико-государственной парадигмы данные аспекты рассматриваются в качестве основных признаков государства в широком (общесоциальном) смысле. В узком же смысле государство понимается как политическая организация, выступающая в качестве важнейшего социального института, непосредственно обеспечивающего механизмы жизнеобеспечения и единства общества во всех сферах общественной жизни – от социально-экономической до социально-культурной. Его типология выявляется в рамках цивилизационного подхода, и в качестве оснований берутся факторы духовной культуры. Их наличие, стабильность или деградация обуславливают степень активизации процессов интеграции (или дезинтеграции) общества и в конечном счете его социокультурное единство. Данный спектр проблематики непосредственно увязывается с деятельностью государства в преодолении возможного социокультурного распада. Как следствие, ставится вопрос о функции государства в духовной (идеологической) сфере, непосредственно обеспечивающей социокультурное и политическое единство общества. Идеология как социально-политический конструкт интерпретируется в различных смысловых модификациях. В основе этимологического значения – понятия «идеал» и «учение». Функцио-

нально-смысловой основой понятия «идеал» является «образец» – ценностный маркер возможного (желаемого) результата. В том числе, это весьма примечательно, и социального поведения. Как известно, функция государства как политической организации – это определенные направления деятельности государства, в которых выражается его сущность, социальное назначение и в целом роль в общественной жизни [7, с. 62]. Идеологическая функция, согласно Н. А. Пьянову, это «разнообразная деятельность государства в духовной (идеологической) сфере (развитие культуры, воспитательная деятельность, развитие образования)» [7, с. 66]. Если сопрычь данные определения со спецификой социальной роли и сущности государства как политической организации в идеологической сфере общественных отношений, то возможно уточнить данную дефиницию и понимать под идеологической функцией государства основные направления деятельности государства в идеологической сфере общественных отношений в целях формирования социокультурного единства общества, имеющего базовые ценностные параметры духовно-нравственного порядка, выраженных в категориях культурного наследия и культурных ценностей. Согласно ст. 3 Закона РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (далее – Основы законодательства РФ о культуре) дефиниция «культурные ценности» взаимосвязана по логике причинно-следственного и смыслового порядка с такими понятиями, как «культурное наследие» и «культурное достояние». В своей совокупности данные понятия позволяют дифференцировать предметный ряд как материальной, так и духовной культуры в их социальной, экономической, правовой и в целом, политико-культурной детерминации. В процессе анализа важно выявить смысловую взаимосвязь и дифференциацию конструктивных элементов приведенных законодателем дефиниций. К материальной сфере, исходя из общего перечня культурных ценностей, приведенных в ст. 3 Основ законодательства РФ о культуре, помимо всего прочего, относятся уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты. К духовной культуре, и на это необходимо обратить особое внимание, законодатель относит базовые компоненты социальной нормативности – нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, национальные традиции и обычаи (исторические топо-

нимы, фольклор, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, языки, диалекты и говоры). Понятие культурных ценностей, данное законодателем, структурно уточняется в дефиниции «культурное наследие народов Российской Федерации», под которым понимается совокупность материальных и духовных ценностей, созданных в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию [6].

Понятие самобытности Российской Федерации в данном случае опосредуется законодателем смысловыми прерогативами понятий «культурное наследие», «культурное достояние». Достаточно интересен в этой связи логический ряд, связанный с понятием культурного суверенитета, закрепленным в ст. 5 Основ законодательства РФ о культуре, фиксирующей сам факт наличия суверенитета Российской Федерации в области культуры и его реализацию «на своей территории» [6]. Непосредственно данная категория соотносится с понятием идеологического суверенитета уже потому, что в основе последнего лежат ценности культур народов Российской Федерации. Идеологический суверенитет как производное наличия национальной идеи в снятом виде выражает общие ценностно-мировоззренческие детерминанты социального поведения для всего общества (государства в широком смысле). Политика государства (как центрального звена политической системы общества) в этой сфере общественных отношений призвана защищать комплекс традиционных ценностей посредством осуществления идеологической функции государства, имеющей (как и все функции) две основные формы осуществления – правовую и организационную.

Не случайно в Основах законодательства РФ о культуре проводится дефиниция «государственная культурная политика», объединяющая правовую и организационную стороны деятельности государства в области развития культуры.

Процедуры исследования возможно конкретизировать исходя из структурно-функциональной природы как форм осуществления функций государства, так и идеологической сферы общественных отношений. Проблема, как видится, состоит в определении степени формализации данных параметров в конкретике нормативно-

правового закрепления, с одной стороны, и в степени воздействия на формирование ценностных приоритетов, с другой. Безусловно, разрешение поставленных вопросов возможно только на основе философско-правовых подходов, предусматривающих возможность проведения комплексного методологического анализа взаимообусловленности культурных ценностей и культурного наследия и их места и роли в идеологической системе общества и процессах социально-экономического развития территорий.

Наиболее полно структурно-функциональный ряд данной специфики проявляется в культурологическом подходе. На современном этапе данный подход является одним из самых перспективных и востребованных в социологическом направлении теоретико- и государственно-правовых исследований. Прежде всего потому, что он обладает синергетической природой – объединяя элементы как метафизического, так и диалектического подходов. В его структуре возможно выделить такие методологические компоненты, как антропологический, семиотический и герменевтический. За счет данных структурных компонентов культурологический подход обладает кумулятивным эффектом, позволяя функционально дифференцировать различные явления культуры в их социально-правовой и социально-экономической манифестациях.

Рассмотрим данный посыл.

Специфика идеологической функции государства состоит в деятельности, направленной на сохранение объективно необходимых для воспроизводства социума ценностей, прежде всего витального, духовно-интегративного порядка.

По сути, речь идет о предельных ценностно-нравственных основаниях права, имеющих своей корневой системой этико-аксиологический комплекс религиозной культуры. Поэтому на современном этапе одним из фундаментальных вопросов в социокультурной парадигме теории государства и права является вопрос о том, каким образом отражается антропологический (ценностно-культурный) фактор в нормативно-правовом обеспечении осуществления идеологической функции государства и социально-экономического развития территорий. Как показывает анализ форм права в его «мягкой» и позитивной проекциях, осознание роли культурных ценностей в данных процессах отмечено доста-

точно четко. Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. утверждают равнозначность экономических, социальных и культурных прав с гражданскими и политическими правами, которые в своей совокупности выступают в качестве условия воплощения «идеала свободной человеческой личности, свободной от страха и нужды».

В положениях 1 и 2 глав Конституции РФ данная взаимосвязь также четко фиксируется [1]. В уточнение положений Конституции РФ – в нормативном блоке «мягкого» права – федеральных и региональных актов программного и концептуального свойства – вопросы социального развития также непосредственно увязываются с ожидаемой эффективностью развития экономического [2; 8].

На уровне позитивно-правового регулирования социально-экономического развития территорий федерального и местного уровней [3–5] данный фактор интерпретируется в качестве базового в принципе. Безусловно, ценностные прерогативы в рамках культурологического анализа имеют и свои трансляционные доминанты в сфере смысловых кодов материальной культуры, ее семиотического (знакового) комплекса. Таким образом, антропологический подход проявляется в своей функциональной природе при анализе как ценностного, так и семиотического (знакового) ряда материальной и духовной культуры.

Но в чем специфика памятников материальной культуры в их взаимосвязи с идеалами общества и возможными проекциями социального поведения, контролируемого с помощью норм позитивного права? Каким образом осуществляется эта взаимосвязь и каким образом возможно ее выражение в общесоциальном и нормативно-правовом ключе?

На данном этапе логично обращение к герменевтическому подходу, позволяющему провести ассоциативно-интерпретационный анализ нормативного блока культурных ценностей (духовная культура) и их связи с объектами материальной культуры – трансляторами ценностно-нормативных доминант. Данный подход тем более необходим, чем более декларативно законодатель закрепляет социокультурные дефиниции. К объектам герменевтического анализа в полной мере относятся и нормативные правовые акты, фиксирующие ценностный комплекс в эскизно-маркирующей парадигме.

Как видится, вся сфера проблематики формирования интегративных идеологием непосредственно увязана с понятием социальной памяти как выражения преемственности поколений и определяющих эту преемственность единства духовно-ценностных компонентов. Достаточно емко это положение отражено в Преамбуле Федеративного договора 1992 г. в упоминании об ответственности его субъектов за сохранение исторически сложившегося государственного единства народов Российской Федерации, целостности составляющих ее республик и территории [9]. Согласно Основам законодательства о культуре РФ уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты могут быть отнесены к культурным ценностям по факту их функциональной роли в общем механизме социальной памяти. В этой связи возникает вопрос о территориях как памятных, историко-мемориальных местах. Значение таких территорий-памятников непосредственно выражается в их роли в процессах осуществления идеологической функции. Например, многоконфессиональные кладбища объединяют захоронения лиц, принадлежащих к различным конфессиям, и сопряжены с оценкой таких историко-культурных территорий как объектов, значимых для сохранения и развития «самобытности Российской Федерации и всех ее народов» [6]. Организационно-управленческая деятельность по их сохранению и трансляции несомых ими смыслов – суть обеспечения процессов патриотического воспитания и формирования норм взаимоотношений. Поскольку именно историко-мемориальные места, объединяющие память различных этноконфессиональных групп, являются одним из основных средств воспитания и формирования социальной памяти как общего достояния народов. Достаточно интересный ракурс приобретают вопросы о социальной природе территориальных памятников (мемориалов) при их уровневой стратификации на федеральные, региональные и местные. Таким образом, мемориальные памятники и территории сопряжены с пространственной и эмоциональной формами социальной памяти. Их социально-культурная роль заключается в формировании коллективной памяти, своеобразного архетипа конкретного сообщества, проживающего на конкретной территории, социально-экономическое развитие которой обеспечивается в том числе и деятельностью государства в идеологической сфере общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 25 дек. 1993 г. (с послед. изм.) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система. Ст. 7, 44.
2. Концепция национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. указом Президента РФ от 10 янв. 2000 г. № 24. URL: <http://archive.mid.ru/ns-osndoc.nsf> (дата обращения: 05.11.2019).
3. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система (дата обращения: 05.11.2019).
4. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2014 г. № 473-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система (дата обращения: 05.11.2019).
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.07.2015) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система (дата обращения: 5.11.2019).
6. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. ВС РФ 9 окт. 1992 г. № 3612-1 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система (дата обращения: 5.11.2019).
7. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 583 с.
8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. указом Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (дата обращения: 05.11.2019).
9. Федеративный Договор Российской Федерации от 31 марта 1992 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система (дата обращения: 05.11.2019).

Дмитрий Владимирович Шорников

Юридический институт Иркутского государственного университета
Научно-исследовательский институт правовой охраны Байкала
Иркутского государственного университета
г. Иркутск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА МЕМОРИАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ НА БАЙКАЛЬСКОЙ ПРИРОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. Исследованы особенности формирования правового режима мемориальных комплексов как одной из разновидностей объектов культурного наследия (памятников истории и архитектуры) на Байкальской природной территории. На основе проведенного синтетического анализа современного законодательства как в части регулирования объектов культурного наследия, так и в части установления правил охраны и использования окружающей природной среды Прибайкалья, даются рекомендации по развитию их правового режима.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, мемориальные комплексы, Байкальская природная территория, правовой режим, законодательство.

Dmitry V. Shornikov

Law Institute of Irkutsk State University
Research Institute of the Legal Protection of Baikal
of Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

THE FEATURES OF FORMATION OF THE LEGAL REGIME OF MEMORIAL COMPLEXES ON THE BAIKAL NATURAL TERRITORY

Abstract. The article is a brief study of the peculiarities of the formation of the legal regime of memorial complexes, as one of the types of cultural heritage objects (historical and architectural monuments) on the Baikal natural territory. Based on the synthetic analysis of modern legislation, both in terms of regulating cultural heritage sites, and in establishing rules for the protection and use of the natural environment of the Baikal region, recommendations are made for the development of their legal regime.

Keywords: cultural heritage objects, memorial complexes, Baikal natural territory, legal regime, legislation.

Двухкомпонентный характер исследуемой нами в настоящей работе тематики, как представляется, будет более полно и весомо обоснован и в дальнейшем раскрыт, если мы начнем с рассмотрения второй из вынесенных в заглавие составляющих – правового режима Байкальской природной территории.

Байкальская природная территория (БПТ) – территория, в состав которой входят оз. Байкал, водоохранная зона, прилегающая к оз. Байкал, его водосборная площадь в пределах территории Российской Федерации, особо охраняемые природные территории, прилегающие к оз. Байкал, а также прилегающая к оз. Бай-

кал территория шириной до 200 км на запад и северо-запад от него (ст. 2 ФЗ «Об охране озера Байкал») [8].

Наиболее древние следы пребывания человека в Прибайкалье, найденные к настоящему времени, по мнению целого ряда специалистов, относятся к периоду, отдаленному от нас более чем на 700 тыс. лет. На территории, непосредственно прилегающей к озеру, обнаружено свыше 600 археологических памятников, раскопки свидетельствуют о постоянном присутствии и высоком уровне развития человека на Байкале уже десятки тысяч лет тому назад.

Традиционное восприятие Байкала местным, аборигенным населением лучше всего описывается известным выражением «священное море». Издревле и по сегодняшний день хорошо известны заповедные рощи Прибайкалья, расположенные в особо живописных участках по берегам озера и р. Селенги. Несколько забегая вперед, следует сказать, что такие участки леса, охраняемые по сей день, де-факто, нормами обычного права, могут рассматриваться как некий пример «консенсусной» модели правового регулирования общественных отношений экологического и культурно-религиозного характера на Байкальской природной территории [11].

Если Федеральный закон «Об охране озера Байкал» является специальным актом, определяющим правовой режим Байкальской природной территории, то наиболее общим международным договором, устанавливающим особый режим охраны Байкальской природной территории, является Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. [3]. Во второй половине XX в. человечество осознало необходимость универсального подхода к охране объектов, представляющих собой уникальную ценность для цивилизации. В 1972 г. Конвенция была принята на 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО семьюдесятью пятью голосами за, одним против при семнадцати воздержавшихся. Конвенцией была создана организационная система охраны объектов универсального общемирового значения, которая представлена прежде всего группой органов с определенной компетенцией [2].

Официальное включение Байкала в Список объектов всемирного природного наследия состоялось в 1996 г. на XX заседании Комитета всемирного наследия [12]. Безусловно, Байкал был включен в состав объектов всемирного природного наследия как

уникальный природный объект, но одним из четырех критериев включения озера в список было то, что данный объект представляет собой природный феномен или пространство исключительной природной красоты и *эстетической важности*. Безусловно, мы не можем не учитывать данный критерий и при разговоре о формировании правового режима мемориальных комплексов на БПТ.

Одной из наиболее важных норм, определяющих сегодня правовой режим и Байкальской природной территории, и мемориалов, является ст. 27 Земельного кодекса РФ, устанавливающая, что земельные участки, занятые особо ценными объектами культурного наследия народов Российской Федерации, объектами, включенными в Список всемирного наследия, историко-культурными заповедниками, объектами археологического наследия, музеями-заповедниками, ограничены в обороте, а занятые воинскими и гражданскими захоронениями из оборота изъяты [1].

Исследуя специальный правовой режим Центральной экологической зоны (ЦЭЗ) Байкальской природной территории (а он носит наиболее жесткий характер на БПТ), следует указать, что косвенное влияние на создание и функционирование мемориальных комплексов может оказать только одно из положений Перечня видов деятельности, запрещенных ЦЭЗ БПТ [10], а именно запрет строительства зданий и сооружений (или их частей), функционирование которых не связано с созданием и развитием особо охраняемых природных территорий федерального значения и особых экономических зон туристско-рекреационного типа, с системами жизнеобеспечения и обеспечения экологической безопасности существующих промышленных, жилых и рекреационных объектов, с осуществлением видов деятельности, разрешенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории, а также строительство зданий и сооружений (или их частей) на незатронутых природных территориях, включая земли лесного фонда, водоохранные зоны и прибрежные защитные полосы оз. Байкал и впадающих в него рек.

Следует тут же подчеркнуть, что одним из разрешенных и, более того, рекомендуемых видов социально-хозяйственной деятельности на БПТ является эколого-ориентированный туризм, что, на наш взгляд (как бы это непривычно ни звучало), напрямую связано с социально-экономически обоснованным функционированием существующих и созданием новых мемориальных комплексов.

Система источников права, имеющих то или иное отношение к формированию правового режима мемориалов довольно объемна и, если не эклектична, то, во всяком случае, разнообразна. Безусловно, одним из головных нормативных актов, связанных с определением правового режима мемориальных комплексов, является Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [6] (на уровне субъектов РФ действуют соответствующие региональные нормативные акты, в частности, в Иркутской области существует закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации в Иркутской области» [7]).

К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации закон относит (ст. 3) объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Объекты культурного наследия подразделяются на следующие виды:

– **памятники** (здесь и далее выделение наше. – *Авт.*) – отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе памятники религиозного назначения, относящиеся в соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» к имуществу религиозного назначения); мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; объекты археологического наследия;

– *ансамбли* – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения, в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи; объекты археологического наследия;

– *достопримечательные места* – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места традиционного бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; объекты археологического наследия; места совершения религиозных обрядов; места захоронений жертв массовых репрессий; религиозно-исторические места.

Еще одним источником правового регулирования в исследуемой области является Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» [5].

В соответствии со ст. 4 местами погребения являются ответственные в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями участки земли с сооружаемыми на них кладбищами для захоронения тел (останков) умерших, стенами скорби для захоронения урн с прахом умерших (пеплом после сожжения тел (останков) умерших, далее – прах), крематориями для предания тел (останков) умерших огню, а также иными зданиями и сооружениями, предназначенными для осуществления погребения умерших. Места погребения могут относиться к объектам, имеющим культурно-историческое значение.

Необходимо указать, что среди прочего данный закон закрепляет такое понятие, как «военные мемориальные кладбища» – военные мемориальные кладбища предназначены для погребения

и увековечения памяти погибших (умерших) при защите Отечества, круг которых определяется Законом Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [9], а также «стены скорби» – стены скорби для захоронения урн с прахом умерших создаются на специально выделенных участках земли в соответствии с положениями настоящего Федерального закона.

Среди правовых требований, установленных данным нормативным актом, следует обратить внимание на то, что выбор земельного участка для размещения места погребения осуществляется в соответствии с правилами застройки города или иного поселения с учетом гидрогеологических характеристик, особенностей рельефа местности, состава грунтов, *предельно допустимых экологических нагрузок на окружающую среду* (здесь уместно вспомнить про повышенные экологические требования на БПТ), а также в соответствии с санитарными правилами и нормами и должен обеспечивать неопределенно долгий срок существования места погребения. Использование территории места погребения разрешается по истечении двадцати лет с момента его переноса.

Территория места погребения в этих случаях может быть использована только под зеленые насаждения. Строительство зданий и сооружений на этой территории запрещается.

Следует обратить внимание, что создаваемые, а также существующие места погребения не подлежат сносу и могут быть перенесены только по решению органов местного самоуправления в случае угрозы постоянных затоплений, оползней, после землетрясений и других стихийных бедствий.

Необходимо также указать, что в анализируемом нами законе среди прочего закрепляются такие формы погребения и увековечения памяти погибших (умерших), как:

- сохранение и благоустройство воинских захоронений, создание, сохранение и благоустройство других мест погребения погибших при защите Отечества, установка надгробий, памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших;
- сохранение и обустройство отдельных территорий, исторически связанных с подвигами погибших при защите Отечества;
- создание мемориальных музеев и сооружение на местах боевых действий памятных знаков.

Элемент воинского захоронения или мемориального сооружения, находящегося вне воинского захоронения, который обеспечивает возможность постоянного горения огня, согласно положениям данного закона, является Вечным огнем. Элемент воинского захоронения или мемориального сооружения, находящегося вне воинского захоронения, который обеспечивает возможность периодического горения огня, является Огнем памяти.

Под воинскими захоронениями понимаются захоронения погибших при защите Отечества с находящимися на них надгробиями, памятниками, стелами, обелисками, элементами ограждения и другими мемориальными сооружениями и объектами.

В целях обеспечения сохранности воинских захоронений в местах, где они расположены, органами местного самоуправления устанавливаются охранные зоны и зоны *охраняемого природного ландшафта*.

Завершая краткий обзор действующего нормативного поля понятия «мемориальный комплекс», следует упомянуть, что обсуждается необходимость правового регулирования и иных возможных видов мемориальных объектов, например, таких как мемориальный музей-заповедник (упоминается в так называемом модельном законе о музеях-заповедниках).

Таким образом, мы видим, что нормативное регулирование в обозначенной нами области носит комплексный характер.

Бытующее сегодня определение мемориального комплекса звучит следующим образом – это территория с размещенными на ней монументальными архитектурными сооружениями: мавзолеями, пантеонами, скульптурными группами, обелисками славы и памятниками, посвященными выдающимся событиям из истории страны и народа, ее населяющего. Как правило, мемориальный комплекс представляет собой парк со строго регулярной планировкой, включением крупных партеров, широких аллей. Часто в мемориальных комплексах используются деревья с плакучей или пирамидальной формой кроны [4].

Таким образом, мемориальный комплекс – это не столько нормативное, сколько доктринальное понятие, при определенных условиях к мемориальным комплексам мы можем отнести в той или иной степени любой из трех видов нормативно закрепленных и ранее названных нами объектов культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места.

Закключение. Правовой режим Байкальской природной территории на сегодняшний день сформирован в наиболее общем виде, нуждается в реформировании и, несомненно, будет серьезным образом изменяться, что может оказать свое воздействие и на правовой режим объектов культурного наследия, в том числе мемориалов.

Основными принципами этого режима, как нам представляется, должны быть: принцип научной обоснованности принимаемых управленческих решений по охране и использованию Байкальской природной территории, *государственной поддержки эколого-ориентированных видов деятельности на БПТ* и поощрения хозяйственной и иной деятельности, направленной на улучшение экологического состояния БПТ и снижение негативной антропогенной нагрузки; принцип обеспечения качества жизни населения, проживающего в центральной экологической зоне оз. Байкал, за счет государственной поддержки экономических возможностей инновационного развития и устойчивого использования природных ресурсов; принцип компенсационного развития охраны природы и природопользования в ЦЭЗ БПТ.

Несомненно, что грамотный учет этих принципов, равно как и конкретных норм, образующих правовой режим БПТ, а также уже сложившихся социальных норм и правовых обычаев в части охраны традиционных «священных» и «памятных» мест Прибайкалья, не только не будет препятствовать сохранению мемориалов, но, на наш взгляд, может стать одним из возможных драйверов как успешного функционирования существующих памятников истории и архитектуры, в том числе мемориального характера, так и создания новых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12124624/>.
2. Колобов Р. Ю. Байкал как объект международно-правовой охраны (по следам 42-й сессии Комитета всемирного наследия) // *Вопр. рос. и междунар. права*. 2019. Т. 9, № 1В. С. 255–268.
3. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 16.11.1972 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml.
4. Мемориальный комплекс [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мемориальный_комплекс.

5. О погребении и похоронном деле : федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 8-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8919/.

6. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

7. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации в Иркутской области : закон Иркут. области от 23 июля 2008 г. № 57-оз. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819058920>.

8. Об охране озера Байкал : федер. закон от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=22964&dst=100005#05057198329326622>.

9. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества : закон РФ от 14 янв. 1993 г. № 4292-1 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/1583840/>.

10. Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории : постановление Правительства РФ от 30 авг. 2001 г. № 643 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33195/.

11. Шорников Д. В. Правовая охрана озера Байкал : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2012. 179 с.

12. UNESCO world heritage center [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/754>.

Алексей Евгеньевич Смирнов

Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Россия

ГЕТЕРОТОПИЯ: КЛАДБИЩЕ КАК ТИП СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Рассматривается специфика социального пространства кладбища. В качестве главной методологической составляющей взято понятие гетеротопии, введенное в научный оборот М. Фуко. Показано, какие мировоззренческие и социокультурные последствия вызвало изменение античных и средневековых пространственных координат в Новое время; рассказывается, как Фуко понимает гетеротопию. На основе принципов, имплицированных в данном понятии, описана специфика функционирования социального пространства кладбища. Автор приходит к выводу о том, что кладбище предстает одной из несущих конструкций культуры повседневности и специфическим условием возможности культуры как таковой.

Ключевые слова: кладбище, гетеротопия, смерть, жизнь, социальное пространство, М. Фуко.

GETEROTOPIYA: CEMETERY AS TYPE OF SOCIAL SPACE

Abstract. In article the specifics of social space of the cemetery are considered. As the main methodological component the concept of a *heterotopia* introduced for scientific use by M. Foucault is taken. It is shown what world outlook and sociocultural consequences were caused by change of antique and medieval spatial coordinates during Modern times; it is told how Foucault understands a *heterotopia*. On the basis of the principles, the *heterotopias* in this concept, the specifics of functioning of social space of the cemetery are described. The author comes to a conclusion that the cemetery appears as one of bearing structures of culture of daily occurrence and a specific condition of a possibility of culture *per se*.

Keywords: cemetery, *heterotopia*, death, life, social space, M. Foucault.

В соответствии с точным замечанием Л. Г. Ионина, тема смерти в социологии гораздо более обширна и значима, чем это может показаться на первый взгляд [4, с. 83]. Множество явлений социальной жизни предельно тесно, хотя и принципиально имплицитно, связано со смертью. В данной статье пойдет речь о кладбище как типе социального пространства. В качестве главной методологической составляющей взято понятие гетеротопии. Оно было введено М. Фуко в докладе «Другие пространства» [8, с. 191–204]. Вначале мы покажем, какие мировоззренческие и социокультурные последствия имело изменение античных и средневековых пространственных координат в Новое время; затем расскажем, как Фуко понимает гетеротопию. Наконец, на основе принципов, имплицитированных в данном понятии, будет описана специфика функционирования социального пространства кладбища.

Слово «гетеротопия» образовано приставкой *гетеро-* и словом *тоπος*. Буквально это означает *другое место*. Речь, следовательно, идет об иной, выделенной части пространства. Пространство в опыте любой культуры обладает историей. Это очень большая тема. Для того чтобы понять, почему это так, достаточно обратиться к одной из последних революций, совершившихся в отношении пространства. Мы имеем в виду открытие Г. Галилея. Именно Галилей формулирует альтернативную (аристотелевской) концепцию движения, материи, физических свойств.

Главное для нашей темы – не защита коперниканства и не собственно научные открытия. Главное в следующем: он утверждает, что аристотелевская физика с его учением о «естественных местах» терпит крах.

Напомним, что «естественные места», по Аристотелю, есть онтологически предопределенные точки, каким-то образом расположенные относительно центра Земли, а значит, и центра Вселенной. Аристотель объяснял движение так: все движется к телосу, к конечной цели своего существования. Отсюда – важнейшие следствия мировоззренческого и социокультурного характера. Мир структурирован. В мире есть центр. Центр важнее, чем периферия. Каждая вещь в соответствии с центром имеет свое предназначение. Схоласты в Средние века логично дополнили эту картину мира понятием Божественного промысла. В итоге получилась четко структурированная, разумная картина Вселенной.

Это качественный космос. Есть абсолютный верх и низ, абсолютное право и лево. В современной науке это называется *анизотропная структура пространства*. Это значит, что направления верх и низ, лево и право являются *качественными* характеристиками. Верх, небо – Бог. Земля, напротив, есть место смертных, она плотная. Внизу – плоть, вверху – дух. И вот Г. Галилей говорит – нет. Пространство не таково. Движение относительно, всюду одинаково. «Естественных мест» нет. Движение имеет *причинную* природу, а не телеологическую. Все движется потому, что то-то с чем-то сталкивается. Импульс порождает движение. Вещи сами по себе никуда не стремятся. Мы наблюдаем здесь зарождение совершенно другого космоса, другого мира. Где правое и левое не имеют значения. Где все относительно. Это Новый мир. И мира Платона и Аристотеля больше нет. «Подлинный скандал, произведенный Галилеем, заключался не столько в том, что он открыл, или, скорее, переоткрыл, что земля вращается вокруг Солнца, сколько в том, что он построил пространство бесконечное – и бесконечно открытое; в итоге оказалось, что место, как его понимали в Средние века, как бы растворилось; место вещи теперь было всего лишь точкой в ее движении, совершенно так же, как покой вещи был всего лишь ее до бесконечности замедленным движением» [8, с. 192].

Повторим: Галилей открывает новый космос. Материальные тела в нем управляются причинно-следственными связями. Вещи сами по себе никуда не стремятся, ибо нет телоса. Если они и стремятся, то лишь по причине, лишь «потому что». Вместо качественного понимания движения появляется *количественное* понимание. Философские принципы, которые он обнаружил, стано-

вятся фундаментальными для Нового времени. Вселенная Галилея – это вселенная, с которой будет иметь дело Новое время. Раньше картина мира была иной. Условно говоря, она была трехуровневой: ангелы, люди, демоны. Если человек падал (в религиозном смысле), он падал *под* землю. Души святых, напротив, стремились *вверх*. Пространство диктовало разное отношение к спасению: со среднего уровня можно было спастись, на верхнем – спасения уже не требовалось, а на нижнем уровне спасение было невозможно. Но космос Галилея совершенно иной, и философствовать нужно по-другому. «Какое существенное изменение принес Галилей в понимание связи, объединяющей математику и мир? В геометрическом описании феноменов явно не было ничего нового: уже греческая математика описывала в геометрических терминах траектории звезд... Галилей мыслит само движение в геометрических терминах... Он выявляет независимый от изменения положения и скорости математический инвариант – ускорение. После этого мир становится *насквозь* математизируемым... Картезианский мир протяженного – это мир, который приобретает независимость от субстанции, который можно помыслить независимо от всего, что в нем отсылает к конкретной жизненной связи, которую мы с ним поддерживаем. Перед людьми модерна предстает *ледяной* мир, в котором нет ни верха, ни низа, ни центра, ни периферии – ничего, что делало бы из него мир, предназначенный для человека. Впервые мир предстает как способный продолжать существование без всего того, что составляет его конкретность для нас» [5, с. 171–172].

Казалось бы: социальное пространство полностью десакрализовано, нейтрально и сугубо утилитарно. И вот М. Фуко делает интереснейшее наблюдение: есть очень важные, заряженные «места». Они обладают любопытным свойством: соотносясь со всеми остальными местами, упомянутые особые места нейтрализуют, приостанавливают или даже переворачивают систему функционирования остальных культурных местоположений. Речь идет о так называемых гетеротопиях. Гетеротопии, согласно М. Фуко, – культурные константы; без них не существует ни одного общества, ни одной культуры. Что же такое гетеротопия? Прежде всего, это некое конкретное место. Но такое, в котором все остальные места в одно и то же время и утверждают, и оспариваются. Это место, находящееся как бы за пределами всех

остальных мест, хотя их легко можно локализовать. Поскольку эти места совершенно особенные, иные по отношению к остальным, М. Фуко именует их гетеротопиями. И приводит «химически чистый», математически строгий пример гетеротопии: зеркало. Что такое зеркало? Это прежде всего некое не-место. Потому что в *месте*, в физически-пространственном смысле слова, нахожусь я, который в нем отражается. И все же видеть собственный образ, т. е. *знать* себя, я могу только через гетеротопическое не-место. То есть тот, кто смотрится в зеркало, в одно и то же время реален и нереален одновременно. Зеркало, говорит Фуко, это утопия, так как это место без места. Но это еще и гетеротопия: «Исходя из... взгляда, который как бы атакует меня из глубины виртуального пространства другой стороны зеркала, я обнаруживаю, что отсутствую на месте, где нахожусь, зеркало функционирует как гетеротопия в том смысле, что передает место, занимаемое мною в момент, когда я себя рассматриваю в зеркале, сразу и абсолютно реальном, в связи со всем окружающим его пространством, и совершенно нереальном, поскольку чтобы заметить зеркало, надо пройти через находящуюся в нем виртуальную точку» [8, с. 196–197]. Точно так же, как зеркало необходимо мне, чтобы я увидел себя в качестве целостного *образа*, гетеротопии необходимы для нормального функционирования других культурных мест. Таким образом, социальные гетеротопии являются одним из специфических условий возможности культуры. Перечень гетеротопий, упоминаемых М. Фуко, достаточно неожидан: это тюрьмы, библиотеки, свадебные путешествия, персидские сады, музеи. Мы рассмотрим в качестве примера гетеротопии кладбище.

Начнем с того, что гетеротопические пространства описываются некоторыми принципами. Фуко выделяет и описывает шесть таких принципов, никак их не обозначая [8, с. 197–204]. Далее мы возьмем их за основу, поименуем каждый из них для удобства изложения и восприятия и, опираясь на эти принципы, покажем специфику кладбища как социального пространства.

Первый принцип может быть назван *принципом управления кризисом* (заметим, что у Фуко первый принцип описывает две формы гетеротопий: собственно кризисную и так называемую девиантную; мы рассматриваем только первую форму, так как вторая не имеет прямого отношения к теме). Кризисные гетеротопии характеризуются французским философом как «места при-

вилегированные, или священные, или запретные, зарезервированные за индивидами, оказывающимися в кризисном состоянии по отношению к обществу и к человеческой среде, где они живут» [8, с. 197]. Кладбище как гетеротопия – место переживания и преодоления кризиса, связанного с потерей близкого человека. Кладбище есть тип социального пространства, призванный задействовать защитные механизмы против неконтролируемых сил природы, постоянно угрожающих социальному порядку. Эта задача решается прежде всего посредством ритуализации процесса похорон, а также соответствующих последующих мероприятий. При этом следует иметь в виду, что значительная часть знаний и переживаний относительно смерти остается неосознанной. В этом случае процесс ритуализации, диктуемой гетеротопией кладбища, выполняет не только терапевтическую функцию [7, с. 17], но также и функцию моделирования бессознательной субъективности, исходя из которой индивид «располагает себя по отношению к своим аффектам, тревогам, пытаясь управлять своими импульсами и торможениями любого рода» [3, с. 155].

Следующий принцип – *принцип полифункциональности*. Гетеротопии, не изменяя своей формы и содержания, могут функционировать по-разному. Кладбище – иное, специфическое место по отношению к другим культурным пространствам. При этом оно так или иначе имеет множественные связи с городом. В каждой или почти каждой семье на кладбище покоятся родственники. В западной культуре кладбище существовало всегда, но претерпевало различные изменения. До XVIII в. кладбище в Европе находилось в городе, рядом с церковью. Существовала иерархия захоронений. Сначала – оссуарии, где трупы утрачивали индивидуальность. Затем – индивидуальные могилы. После – захоронения в церквях. Могилы были двух типов: плиты с надписями и мавзолеи со статуями. Кладбище располагалось в священном пространстве церкви. В современных цивилизациях кладбище приняло совершенно иной облик (подробнее об этом см.: [1]). М. Фуко отмечает, что по мере того, как цивилизация становилась, условно говоря, атеистической, логика социальной самоорганизации породила специфический «культ мертвых»: «По сути дела, весьма естественным было то, что в эпоху, когда действительно верили в воскресение тел и в бессмертия души, никто не был готов придавать значение бренному праху. Напротив, с мо-

мента, когда уже никто не был уверен в том, что у него есть душа и что тело воскреснет, стали обращать больше внимания на этот бренный прах, который в конечном счете является единственным следом нашего существования в мире и среди слов» [8, с. 199]. С XIX в. уже каждый хоронился в личном гробе, и в это же самое время кладбища начинают размещать у внешней границы города. Смерть индивидуализируется, специфическим образом «апроприруется». Появляется некая одержимость смертью как болезнью. Именно мертвые переносят болезни на живых. Присутствие мертвых распространяет смерть. Кладбище в Средние века – убежище. На кладбище человек под защитой мертвых. По свидетельству Ф. Ариеса, создавали кладбища, где никого не хоронили, где запрещалось хоронить. Более того, издавались специальные указы, в соответствии с которыми некоторые кладбища создавались «только для укрытия живых, а не для погребения мертвых» [1, с. 87]. Люди в итоге буквально селились на кладбищах. Церковный собор в Нормандии в 1080 г. постановил: все, кто укрывался на кладбище во время войны, должны быть изгнаны. И характерная оговорка: за исключением тех, кто поселился там первым [1, с. 88]. Кроме того, кладбища служили местом отправления правосудия. В Новое время совершение частноправовых актов было перенесено с кладбища в нотариат, а отправление правосудия – в залы ратуши.

Принцип *совмещения несовместимого*. Кладбище – форма культурной памяти. Она реализуется как проявление сакрального, как священное пространство, символ того света, в конечном счете и прежде всего – антитеза «мира». Поэтому, в частности, кладбище – место горя. Но в то же время кладбище парадоксальным образом фигурирует как место интенсификации жизни. Ф. Ариес приводит в качестве литературной иллюстрации рассказ И. Бабеля «Гапа Гужва». В деревне на Украине справляются шесть свадеб. Бушует неистовый праздник, люди пьют, пляшут. Вдова Гапа доплясывает одна, простоволосая, с багром в руках, которым она колотит в стену сарая, повторяя: «Мы смертельные, мы смертельные». Затем ночью она врывается к уполномоченному, который прислан провести коллективизацию, и зовет его гулять с собой. Но он уныл и серьезен. Ему «не положено» веселиться («Не брезговой нашим крестьянством, – закричала Гапа и топнула ногой. – Я не брезговаю, – уныло сказал Ивашко, –

только мне нетактично с вами гулять»). Гупа недоумевает: «Почему ты должность свою помнишь, секретарь, – сказала баба, – почему ты смерти боишься? Когда это было, чтобы мужик помирать отказывался?» [2, с. 188]. В дикарском кодексе распутной деревенской вдовы Гапы слова «мы смертельные» передают радость жизни. Жизнь – это архаический пир и опьянение. В этом же кодексе страх смерти означает современность: рациональное и безжизненное видение мира. Смерть в этом смысле – это рациональность, предусмотрительность, организация. Известно, что на кладбищах устанавливали печи для выпекания хлеба. Причем были коллективные печи, где каждый мог выпекать хлеб для себя. (В одном французском местечке на кладбище показывают камни в форме хлебов – по преданию, у сеньора нищий попросил кусочек хлеба, тот отказал, и хлебы обратились в камень.) Соседство хлебной печи и могильных ям вызывает у нас отвращение. Но люди средневековья были к этому нечувствительны [1, с. 91]. И еще: «В 1231 г. Руанский собор запретил “под страхом отлучения плясать на кладбище или в церкви”. Это же постановление было почти в неизменном виде повторено на Нантском соборе в 1405 г.: всем без исключения запрещалось плясать на кладбище, играть в какие бы то ни было игры; не должно быть на кладбище ни мимов, ни жонглеров, ни бродячих музыкантов, ни шарлатанов с подозрительными ремеслами» [1, с. 92]. Кладбище также место собраний и прогулок. Иногда – рынок и ярмарка.

Принцип временного разрыва. Гетеротопия начинает функционировать в полной мере, когда люди оказываются в своего рода абсолютном разрыве с их традиционным повседневным временем. Кладбище – место утраты жизни. Это место вечности, где человек исчезает. Выход из времени означает распад индивида. Фуко отмечает, что существуют гетеротопии, накапливающие бесконечное время, например библиотеки и музеи. Кладбище забирает жизнь, впуская в вечность. Библиотека и музей интенсифицируют существование, накапливая и удерживая время до бесконечности. Кладбище – место абсолютного временного разрыва.

Принцип закрытой открытости. Гетеротопия предполагает некоторую систему открытости и закрытости. Эта система одновременно и изолирует их, и делает их проницаемыми. Гетеротопическое расположение не предназначено для непосредственно доступа, подобно кафе, магазинам или паркам. Так, кладбище

расположено за чертой города, и в повседневной городской жизни доступ туда ограничен. Как правило, живые туда попадают вынужденно. Это относится, например, не только к кладбищу, но и к такого рода гетеротопиям, как тюрьма и казарма. Чтобы покинуть гетеротопическое место, во все времена нужно было пройти специфические обряды очищения: в наше время после посещения кладбища моют руки.

Принцип (де)онтологизации повседневного социального пространства. Его можно пояснить так: создается пространство настолько совершенное, что повседневная жизнь человека и общества начинает казаться беспорядочной, плохо устроенной и запутанной. Примером может служить ВДНХ времен СССР. Выставка достижений народного хозяйства (решение о строительстве которой было принято в 1935 г.) была задумана в качестве демонстрации некоторой идеальной цели, к которой должно стремиться первое в мире социалистическое государство. Фактически это была модель коммунистического рая, принципиально утопическое пространство, от которого должна брать отсчет действительность. ВДНХ блестяще выполняло свою идеологическую функцию: «Помню свой детский опыт посещения ВДНХ: я покинул ее совершенно очарованный. Если, думал я, в этом месте, среди дворцов, скульптурных групп и фонтанов, чудеса сбываются, то им суждено еще много раз сбыться в других местах. На подобное детское восприятие эта выставка и была, собственно говоря, рассчитана. Я долго хранил пластмассовое яичко, которое “снесла” в одном из павильонов пластмассовая модель курицы, демонстрировавшая процесс высидывания яиц. Поскольку посещение этих “иллюзионистских” пространств было похоже на мираж, это яйцо служило единственным доказательством того, что ВДНХ существует и что я там был» [6, с. 101]. Возвращаясь к нашей ситуации можно констатировать, что кладбище как гетеротопия есть такая разновидность социального пространства, которая делает незначимым (лишает онтологического статуса) пространство трудовой повседневности. Кладбище, в отличие от обыденной, полной возможностей жизни, есть место абсолютной определенности. На кладбище всегда, по крайней мере, с формальной точки зрения, абсолютный порядок. Кладбище – место, где все, кроме человеческого удела, становится иллюзорным. Кладбище как место кризиса и скорбной памяти как бы деонтологизирует повседневность, делает ее абсолютно незначущей.

Итак, в свете понятия гетеротопии кладбище предстает одной из несущих конструкций культуры повседневности и специфическим условием возможности культуры как таковой. Мы должны признать парадоксальный факт: жизнь общества не ограничивается живыми. «Социетальные процессы касаются всех – и живых, и мертвых. Это относится не только к традиционным обществам и давно исчезнувшим с лица земли цивилизациям, но и к современным обществам, хотя в них соответствующие процессы происходят несколько иначе <...> Общество должно пониматься как совокупность живых и мертвых» [4, с. 90]. Безусловно, можно говорить о том, что вопрос отношения к мертвым есть простая условность. Но сам способ социального существования принципиально условен – условными являются мораль, этикет, культура в целом. Поэтому «мертвые не уходят никуда. Они живут вместе с нами, в нашем обществе. Последнюю фразу нужно понимать не в переносном смысле, не как метафору, а как социологическое суждение факта» [4, с. 91].

Отношение к мертвым в этой логике выступает как высшая точка феномена культурной традиции. И если общество есть культурное единство живых и мертвых, то именно традиция есть то средство, которое связывает их в сообщество. Прервать традицию – значит отказаться от собственных мертвых, отказаться от условностей в виде морали, памяти, вежливости – от человеческого образа вообще. Поэтому вопрос об отношении к кладбищам есть вопрос социальной экологии, о том, что такое человек и общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арьес Ф. Человек пред лицом смерти. М. : Прогресс, 1992. 528 с.
2. Бабель И. Соч. В 2 т. Т. 2. М. : Худ. лит., 1990. 574 с.
3. Гаттари Ф. Язык, сознание и общество (о производстве субъективности) // Логос. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Кн. 1. Разум. Духовность. Традиции. Л. : Изд-во ЛГУ. С. 152–160.
4. Ионин Л. Г. Парадоксальный сон. Статьи и эссе. М. : Универ. кн., 2005. 320 с.
5. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; М. : Кабинет. ученый, 2015. 196 с.
6. Рыклин М. Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. М. : Логос, 2002. 275 с.
7. Топоров В. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М. : Наука, 1988. С. 7–60.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Практис, 2006. С. 191–204.

Григорий Михайлович СЕРЕБРЯНЫЙ
ИРОО «Иркутский исторический некрополь»
г. Иркутск, Россия

ИРОО «ИРКУТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ» КАК ПРИМЕР ЭФФЕКТИВНОГО МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Освещается история создания общественной организации «Иркутский исторический некрополь», имеющей в составе своего правления представителей всех крупнейших религиозных организаций Иркутской области (православие, иудаизм, католицизм, лютеранство, ислам, буддизм), и эффективный опыт ее работы.

Ключевые слова: межрелигиозное сотрудничество, межнациональное сотрудничество, национальное единство.

Gregory M. Serebryany
IROO "Irkutsk Historical Necropolis",
Irkutsk, Russia

IROO "IRKUTSKY HISTORICALLY NECROPOL" AS AN EXAMPLE OF EFFEC- TIVE INTERRELIGIOUS INTERACTION

Abstract. The article tells the story of the creation of the public organization "Irkutsk Historical Necropolis" and the effective experience of the organization, which includes representatives of all the largest religious organizations in the Irkutsk region (Orthodoxy, Judaism, Catholicism, Lutheranism, Islam, Buddhism).

Keywords: interreligious cooperation, interethnic cooperation, national unity.

ИРОО «Иркутский исторический некрополь» в формате инициативной рабочей группы начала свою деятельность со дня проведения научно-практической конференции «Иркутский мемориал: история и реконструкция», которая состоялась в 2013 г.

Идея ее организаторов состояла в том, чтобы все неравнодушные к проблеме погрязших кладбищ имели возможность выступить перед заинтересованной аудиторией и, главное, быть услышанными. Естественным итогом конференции стало желание наиболее активных ее участников объединить усилия и совместно достичь, наконец, какого-то прогресса в ситуации с заброшенными кладбищами. Так и появилась рабочая группа, которая в последующем фактически стала правлением Иркутской региональной общественной организации по созданию и поддержанию мемориальных кладбищ, изучению историко-культурного наследия «Иркутский исторический некрополь» (сокращенно – ИРОО «Иркутский исторический некрополь»).

Так как во всех без исключения религиозных традициях особое место занимает почитание памяти усопших и мест их захоронения, то и объединение неравнодушных граждан в первую очередь было вокруг религиозных лидеров Иркутской области, которые и вошли в эту самую рабочую группу.

Это Андрей Степанов (протоиерей, настоятель Входа-Иерусалимского храма в г. Иркутске Русской православной церкви, по согласованию с митрополитом Иркутским и Ангарским Вадимом), Арон Вагнер (главный раввин Иркутска и Иркутской области), Фарит Хазрат Мингалеев (муфтий Централизованной религиозной организации мусульман «Байкальский муфтият», имам-хатыб Иркутской соборной мечети), Владзимеж Сек (генеральный викарий епархии Святого Иосифа Римско-католической церкви в Иркутске), Альберт Мазуренко (представитель Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии на территории России, настоятель Иркутского евангелическо-лютеранского прихода Св. Марии). Позднее к правлению ИРОО «Иркутский исторический некрополь» присоединился Батуев Зоригто Баирович (настоятель Усть-Ордынского окружного дацана).

Таким образом, в рамках общественной организации удалось объединить представителей шести крупнейших религиозных организаций Иркутской области: православной, иудейской, мусульманской, католической, лютеранской, буддистской.

Процесс формального создания общественной организации оказался весьма сложным, но быть зарегистрированной общественной организацией, по мнению рабочей группы, было необходимо, так как к такому субъекту и отношение со стороны представителей власти, общественных организаций и иных лиц принципиально другое, и есть возможность в полной мере реализовывать права общественной организации, в том числе выступать организатором массовых мероприятий (например, ИРОО «Иркутский исторический некрополь» ежегодно проводит субботник и шествие памяти на территории Иркутского мемориального Иерусалимского кладбища), участвовать в конкурсах на получение грантов, субсидий и т. д.

Первоочередная задача, которую мы решали при подготовке к регистрации, состояла в создании организации, учитывающей интересы и особенности всех религиозных общин, выразивших

свою заинтересованность в ее создании и восстановлении по-
пранной памяти об упокоенных на кладбищах Иркутской области.

Было проведено немало встреч, совещаний, консультаций, на основе которых был подготовлен проект Устава организации. После его написания было огромное количество редакций. Шли непрекращающиеся обсуждения многих положений. В результате к маю 2014 г. наконец был утвержден Устав, который, с нашей точки зрения, в достаточной степени был готов, чтобы быть зарегистрированным в установленном законом порядке.

Как это часто бывает, мы попали в сложный период для своих начинаний. В соответствии с действующим законодательством (ст. 7 Федерального закона «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 №82-ФЗ), общественные организации и политические партии относятся к одному классовому виду организационно-правовых форм – общественным объединениям. Отдельно заострять внимание на том, что нынешняя политическая ситуация, так скажем, не очень благоприятствует развитию условий для образования и, соответственно, регистрации политических партий, не будем, отметим лишь, что установленные процедурные сложности в отношении регистрации политических партий в той же мере относятся ко всем иным общественным объединениям, в том числе к общественным организациям.

Несмотря на различного рода трудности, ИРОО «Иркутский исторический некрополь» была зарегистрирована 21 июля 2014 г.

В разное время предпринимались отдельные попытки, в том числе и со стороны религиозных организаций, каким-то образом влиять на решения властей, принимающиеся в отношении по-
пранных кладбищ, но в силу разных причин (на наш взгляд, главные из них: несистемный характер таких обращений, их невысокий профессиональный уровень, отсутствие понимания политической конъюнктуры и проч.) такие попытки не приводили к результатам. Этот опыт был в первую очередь проанализирован, поэтому в состав правления ИРОО «Иркутский исторический некрополь» были приглашены неравнодушные «профильные специалисты»: организатор и оратор, опытный карьерный чиновник, архитектор, специалист по архивам, представитель Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского, иконописец, юрист.

Такой состав правления (религиозные лидеры и «профильные специалисты») позволил наладить прекрасную рабочую коммуникацию внутри него (а в это многие даже не верят, глядя на список представленных в нем религиозных организаций), сформулировать четкую повестку, с которой организация вошла в общественную жизнь региона, а главное – выработать эффективную методику работы (взаимодействие с государственными и муниципальными органами власти, организациями, гражданами, СМИ и проч.).

Результаты не заставили себя ждать. Организацию с таким общественным весом (а это фактически голос почти всего религиозного населения Иркутской области) было невозможно игнорировать со стороны власти: представители ИРОО «Иркутский исторический некрополь» были приглашены в совещательные органы при губернаторе Иркутской области и мэре Иркутска по межнациональным и межрелигиозным отношениям, в общественные палаты города и области, в общественный совет при Службе по охране объектов культурного значения и т. д.

Долгое время оставалась нерешенной ситуация с территорией заброшенного Иерусалимского кладбища (известного в городской среде как ЦПКиО). Усилиями ИРОО «Иркутский исторический некрополь» достопримечательное место «Иркутское мемориальное Иерусалимское кладбище» обрело свое официальное наименование, границы, а главное – ему присвоен статус объекта культурного наследия регионального значения (приказ Службы ОКНМО № 62-СПР от 29.12.2015), данный объект включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (рег. номер 381730829400005). Последнее позволяет быть уверенным в будущем этого объекта, так как теперь его защищают нормы Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ.

Последовательно в течение нескольких лет (по участкам) обследована вся поверхность территории Иерусалимского кладбища на предмет нахождения артефактов (надмогильных сооружений). Выявленные объекты зафиксированы, нанесены на карту и включены в предмет охраны достопримечательного места. Наличие подлинных артефактов на территории Иркутского мемориального Иерусалимского кладбища придает ему особую историческую ценность.

ИРОО «Иркутский исторический некрополь» ежегодно в День народного единства проводит шествие памяти. В этой связи хотелось бы отметить, что сам по себе праздник День народного единства молодой и пока не имеет своих традиций. Такую традицию предложило правление общественной организации: проводить шествие по территории мемориального кладбища с участием религиозных организаций Иркутской области, национальных центров, общественных организаций и т. д. Представляется, что суть праздника состоит в единстве нашего многонационального народа, а общее прошлое объединяет его как ничто другое.

ИРОО «Иркутский исторический некрополь» ведет деятельность по освещению истории и разъяснению сути и значения Иркутского мемориального Иерусалимского кладбища для города.

В рамках этой деятельности вышел в свет ряд брошюр и книг:

– брошюра «Знаменитые кладбища мира»;

– брошюра «Концепция реконструкции городского Иерусалимского кладбища»;

– брошюра «Выдающиеся иркутяне, захороненные на Иркутском Иерусалимском кладбище 1772–1929 гг.»;

– книга А. Н. Гаращенко «Иркутский исторический некрополь: Иерусалимское кладбище», посвященная иркутянам, упокоенным на Иерусалимском кладбище, которые оставили значимый след в истории своего города (при поддержке Иркутского исторического музея);

– книга Р. Г. Берестенева «Искатели россыпей» и др.

В течение длительного времени ИРОО «Иркутский исторический некрополь» согласовывал с администрацией г. Иркутска созданную самостоятельно концепцию благоустройства Иркутского мемориального Иерусалимского кладбища. После прохождения всех этапов согласования (Служба ОКНИО, депутатские слушания в Думе г. Иркутска, художественная секция Градостроительного совета г. Иркутска и т. д.) начали прорабатываться варианты реализации концепции. Итогом стало включение Иркутского мемориального Иерусалимского кладбища в число общественных пространств, которые были включены администрацией г. Иркутска в рейтинговое голосование по объектам благоустройства в рамках федеральной целевой программы «Комфортная городская среда».

Мемориальное кладбище заняло первое место в рейтинговом голосовании, благодаря чему в 2018 г. была начата реконструкция этого достопримечательного места. На сегодняшний день проводится уже вторая очередь реконструкции. На территории Иркутского мемориального Иерусалимского кладбища вымощены дорожки и площади, установлены информационные стенды о похороненных на кладбище выдающихся людях, установлены лавочки, проведено освещение и видеонаблюдение, подготовлены места для установки знаков религиозных организаций.

Сегодня Иркутское мемориальное Иерусалимское кладбище является частью мемориального комплекса «Иерусалимская гора» и уже востребовано горожанами и будет пользоваться еще большей популярностью после завершения работ по реконструкции.

Таким образом, объединение в рамках правления ИРОО «Иркутский исторический некрополь» представителей православной, иудейской, мусульманской, католической, лютеранской и буддистской религий, согласование общей позиции и целей, а также консолидация их усилий для достижения этих целей дали общественной организации значительный общественный вес, позволили добиться за пять лет ее существования таких результатов, которые при проведении научно-практической конференции в 2013 г. казались недостижимыми.

Нельзя не сказать, что описанные достижения были бы невозможны без других членов правления, среди которых особенно стоит отметить: А. В. Дорошенко, который стоял у истоков объединения религиозных лидеров Иркутской области, а впоследствии помогал устанавливать и поддерживать коммуникации между ними, а также заряжал всех своей верой в конечный результат и энергией, направленной на его достижение; В. А. Китаева, который обеспечил системный подход по всем возникающим формальным вопросам, взаимодействие с органами власти, составление основных документов, выстраивание официально-деловой коммуникации общественной организации с третьими лицами, получение многочисленных грантов на городском и региональном уровне, являлся первым исполнительным директором ИРОО «Иркутский исторический некрополь» и фактически создал основу для функционирования и развития Общественной организации; О. Б. Бадулу, архитектора, воплотившего в проект концепцию благоустройства Иркутского мемориального Иерусалимского кладбища и постоянно работающего над новыми ее версиями.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, МЕМОРИАЛЬНОГО КЛАДБИЩА

Максим Геннадьевич Тирских

Юридический институт Иркутского государственного университета
г. Иркутск, Россия

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ МЕМОРИАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Анализируются проблемы правового регулирования охраны мемориальных комплексов в зарубежных государствах. Исследуются особенности института мемориальных объектов, механизмы защиты объектов. Отдельным аспектом исследования является анализ вопроса об определении прав и обязанностей субъектов в рамках функционирования мемориальных комплексов. Предпринимается попытка соотнесения зарубежного опыта с законодательством Российской Федерации в целях возможного использования опыта правового регулирования общественных отношений в области функционирования мемориальных комплексов в зарубежных государствах для модернизации законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: мемориальные комплексы, правовая охрана, сравнительное правоведение, правовой институт, правовое регулирование.

Maksim G. Tirskikh

Law Institute of Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF MEMORIAL COMPLEXES: COMPARATIVE AND LEGAL ASPECTS

Abstract. The article analyzes the problems of legal regulation of the protection of memorial complexes in foreign countries. The features of the institute of memorial objects, the mechanisms of protection of objects are investigated. A separate aspect of the study is the analysis of the issue of determining the rights and obligations of subjects in the framework of the functioning of memorial complexes. An attempt is being made to correlate foreign experience with the legislation of the Russian Federation with a view to the possible use of the experience of legal regulation of social relations in the field of functioning of memorial complexes in foreign countries for the modernization of the legislation of the Russian Federation.

Keywords: memorial complexes, legal protection, comparative law, legal institution, legal regulation.

Человечество обладает нерушимым стремлением сохранения объектов овеществленной памяти. Большинство культур на протяжении всего срока существования земной цивилизации старались придать овеществленный характер объектам, которые по мнению правящих кругов соответствующих государств наилучшим образом характеризуют дух того или иного народа, его исторический путь, роль в отдельных политических, экономических социальных процессах и иные аспекты, которые по тем или иным причинам в данных культурах считается целесообразным сохранять.

Такое сохранение овеществленной памяти затрагивает в том числе места захоронений людей. Учитывая социальную, духовную и культурную значимость таких объектов, включенность в общественные отношения, связанные с функционированием таких объектов, большого числа физических и юридических лиц, становится очевидно, что правовое регулирование общественных отношений, связанных с сохранением мемориальных комплексов, является неотъемлемым элементом системы права любого современного государства.

При этом правовые нормы, регулирующие данные общественные отношения, формируют самостоятельный межотраслевой институт, образованный совокупностью норм гражданского, административного, уголовного и иных отраслей права. Формирование обособленного межотраслевого правового института вызвано в первую очередь значимостью общественных отношений в области охраны мемориальных комплексов, базовым значением общественных отношений в области охраны общественной памяти. В значительной степени институциональная детерминация данных общественных отношений определяется дифференциацией групп общественных отношений, реализуемых в процессе создания, функционирования и охраны мемориальных комплексов.

Между тем можно констатировать факт дифференциации правового регулирования общественных отношений в области охраны мемориальных комплексов, наблюдаемый в законодательстве различных государств.

В первую очередь необходимо отметить, что правовая охрана мемориальных комплексов имеет двойственное разделение.

С одной стороны, такие мемориальные комплексы можно подразделить на мемориалы, связанные с захоронением, и мемориалы, не содержащие захоронения. В первом случае в правовом

регулировании присутствует комплекс мер, направленных на регулирование общественных отношений, связанных с похоронным делом, содержанием кладбищ, проведением захоронений и т. д. Во втором – мемориальные комплексы фактически определяются как памятники истории и культуры, обладающие спецификой связанности отдельных объектов в единый мемориально-территориальный комплекс.

С другой стороны, в законодательстве различных государств наблюдается использование разнородного подхода, связанного с регулированием охраны и функционирования мемориальных комплексов, включающего в себя как минимум три варианта регулирования.

Первый сводится к формированию массива общих правил регулирования отношений, связанных с функционированием мемориальных комплексов как разновидности памятников истории и культуры. В этом контексте мемориальные комплексы не отличаются законодательством от иных объектов истории и культуры. Такой подход, на наш взгляд, целесообразен для большинства мемориальных комплексов, не связанных с захоронениями и не имеющих отдельные уникальные объекты, требующие специального регулирования. Наличие в рамках мемориальных комплексов захоронений как минимум требует сопряжения регулирования с законодательством о погребении и похоронном деле, а в случае, если речь идет о военном захоронении (с включением в него композиций «Вечного огня»), то совокупности норм, связанных с охраной военно-исторических объектов. В последнем случае правовое регулирование сопряжено со спецификой источника повышенной опасности.

Второй подход связан со специализированным регулированием отдельных видов мемориальных комплексов. Наиболее распространенной категорией, обладающей собственной нормативно-регулятивной базой, являются военные мемориалы. В этом случае законодательство, выделяя отдельные виды мемориальных комплексов и формируя массивы норм, направленные на регулирование общественных отношений, связанных с эксплуатацией этих комплексов, может предусматривать высокую степень дифференциации правил для каждого из видов мемориалов. Это следует признать оправданным, поскольку в противном случае отсутствие дифференциации правового регулирования не позво-

лит в полной мере обеспечить формирование правового порядка обеспечения функционирования и охраны таких комплексов. При этом формой, в которых осуществляется регулирование, может быть как закон, например закон о воинских мемориалах, так и подзаконный нормативный правовой акт, в зависимости от распространённого в рамках конкретной правовой системы подхода к распределению правового регулирования между уровнями нормативных правовых актов.

Третьим подходом к регулированию общественных отношений является индивидуализация правового регулирования в отношении конкретных мемориальных комплексов. Такое регулирование, как правило, осуществляется посредством подзаконного нормативного правового акта при одновременной фиксации в законах базовой, хотя и краткой правовой основы общерегулятивного характера. Такой подход чреват снижением и правового качества подзаконных нормативных правовых актов, и сферхдифференциацией правовых подходов, поскольку в таком случае регулирование каждого мемориального комплекса будет связано с формированием самостоятельного массива правовых норм. А это значит, что единство правового регулирования данных общественных отношений будет находиться под существенной угрозой. Признавая целесообразность специально регулирования отношений в области функционирования отдельных мемориальных комплексов, имеющих уникальное историческое, культурное или идеологическое значение, полагаем, что такое регулирование должно осуществляться через создание положений об административной структуре, имеющей полномочия по охране данного мемориального комплекса, например, такой как музей по охране конкретного мемориала.

В Российской Федерации преобладает подход, в рамках которого одновременно на мемориальные комплексы распространяется и законодательство о погребении и похоронном деле (если комплекс имеет характер кладбища), и законодательство об охране исторических и культурных памятников. При этом для сохранения отдельных мемориальных комплексов создаются специализированные учреждения и принимается подзаконный нормативный правовой акт для фиксации совокупности полномочий такого учреждения. Этот подход можно было бы назвать эффективным, однако стоит отметить, что до настоящего времени

не все аспекты правового регулирования отражены в законодательстве. Несмотря на то что отдельные правовые нормы появились еще в 90-х гг. XX в., например, в рамках Закона Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [1] был определен статус военных захоронений, продолжения не последовало, и иные виды мемориальных комплексов не получили надлежащего правового регулирования.

На наш взгляд, по отдельным вопросам развития законодательства Российской Федерации в области правовой охраны мемориальных комплексов целесообразно обратиться внимание на опыт зарубежных государств.

Во Франции правовая охрана мемориальных комплексов реализуется посредством Закона от 31 декабря 1913 г. «Об исторических памятниках», Закона от 2 мая 1930 г. «О реорганизации защиты природных памятников и ландшафтов художественного, исторического, научного, легендарного и живописного характера», Закона № 68-1251 от 31 декабря 1968 г. «О поощрении сохранения национального художественного достояния», Закона № 87-8 от 7 января 1983 г. «О распределении компетенции между коммунарами, департаментами, регионами и государством», Программным законом № 88-12 от 5 января 1988 г. «О монументальном достоянии» и рядом декретов. Законодательством предусмотрен ряд мер, направленных на активизацию деятельности по охране мемориальных комплексов, в том числе снижение общего подоходного налога для владельца исторической собственности взамен на издержки, понесенные на ремонт, эксплуатацию и реабилитацию объекта наследия, гибкая система государственных грантов, направленных на поощрение проектов реставрации и реконструкции мемориальных комплексов.

В Германии правовое регулирование осуществляется Основным законом ФРГ, а также рядом инструкций Министерства культуры Германии, в том числе инструкциями «О выполнении Закона по охране памятников» (24 сентября 1976 г.), «О выполнении Закона по охране памятников с местными особенностями и включением местности в охрану памятков» (14 июля 1978 г.), «О выполнении Закона по охране памятников – характеристика памятков» (20 февраля 1980 г.). Эти инструкции детально регулируют все направления деятельности лиц, связанных с функционирова-

нием мемориальных комплексов, в том числе определяют статьи расходов по содержанию объектов наследия и их реабилитации.

В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии правовой режим мемориальных комплексов регулируется Законом о правах местных органов управления в отношении исторических зданий 1962 г., Законом о пустующих церквях и иных культовых сооружениях 1969 г., Законами о планировании городского и сельского строительства 1971, 1972 и 1974 гг., Законами о национальном наследии 1980, 1983 и 1985 гг. В рамках правового регулирования предусмотрено выделение специальных субсидий для исторических памятников наследия, которые не фокусируются в налоговые кредиты и отчисления от дохода. Кроме того, предусмотрены налоговые стимулы через облегчение налога на добавленную стоимость и основные налоги. Это позволяет организациям, осуществляющим вложения в реставрацию и сохранение мемориальных комплексов (при должном осуществлении соевой деятельности), получить значительные налоговые и материальные преференции, существенно влияющие на возможность вложений в охрану мемориальных комплексов.

В Италии Законом от 8 октября 1997 г. № 352 «Положение о культурных ценностях», Законодательным декретом № 490 от 29 октября 1999 г. «Единый текст положения законодательства по вопросам культурных ценностей и ценностей окружающей среды» осуществлено проведение децентрализации в области функционирования и охраны мемориальных комплексов, создание действенных механизмов государственно-частного партнерства в целях обеспечения эффективной защиты национального достояния.

Таким образом, в большинстве государств вопрос о правовой охране мемориальных комплексов смещается из сферы административной, запретительной деятельности государства в плоскость взаимодействия государства и общества, в том числе организаций, осуществляющих использование территорий, на которых находятся мемориальные комплексы. Необходимость создания более гибкой и многосторонней системы мер, направленных на стимулирование активности частных лиц в обеспечении функционирования мемориальных комплексов, предусматривает выделение государственных грантов и субсидий, систему налоговых льгот, механизм государственно-частного взаимодействия.

Очевидно, что развитие правового регулирования в сфере функционирования и охраны мемориальных комплексов будет осуществляться в рамках гармоничного сочетания как императивного регулирования в рамках установления запретов и обязанностей субъектов, так и диспозитивного, подразумевающего возможность использовать соответствующие объекты в хозяйственных целях, при этом осуществлять правовую охрану мемориального комплекса и устанавливать ограниченный режим деятельности на территории такого комплекса со стороны третьих лиц. Такое оптимальное сочетание наряду с применением поощрительных мер налогового и иного стимулирования может позволить достичь сразу трех целей.

С одной стороны, это приведет к возможности оптимального обеспечения надзора (в постоянном режиме) за использованием мемориального комплекса, поскольку к традиционному государственному надзору добавится надзор, осуществляемый эксплуатантом мемориального комплекса. При этом целесообразность для него осуществления такого контроля может быть определена, в частности, условиями договора, заключаемого между государством и эксплуатантом мемориального комплекса и предусматривающего субсидиарную ответственность за ущерб, причиняемый такому комплексу в случае недостаточных мер эксплуатантом на его охрану.

С другой стороны, это может позволить эффективней осуществлять восстановительные и реставрационные работы такого мемориального комплекса посредством определения в приложении к соглашению об эксплуатации согласованного плана проведения восстановительных и реставрационных мероприятий, определив при этом механизмы государственной поддержки в том числе с применением поощрительных норм.

Наконец, такой подход может позволить обеспечить надлежащий общественный контроль за функционированием и охраной такого мемориального комплекса. Для этого в рамках соглашения между государством и эксплуатантом мемориального комплекса достаточно включения положений о создании общественного совета, призванного осуществлять общественный контроль за деятельностью эксплуатирующего мемориальный комплекс субъекта.

Такая схема будет более открытой и транспарентной с точки зрения интересов общества, конкурентной и менее затратной, чем осуществление соответствующей деятельности государством, контролируемой и обеспеченной механизмами ответственности.

Полагаем, что законодательство Российской Федерации в области функционирования и охраны мемориальных комплексов нуждается в доработке. Несмотря на то что в последние годы происходит доводка законодательства о погребении и похоронном деле (предусматривающая, в частности, семейные погребения и ряд других новелл), очевидна необходимость адаптации соответствующих положений с законодательством о мемориальных комплексах.

Актуальным представляется сопряжение такого законодательства с нормами о правовой охране неприкосновенности государственной символики (в части использования государственной символики как части художественной композиции мемориальных комплексов), об охране религиозных чувств (в части использования религиозной символики как части художественной композиции мемориальных комплексов, а равно в контексте осуществления на территории размещения мемориальных комплексов богослужений).

В целом следует констатировать потребность в дальнейшем реформировать законодательство о функционировании и охране мемориальных комплексов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества : закон РФ от 14 янв. 1993 г. № 4292-1 // Ведомости Верховного Совета и Съезда народных депутатов Российской Федерации. 1993. № 7. Ст. 245.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО МЕСТАМ ЗАХОРОНЕНИЙ

Аннотация. Рассматриваются особенности возмещения имущественного вреда, причиненного местам захоронений. Конкретизируются и разграничиваются понятия «место погребения», «место захоронения», «намогильное сооружение». Затрагивается проблема определения собственника намогильного сооружения как потерпевшего, выступающего в качестве истца по деликтному требованию. Уточняются условия деликтной ответственности лица, причинившего вред намогильному сооружению.

Ключевые слова: деликт, намогильное сооружение, возмещение имущественного вреда.

Aleksandr V. Klimovich
Law Institute of Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

COMPENSATION FOR DAMAGE TO BURIAL SITES

Abstract. The peculiarities of compensation for property damage caused to graves are discussed in the article. The concepts “burial place”, “burial site”, “tombstone” are specified and differentiated. The problem of determining the owner of a tombstone as a victim, acting as a claimant on tortious requirement, is touched. The terms of tort liability of the person who harmed the tombstone are specified.

Keywords: tort, tombstone, compensation for property damage.

Деликтная ответственность за причинение вреда – весьма распространенная сфера гражданско-правовой ответственности. Между тем в области мемориальных отношений, когда вред причиняется местам захоронений людей, вопрос о ее применении поднимается сравнительно редко. Это объясняется, с одной стороны, специальным урегулированием в законе уголовной ответственности за преступления, сопряженные с причинением подобного рода вреда (ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронений» Уголовного кодекса РФ [4]), с другой – некоторыми проблемами применения деликтного иска для защиты нарушенных в таких случаях субъективных гражданских прав.

Дело в том, что применение уголовного наказания за совершенный на кладбище вандализм и тому подобные преступления в отношении мест захоронений, в определенной мере «перекрывает» собой актуальность возмещения причиненного такими действиями имущественного и неимущественного вреда в рамках

гражданского процесса, поскольку фигура потерпевшего в таких случаях не так отчетлива, как того требует реализация исковой формы защиты. Но очевидно, что уголовная ответственность, преследуя свои узкоотраслевые карательные цели, не может в достаточной мере обеспечить достижение целей компенсационных, т. е. не в состоянии полностью устранить негативные для гражданско-правовых отношений последствия совершенного правонарушения. К тому же вред надгробному сооружению может быть причинен не только в результате преступления.

Формой реализации гражданско-правовой ответственности за причинение вреда является деликтное обязательство, в рамках которого, согласно ст. 1064 «Общие основания ответственности за причинение вреда» Гражданского кодекса РФ [3], причинитель вреда, выступающий в роли должника, обязан возместить в полном объеме вред, причиненный личности или имуществу другого лица – потерпевшего, выступающего в качестве кредитора. Основанием возникновения такого обязательства служит факт наступившего вреда при условии, что причиной его было противоправное и, как правило, виновное поведение причинителя вреда.

Когда вред причинен месту захоронения, для целей реализации гражданско-правовой (деликтной) ответственности возникает ряд принципиальных вопросов, прежде всего – кого и в чем в таких случаях следует считать потерпевшим? Какие субъективные гражданские права такого субъекта при этом следует считать нарушенными? Имеет место посягательство на чужое имущество, на нематериальные блага другого лица или на общественную нравственность?

Для ответа на обозначенные и вытекающие из них вопросы, прежде всего, необходимо определиться с понятием «место захоронения».

Действующее законодательство, основу которого в рассматриваемой сфере составляет Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» [5], не раскрывает его, оперируя более широким понятием – «места погребения», понимая под ними, согласно ст. 4, кладбища, стены скорби, крематории, а также иные здания и сооружения, предназначенные для осуществления погребения умерших. Однако как смыслу действующего законодательства, так и сложившейся мемориальной практике вполне соответствует определение термина «место захоронения», содержащееся в ст. 2

подготовленного Минстроем России проекта [7] закона о похоронном деле (далее – Проект), – это «часть пространства объекта похоронного назначения, предназначенная для захоронения останков или праха умерших, организованная в виде могил, склепов, мавзолеев, пантеонов, усыпальниц». Притом что объектом похоронного назначения, согласно той же статье, является «земельный участок, здание, часть здания, сооружение, комплекс зданий и сооружений или их совокупность, предназначенные для оказания ритуальных услуг». Аналогичный подход к определению мест захоронений отражен и во многих действующих актах органов местного самоуправления Иркутской области, определяющих порядок содержания мест погребений [см., например: 9, п. 5.8; 10, п. 1.3.5; 11, п. 5.8].

Таким образом, разновидностями мест захоронений, согласно сложившейся мемориальной практике, являются могилы, склепы, мавзолеи, пантеоны, усыпальницы и, надо полагать, иные подобные места, в которых захоронены останки или прах умершего человека. Учитывая, что, например, «могила» в упомянутых источниках определяется всего лишь как «углубление в земле для захоронения останков умерших (в гробе или без гроба), урн с прахом умерших», не менее важным для характеристики объекта посягательства в рассматриваемых правонарушениях является также и понятие «намогильное сооружение», или «надгробие», которое чаще всего и становится объектом причинения вреда. Обобщив мало чем различающиеся нормативно-теоретические подходы некоторых источников по данному вопросу, это понятие можно определить как «архитектурно-скульптурное сооружение, содержащее мемориальную информацию, предназначенное для увековечивания памяти умерших, устанавливаемое на месте захоронения, и (или) ограждение места захоронения». Намогильное сооружение может представлять собой памятник в виде стелы, обелиска, плиты, скульптуры, камня, а также крест. Это сооружение может быть построено в виде крытого склепа, пантеона, мавзолея, имеющих внутреннее пространство или помещения, в том числе в форме ротонды, а также в виде саркофага [6, п. 2.6.1; 9, п. 5.12].

В деликтном правоотношении вред, причиненный имуществу, нарушает субъективное право собственника этого имущества, моральный вред – личные неимущественные права лица,

испытывавшего физические или нравственные страдания. Поэтому ключевым элементом, определяющим реализацию обязательства по возмещению имущественного вреда, причиненного месту захоронения, является принадлежность определенному субъекту на праве собственности намогильного сооружения, установленного на этом месте захоронения.

Места погребения (кладбища, стены скорби и т. п.) по своей принадлежности могут быть государственными или муниципальными [5, ст. 15; 6, п. 2.11.1; 13, п. 1.3]. При этом фигура собственника намогильных сооружений (памятников, надмогильных плит, цветников, мемориальных досок и т. п.) в актах федерального уровня специально не выделяется, а по нормам различных актов муниципального уровня определяется по-разному: установивший их гражданин (организация) [10, п. 4,6; 9, п. 65; 11, п. 59; 12, п. 6.7; 14, п. 27]; установившее их лицо, на которое оформлено (зарегистрировано) захоронение [8, п. 61; 10, п. 2.24]; лицо, ответственное за место захоронения [9, п. 38; 11, п. 36].

Причем лицо, ответственное за захоронение (даже в тех случаях, когда оно указывается в нормативных актах в качестве собственника намогильного сооружения), также определяется в различных муниципальных образованиях различным образом: 1) гражданин, которому по его заявлению решением уполномоченного органа предоставлен земельный участок для создания захоронения [9, п. 31]; 2) лицо из числа близких родственников (супруг (супруга), дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, бабушка, бабушка), взявшее на себя обязанность осуществить погребение умершего (погибшего), либо другое лицо, письменно обратившееся в хозяйствующий субъект с заявлением о закреплении за ним ответственности за захоронение [11, п. 12, 17].

Для оценки такого разнообразия муниципального правотворчества следует исходить из того, что гражданское законодательство находится в ведении Российской Федерации [1, подп. «о» ст. 71; 2, п. 1, ст. 3], следовательно, нормы, регулирующие отношения собственности (в том числе определяющие возникновение, изменение и прекращение таких отношений), не могут содержаться в нормативных актах регионального и тем более муниципального уровня. Между тем федеральное законодательство, как было указано, специально не регулирует принадлежность намо-

гильного сооружения, что вынуждает обратиться к общим правилам гражданского законодательства о собственности.

В этой связи прежде всего отметим, что надгильное сооружение не относится к недвижимости как не отвечающее установленным законодательством требованиям [2, п. 1 ст. 130]. Что касается права собственности на движимое имущество, то: на новую вещь – оно возникает у лица, изготовившего или создавшего ее для себя с соблюдением законодательства; на чужое имущество – оно может быть приобретено на основании сделки о его отчуждении; на имущество умершего гражданина – оно переходит к другим лицам в порядке наследования [2, п.1, 2 ст. 218]. Согласно этим правилам собственником надгильного сооружения должно считаться лицо, которое, действуя в соответствии с применяемыми в данной местности правилами о порядке похорон и содержании кладбищ, само (из своего материала) либо через нанятых им по договору лиц (оплатив используемый материал) изготовило и установило такое сооружение. Особенностью возникающего при этом субъективного права собственности будет то, что составляющие его содержание правомочия (по владению, пользованию и распоряжению) в отношении надгильного сооружения реализуемы только для увековечения памяти об умершем. Какой-либо имущественный интерес в хозяйственном использовании объекта права собственности в данном случае не усматривается.

Очевидно, что произвести действия по установке за свой счет надгильного сооружения и, как следствие, стать его собственником может совершенно любой гражданин или организация. Поэтому зачастую бывает, что лицо становится собственником такого объекта, не имея никакого личного неимущественного интереса, основанного на праве увековечить память близкого человека (например, когда организация оплачивает установку памятника на могиле своего умершего работника, несмотря на то, что у того остались родственники, переживший супруг и другие близкие люди). Из этого может возникнуть нежелательная ситуация, при которой право собственности в отношении надгильного сооружения окажется у одного лица, не имеющего никакого интереса (ни имущественного, ни личного неимущественного) в сохранении этого объекта, а неимущественный интерес будет у других лиц, не имеющих на него права собственности. Это чрева-

то тем, что в случае причинения вреда надгробному сооружению первый из них не станет предъявлять деликтный иск (поскольку это потребует от него дополнительных, экономически неоправданных усилий), а другие – не будут иметь юридических оснований его предъявить (поскольку не могут рассматриваться в качестве потерпевших в деликтном правоотношении). В результате чего вред может остаться возмещенным.

Надгробное сооружение возникает в результате погребения умершего, которое осуществляется лицом, взявшим на себя обязанность осуществить погребение, либо специализированной службой по вопросам похоронного дела [5, ст. 5 и 6]. Но погребение – процесс хронологически короткий. Не менее важно урегулировать последующие, прежде всего вещные, отношения по поводу места захоронения, поскольку в рамках охватываемых правом собственности правомочий становится возможной полноценная эксплуатация такого объекта с целью реализации неимущественного права на увековечение памяти об умершем, права на достойный уход за захоронением близкого человека. На них основываются и возможные деликтные притязания, направленные на возмещение вреда, причиненного имуществу собственника.

Действующее законодательство не дает четкого определения лица, взявшего на себя обязанность осуществить погребение. Но систематическое толкование различных норм закона указывает на то, что в этой роли могут выступать: 1) исполнители волеизъявления (прежде всего выраженного в завещании) умершего при наличии их согласия, при отсутствии таковых или выраженного ими согласия – (2) супруг, близкие родственники (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, бабушка, дедушка), иные родственники либо законные представители умершего, а при их отсутствии – (3) иные лица, обратившиеся в уполномоченный орган с заявлением о закреплении за ними ответственности за захоронение. В связи с нечеткостью федеральных законоположений некоторые нормативные акты муниципальных органов, регулирующие отношения, связанные с погребением, устанавливают для этого субъекта более широкое понятие – лицо, ответственное за захоронение [10, п. 1.3.9; 9, п. 19; 11, п. 17]. Хотя, строго говоря, лицо, ответственное за место захоронения, – это тот, кто взял на себя обязатель-

ство обеспечивать надлежащее содержание места захоронения и постоянный уход за ним [6, п. 2.1.15; 12, п. 2.5].

Очевидно, это лицо может не совпадать с тем, кто взял на себя обязанность осуществить погребение, а также с тем, кто непосредственно установил надмогильное сооружение. Такая неопределенность не только способна выступать почвой для конфликтных ситуаций между близкими людьми умершего, но и порождает проблемы правоприменения, в частности при защите имущественных прав. Назрела необходимость обновления законодательства о погребении, особенно в части регулирования отношений, входящих в предмет гражданского права. Проект, в частности, предполагает установление правил, более четко определяющих собственника надмогильного сооружения: по заявлению лица, ответственного за место захоронения, в границах места захоронения может быть установлено надмогильное сооружение (надгробие), которое с момента установки становится собственностью такого лица [7, п. 6 ст. 36]. Притом что лицом, ответственным за место захоронения, по общему правилу, признается лицо, взявшее на себя обязанность по организации похорон, или иное лицо из числа близких родственников и иных родственников умершего [7, п. 1 ст. 36].

Таким образом, основная проблема реализации деликтного правоотношения в случае причинения вреда надмогильному сооружению заключается в определении фигуры потерпевшего, т. е. лица, чье право собственности было нарушено этим правонарушением. Если этот вопрос в конкретной ситуации успешно решен, дальнейшее развитие деликтного правоотношения достаточно традиционно и алгоритм защиты нарушенного права может быть выстроен в следующей последовательности.

Прежде всего, подлежит установлению факт причинения вреда, а также его объем (в чем именно он заключается, что конкретно на месте захоронения повреждено или уничтожено) и размер (денежное выражение понесенных собственником надмогильного сооружения имущественных потерь). Эти обстоятельства должен доказать потерпевший-собственник, выступающий в качестве истца. Пока не установлен данный факт, ставить вопрос о чьей-либо деликтной ответственности, т. е. о возмещении вреда, не представляется возможным за отсутствием такового.

Если же вред установлен, то, во-вторых, необходимо определить его причину. Учитывая, что их может быть несколько (как объективные события, так и действия конкретных лиц), выявляются все и определяется роль каждой из них в возникновении вреда. Устанавливается юридически значимая причина, т. е. та, которая с неизбежностью повлекла за собой вредоносные последствия. Это может быть затруднительно без проведения соответствующих экспертиз. Для возникновения деликтного обязательства потерпевший должен доказать наличие причинно-следственной связи между установленным вредом и действиями конкретного его причинителя, т. е. доказать, что вред стал результатом прежде всего именно этих действий, а не иных причин. Такой причинитель вреда выступает в качестве ответчика по деликтному иску.

Если действия ответчика установлены как юридически значимая причина наступившего вреда, то, в-третьих, для возникновения деликтного обязательства такие действия должны быть противоправными. В данном случае это означает, что ответчик нарушил целостность надгильного сооружения, не имея на то полномочий, вытекающих либо из закона или иного правового акта, либо из соглашения с собственником такого сооружения. Особенностью данного условия ответственности является то, что противоправность причинившего вред действия презюмируется, т. е. любой вред предполагается противоправным, пока не доказано обратное. Поэтому если будет установлено причинение вреда действиями данного конкретного лица, то уже ему придется оправдываться, обосновывая правомерность своего поведения.

Если ответчик не смог доказать правомерность своих действий, причинивших вред надгильному сооружению, то четвертым условием деликтной ответственности является его вина. Она также презюмируется, т. е. противоправное вредоносное действие предполагается виновным, пока не доказано обратное. Следовательно, причинителю вреда для того, чтобы избежать ответственности, придется доказать, что в его действиях не было не только умысла, но даже грубой или хотя бы простой неосторожности, что вред причинен им случайно. Вина может не учитываться только в случаях, предусмотренных законом, например, при причинении вреда: источником повышенной опасности [3, ст. 1079] или вследствие ненадлежаще оказанной услуги [3, ст. 1095].

При наличии всех указанных условий имущественный вред подлежит возмещению потерпевшему в полном объеме лицом, его причинившим. Причем это обязательство возникает вне прямой зависимости от возможной уголовной или административной ответственности причинителя вреда за его причинение.

Следует, однако, учитывать, что определенные особенности имеет возмещение имущественного вреда в случаях его причинения несовершеннолетними [3, ст. 1073–1075] или недееспособными [3, ст. 1076] лицами, а также лицами, не способными понимать значения своих действий или руководить ими [3, ст. 1078].

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. О погребении и похоронном деле : федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 8-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 146.
6. ГОСТ 32609-2014. Межгосударственный стандарт. Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения: введен в действие Приказом Росстандарта от 11.06.2014 № 551-ст // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
7. Проект Федерального закона «О похоронном деле в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», подготовлен Минстроем России: не внесен в ГД ФС РФ (текст по состоянию на 04.05.2018) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система. Документ опубликован не был.
8. Правила содержания и деятельности общественных кладбищ города Иркутска: Приложение № 1 к Решению Думы г. Иркутска от 21 мая 2009 г. № 004-20-611059/9 // Ведомости органов местного самоуправления г. Иркутска. 2009. № 5, т. 2.
9. Положение об организации ритуальных услуг и порядке содержания общественного кладбища на территории муниципального образования «город Саянск»: утв. Постановлением администрации МО «г. Саянск» от 18 июня 2013 г. № 110-37-768-13 // Саян. зори. 2013. 18 июля.
10. Порядок работы и содержания общественных кладбищ Ангарского городского округа : утв. Постановлением администрации Ангарского городского округа от 26 нояб. 2015 г. № 1725-па // Ангар. ведомости. 2015. 27 нояб.
11. Положение об организации ритуальных услуг, порядка деятельности и содержания общественных кладбищ на территории муниципального образования – «город Тулун» : утв. Постановлением администрации МО «г. Тулун» от 25 нояб. 2015 г. № 1635 // Тулун. вестн. 2015. 27 нояб.

12. Правила содержания и деятельности городского муниципального кладбища Шелеховского городского поселения : Приложение к Решению Думы г. Шелехова от 17 сент. 2015 г. № 28-рд // Шелехов. вестн. 2015. 2 окт.

13. Положение о правилах работы и о порядке содержания общественного кладбища Бадарминского муниципального образования : прил. 1 к решению Думы Бадарминского муниципального образования третьего созыва от 29 дек. 2016 г. № 38/7 [Электронный ресурс]. URL. http://uiraiou.irkobl.ru/settlement1/badarminskoe_mo/normativnyue-akty/29.12.2016_№38_7.pdf (11.05.2019).

14. Положение об организации похоронного дела на территории Иркутского сельского поселения : утв. решением Думы Иркутского сельского поселения от 10 авг. 2018 г. № 26 [Электронный ресурс]. URL. <http://иркутское-адм.рф/documents/473.html> (11.05.2019).

Виктор Александрович Смирнов

Юридический институт Иркутского государственного университета
г. Иркутск, Россия

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСКВЕРНЕНИЕМ ПАМЯТИ УСОПШИХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ И ПРОКУРОРСКОЙ ПРАКТИКИ)

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемы, возникающие в практике судов и органов предварительного расследования по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 244 УК РФ, в частности терминологическим неточностям диспозиции указанной статьи, спорным вопросам квалификации уничтожения, повреждения мест захоронения, а также хищений предметов из могилы или с могилы. На основе проведенного анализа предлагаются пути совершенствования российского уголовного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: преступления против общественной нравственности, надругательство, могила, уничтожение, повреждение чужого имущества, осквернение, хищение.

Victor A. Smirnov

Law Institute of Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

SOME QUESTIONS ARRIVING FROM THE QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO THE DEFINITION OF THE MEMORY OF THE DEPARTED (BASED ON MATERIALS OF JUDICIAL AND PROSECUTOR'S PRACTICE)

Abstract. This article is devoted to some problems arising in the practice of the courts and the bodies of preliminary investigation in cases of crimes under Art. 244 of the Criminal Code of Russian Federation. Terminological shortcomings of the disposition of this article, controversial issues of qualification of destruction and damage of burial sites, as well as the theft of objects from the grave or over the grave are investigated. Ways of improving Russian criminal law and the practice of its application are proposed on the basis of the analysis carried out.

Keywords: crimes against public morals, desecration, grave, destruction and damage of other's property, contamination, theft.

Похоронная культура является важнейшей частью многих современных цивилизаций, уходящей корнями в глубины архаичных обществ. Именно в тот период формировались представления о жизни и смерти, об отношении к умершему близкому человеку, о формах и способах увековечивания памяти о нем, о правилах и ритуалах поминания умерших и т. д. Многие из тех обычаев дошли и до наших дней. Именно через них родственники и друзья могут выразить свое отношение к умершему человеку, отдать дань уважения, погорюстить, вспомнить... Не случайно великим русским поэтом А. С. Пушкиным отмечалось, что «любовь к отеческим гробам» является одним из двух чувств, через которые «обретает сердце пищу». В этой связи любые формы осквернения памяти усопших, выражающиеся в уничтожении, повреждении мест захоронения, ином надругательстве над ними, доставляют родственникам, друзьям, близким умершего сильнейшие душевные страдания, вызывают у них чувства отчаяния, паники, незащитности. Поэтому уголовное законодательство многих стран содержит в своем составе ответственность за подобного рода деяния. Не является исключением в этом плане и Россия: УК РФ в ст. 244 УК РФ предусматривает ответственность за надругательство над телами умерших и местами их захоронения.

Конечно, в структуре преступности преступление, предусмотренное ст. 244 УК РФ, занимает далеко не лидирующие позиции: так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2015 г. по ней было осуждено 48 человек (как по основной статье, так и по дополнительной квалификации); в 2016 г. – 52 человека; в 2017 г. – 75 человек; в 2018 г. – 54 человека [16]. С одной стороны, это объясняется, что в основной своей массе наши сограждане относятся к местам захоронения как к сакральному месту, испытывают определенные страх и трепет перед ними и стараются относиться уважительно к вопросам их сохранности. Однако, с другой стороны, различные формы осквернения мест захоронения остаются высоколатентными деяниями, уголовное производство по которым весьма неохотно возбуждается правоохранительными органами, а при любом удобном случае – приостанавливается или прекращается. Наконец, немаловажной причиной является терминологическая нечеткость и пробельность российского уголовного законодательства, что приводит к ошибкам и неточностям при оценке органами предва-

рительного расследования содеянного по ст. 244 УК РФ. На некоторых из них мы бы хотели остановить свое внимание в рамках данной статьи.

1. Формулируя конструкцию состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, законодатель использует множественное число при определении предмета преступного посягательства – «тела умерших», «места их захоронения». Следуя буквальному толкованию, необходимо констатировать, что для признания данного преступления оконченным виновный должен причинить вред как минимум двум телам или местам захоронения. Между тем, как справедливо отмечает Р. А. Исмагилов [3], «в действительности смысл данной уголовно-правовой нормы, конечно, иной... Состав данного преступления налицо независимо от того, надругался виновный над телом одного умершего человека либо подобное деяние совершено в отношении тел нескольких умерших» [4, с. 141]. Как показало проведенное нами анонимное анкетирование прокурорских работников, осуществляющих надзор за законностью осуществления предварительного расследования, периодически в практике встречаются доводы стороны защиты, что в действиях подзащитного не содержится состава надругательства над телами умерших и местами их захоронения, поскольку он совершил данное деяние исключительно в отношении одного тела (одной могилы, одного места захоронения и т. п.). Рассматривая подобные заявления, прокурорам приходилось либо прибегать к так называемому расширительному толкованию, указывая в ответах на подобные заявления, что «законодатель имел в виду и случаи единичного причинения вреда» (*здесь и далее формулировки приводятся по текстам правоприменительных актов или из анкет*), либо соглашаться (!) с такими доводами и принимать меры к прекращению уголовного дела или отказу в его возбуждении (*указано в 2 анкетах*).

Использование множественного числа в диспозиции рассматриваемого состава преступления порождает и другую проблему. Данная формулировка, по сути, не различает причинение вреда и, как следствие, не приводит к существенному усилению ответственности в зависимости от количества оскверненных тел, уничтоженных или поврежденных мест захоронения. То есть действия лица, повредившего одно захоронение, и лица, совершившего подобные деяния в отношении двух и более могил

и т. п. (естественно, в рамках единого умысла), будут оценены исключительно в рамках ч. 1 ст. 244 УК РФ и в любом случае будут рассматриваться как преступление небольшой тяжести. Доводы о том, что дифференциацию можно провести при назначении наказания, на наш взгляд, являются малосостоятельными и в любом случае не соответствуют принципу справедливости, являющемуся базовым принципом уголовного права. Действительно, каким образом можно обеспечить справедливую оценку массовому уничтожению (повреждению) мест захоронения, если санкция ч. 1 ст. 244 УК РФ в своих верхних пределах по видам наказания предусматривает штраф в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, исправительные работы на срок до одного года либо арест на срок до трех месяцев? То есть в самом строгом варианте виновное лицо «получит» всего 3 месяца ареста, что вряд ли отражает степень общественной опасности его деяния и вреда, который был им причинен.

Для сравнения: в случае умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, принадлежащего разным собственникам, содеянное будет оцениваться отдельно по каждому потерпевшему и при наличии значительного ущерба квалифицироваться по ч. 1 ст. 167 УК РФ. То есть виновное лицо будет нести ответственность отдельно за вред, причиненный каждому потерпевшему, и наказание ему будет назначено также отдельно с учетом положений ст. 69 или ст. 70 УК РФ.

Все вышесказанное демонстрирует, что проблема не является надуманной и исключительно терминологической. Более того, необходимость ее решения вытекает из фундаментальных положений российского уголовного права, содержащихся в ст. 3, 6, 8 УК РФ. На наш взгляд, российскому законодателю стоит вернуться к формулировке ст. 229 УК РСФСР 1960 г., в которой использовалось именно единственное число – «надругательство над могилой». Это позволит привести текст ст. 244 УК РФ в соответствие с тем смыслом, который вкладывался в нее законодателем, и будет способствовать правильному применению закона в деятельности органов предварительного расследования, назначению виновному справедливого наказания.

2. Судебная и следственная практика часто сталкивается с проблемой применения уголовного закона в случаях уничтожения (повреждения) мест захоронения, надмогильных сооружений, а именно с необходимостью решения вопроса, надо ли виновному дополнительно вменять ст. 167 УК РФ, предусматривающую ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества. Как отмечает А. В. Калужская, «анализ судебной практики свидетельствует о том, что при юридической оценке содеянного нет единообразного подхода, квалификация действий при изложенных обстоятельствах сложна и противоречива, нередко возникает конкуренция между уголовно-правовыми нормами», приводя в подтверждение многочисленные примеры из практики судов различных субъектов РФ [5, с. 90–91]. При этом, как следует из проведенного ею исследования, в практике встречаются три варианта квалификации: вменение исключительно ст. 244 УК РФ, вменение исключительно ст. 167 УК РФ, вменение одновременно ст. 244 и ст. 167 УК РФ (идеальная совокупность).

Стоит отметить, что при анализе правоприменительной практики судов Иркутской области нами было установлено, что подобные деяния квалифицировались исключительно по ст. 244 УК РФ.

Так, например, Иркутским районным судом по п. «а» ч. 2 ст. 244 УК РФ был осужден П. С. А., который совместно с другим лицом (уголовное дело в отношении которого прекращено в связи со смертью) путем срывания с креплений и опрокидывания уничтожил или повредил 17 надмогильных сооружений (памятников) [13].

Мировым судьей судебного участка № 84 по г. Тайшету и Тайшетскому району Иркутской области по ч. 1 ст. 244 УК РФ был осужден К. В. А., который будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь на территории Тайшетского городского кладбища, умышленно оттащил в сторону с могилы сооружение в виде изготовленного из железа памятника, убрал с могилы в сторону венки и при помощи штыковой лопаты разрыл могилу, вскрыл крышку гроба усопшего [14].

По мнению А. В. Калужской, «совершение преступных действий в таких случаях влечет причинение вреда двум объектам уголовно-правовой охраны – отношениям общественной нравственности и отношениям собственности, поскольку виновный... умышленно уничтожая или повреждая могилу или надмогильные

сооружения, наносит ущерб чувствам родственников (моральный вред) и одновременно имущественный ущерб. Таким образом, можно говорить об идеальной совокупности преступлений, когда лицо одним действием совершает два преступления» [5, с. 91], в связи с чем она предлагает в подобных ситуациях вменять и ст. 244, и ст. 167 УК РФ.

Р. Б. Осокин по этому поводу отмечает, что «включение объективного признака “уничтожение, повреждение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий...” в состав преступления, предусмотренного ст. 244 “Надругательство над телами умерших и местами их захоронения” УК РФ вызывает на практике необоснованную конкуренцию со статьями о преступлениях против собственности, в частности уничтожением или повреждением имущества» [12, с. 345–346].

Констатируя существенные трудности при разграничении умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества со смежными составами преступлений, к числу которых относится и надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ), А. В. Зарубин высказывает мнение, что «основным непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ, выступают общественные отношения, охраняющие любые формы собственности. Таким образом, при посягательстве на иные общественные отношения в качестве основного объекта квалифицировать деяние по ст. 167 УК РФ нельзя» [2, с. 13].

По нашему мнению, в подобных ситуациях применению подлежит исключительно ст. 244 УК РФ. Во-первых, уничтожение (повреждение) включено в диспозицию статьи именно как способ надругательства над местами захоронения, и поэтому вменение дополнительного состава нам представляется не только излишним, но и нарушением классического принципа *non bis in idem*. Во-вторых, можно провести аналогию с диспозицией ст. 205 УК РФ, которая в ч. 1 в качестве признаков террористического акта предусматривает «совершение взрыва, поджога или иных действий... создающих опасность... причинения значительного имущественного ущерба», а в п. «в» ч. 2 – «те же деяния, повлекшие причинение значительного имущественного ущерба...». При этом Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 отмечает, что «причинение

в результате террористического акта значительного имущественного ущерба квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 167 УК РФ не требует» (п. 7) [11].

Между тем очевидно, что современные надгробия нередко изготавливаются из особо ценных материалов, имеют дорогостоящие элементы траурного декора, зачастую представляют собой высокохудожественные произведения и обладают высокой стоимостью. Уничтожая или повреждая подобные сооружения, виновный не может не понимать, что своими действиями причиняет вред не только отношениям нравственности, но и наносит значительный материальный ущерб. Однако существующая санкция ст. 244 УК РФ даже в своем самом суровом варианте применения не позволяет на достойном уровне отразить указанное обстоятельство. Поэтому мы считаем, что наиболее рациональным способом разрешения данной проблемы, учитывающим все доводы, приведенные нами выше, будет внесение в число квалифицированных признаков надругательства над телами умерших и местами их захоронения такого признака, как причинение в результате его совершения значительного имущественного ущерба.

3. Заслуживает внимания и вопрос, каким образом квалифицировать хищения предметов, находящихся в могиле или на могиле, а также при трупе до его захоронения. Дело в том, что, в отличие от ранее действовавшего УК РСФСР 1960 г., УК РФ напрямую не предусматривает ответственность за подобного рода деяния. В этой связи в судебной и следственной практике встречаются следующие варианты квалификации:

- а) действия виновного оцениваются только по ст. 158 УК РФ;
- б) действия виновного оцениваются только по ст. 244 УК РФ;
- в) действия виновного оцениваются по совокупности ст. 158 УК РФ и ст. 244 УК РФ.

Очевидная противоречивость данных вариантов, отсутствие единства в понимании текста уголовного закона, недопускающего применение аналогии и исключающего в силу п. «о» ст. 71 Конституции РФ разнообразие региональных подходов в его толковании, настоятельно требуют выработки путей преодоления вариативности правоприменительной практики, единых рекомендаций по применению уголовного законодательства, возможного его совершенствования.

Между тем в теории уголовного права также отсутствует единое мнение о том, какой должна быть квалификация хищения предметов, находящихся в могиле, на могиле или при трупе (в гробу). Так, ряд авторов настаивают, что предметы, находящиеся на теле покойного или в месте его захоронения, можно рассматривать как чью-то собственность, так как любые вещи, оставшиеся после смерти человека, переходят по наследству, и наследники становятся собственниками данного имущества, следовательно, имеют преимущественное право им распоряжаться, в том числе принять решение о захоронении данных вещей в месте с усопшим. В связи с этим они считают, что похищение данных предметов необходимо квалифицировать как соответствующее преступление против собственности [6, с. 609; 18, с. 573].

С другой стороны, значительное количество ученых отказывается считать предметы, помещенные в могилу или на могилу, как собственность лиц, поместивших их туда, и рассматривают их как ничейное имущество, как предметы, от которых собственники сознательно отказались. Поэтому действия виновного лица по завладению указанными предметами ими оцениваются исключительно по ст. 244 УК РФ [цит. по: 1, с. 4; 15, с. 83].

Наконец, третья группа авторов убеждена, что в данном случае налицо совокупность преступлений против общественной нравственности и против собственности. Например, З. А. Незнамова считает, что «хищение предметов с трупа, из могилы следует расценивать как надругательство над телом, поскольку эти действия являются циничными, резко расходятся с общепринятым уважительным отношением к покойным, с другой стороны, корыстные мотивы данных действий и сам способ надругательства не охватывается составом ст. 244 УК РФ, что требует дополнительной квалификации по ст. 158 УК РФ» [17, с. 618].

На наш взгляд, ключевым моментом для решения этой проблемы является установление сущности тех предметов, которые были захоронены вместе с умершим либо размещены в мемориальных, поминальных целях на могиле: являются они все-таки чьей либо собственностью либо относятся к категории вещей, от права собственности на которые соответствующее лицо отказалось. Как показывает изучение гражданского законодательства и законодательства о погребении и похоронном деле, этот вопрос в них напрямую не урегулирован. Серьезное исследование, прове-

денное М. Агафоновой, содержит подробнейший анализ положений Гражданского кодекса РФ, цепь логических рассуждений, в результате которых автор приходит к выводу, что обсуждаемые предметы в любом случае продолжают оставаться чьей-то собственностью и могут рассматриваться как предмет хищения, предусмотренного статьями гл. 21 УК РФ [1]. Не оспаривая результаты цивилистического анализа автора, мы хотели бы акцентировать внимание на нескольких моментах, которые не позволяют нам однозначно поддержать ее позицию.

Во-первых, весь ход формально юридических рассуждений М. Агафоновой не учитывает культурологическое значение погребального инвентаря. Важно подчеркнуть, что традиции помещать в гроб умершему какие-либо предметы уже очень много веков. Люди считали (а некоторые и сейчас продолжают считать), что отправлять мертвого в загробный мир без набора конкретных вещей – непροститeльная ошибка. Поэтому в гроб клали предметы домашней утвари, украшения и, конечно же, деньги, чтобы у усопшего была на том свете возможность приобрести все необходимое. Прошло много времени, но традиция так и осталась. И многим даже не важно, для чего это делается. При этом проведенный нами опрос показал, что граждане, которые придерживаются данной традиции, не рассматривают эти предметы как свои, напротив, они говорят, что «приносят их как бы в дар покойному, чтобы они емугодились на том свете». И в случае похищения их из могилы или с могилы они рассматривают это как осквернение памяти усопшего, как надругательство над памятью близкого им лица, но не как причинение ущерба их собственности.

Во-вторых, нельзя не учитывать и то, что одним из важнейших принципов уголовного права является принцип виновной ответственности, принцип субъективного вменения. Применительно к нашей проблематике это означает, что виновный должен осознавать все признаки деяния, из которых складывается его оценка как общественно опасного. Говоря о корыстных преступлениях против собственности, важно помнить, что предметом этих посягательств выступает именно чужое имущество, и этот факт должен однозначно осознаваться виновным, в противном случае квалификация по ст. 158 (например) исключена. Это связано с тем, что логическая конструкция «не мое – значит, чужое» здесь не применима как раз в силу существования брошенных,

бесхозных, ничейных вещей. В подавляющем большинстве случаев лица, похищающие предметы из могил (с могил), именно так к этому и относятся, и не учитывать это при уголовно-правовой оценке их действий было бы неправильно.

В-третьих, открытым остается вопрос о фигуре потерпевшего от такого хищения, о том, кто же является собственником тех предметов, которые были использованы в качестве погребального инвентаря. В подобных ситуациях установить, кто что положил в гроб (могилу), кто какие цветы принес и т. п., будет весьма проблематично, да и подписанные венки тоже вряд ли стоит относить к собственности лиц, их заказавших и оплативших. Считать же потерпевшим лицо, ответственное за захоронение, также не совсем правильно, поскольку, с одной стороны, оно не становится собственником всех этих предметов, с другой – его правовой статус регламентируется региональным и (или) местным законодательством при отсутствии какого-либо единого рамочного подхода к определению набора тех прав и обязанностей, которыми оно наделяется в связи с возложением на него указанной ответственности. Важно подчеркнуть, что далеко не во всех субъектах и муниципальных образованиях приняты и действуют подобные нормативные акты. Так, например, при анализе соответствующих постановлений муниципальных образований Иркутской области нами было выявлено использование следующих терминов: «лицо, ответственное за захоронение», «лицо, взявшее на себя обязанность произвести погребение», «лицо, на которое зарегистрировано захоронение», при этом ни один из этих статусов не включал в себя право собственности на захоронение и предметы, находящиеся в нем (на нем). Исключением является только отношение к на(д)могильным сооружениям, которые в большинстве исследованных нами муниципальных актов признаются собственностью лиц, их установивших [7; 8; 9; 10].

В этой связи не лишним будет напомнить, что уголовное законодательство относится к исключительному ведению Российской Федерации, использовать при квалификации действий виновного положения местного законодательства, которое неоднозначно трактует изучаемое понятие, было бы грубым нарушением принципа законности. Поэтому мы считаем, что применение ст. 158 УК РФ в случаях хищения предметов из могилы или находящихся на могиле в качестве погребального инвентаря яв-

ляется недопустимой натяжкой. Однако хотелось бы подчеркнуть, что и ст. 244 УК РФ, на наш взгляд, при хищении подобных предметов можно вменять только при условии очевидного надругательства, которое согласно диспозиции этой статьи должно выражаться в уничтожении, повреждении либо осквернении места захоронения. Поэтому аккуратное завладение такими предметами, не сопровождающееся вышеуказанными действиями, не может рассматриваться как надругательство над местами захоронения. Налицо пробел законодательного регулирования, преодолеть который можно только путем внесения в текст закона ответственности за хищение предметов, находящихся в могиле или на могиле, причем статья, предусматривающая признаки данного состава, должна располагаться в главе о преступлениях против общественной нравственности. По нашему стойкому убеждению, только таким способом можно будет учесть и статус похищаемых в таких случаях предметов, и особенности правового положения возможного потерпевшего. Статья об ответственности за хищение предметов из могилы и находящихся на могиле будет соответствовать историческому опыту отечественного законодательства (ст. 213 Свода законов уголовных 1832 г., ст. 256–257 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., ст. 170 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., п. 1 ст. 581 Уголовного уложения 1903 г., ст. 229 УК РСФСР 1960 г.), а также соответствовать реальному состоянию развития общественных отношений и способствовать формированию правильной и единообразной судебной и следственной практики.

В завершение хотелось бы отметить, что объемы работы не позволяют развернуто и подробно объяснить и мотивировать все наши позиции, изложенные выше. Безусловно, мы готовы и рассчитываем продолжить дискуссию о проблемах квалификации преступлений, связанных с осквернением памяти усопших, на страницах юридической печати и трибунах уголовно-правовых конференций. В конечном итоге только через дискуссии и споры можно совершенствовать законодательство и практику его применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонова М. А. Хищение из могил и с могил // Уголов. право. 2014. № 2. С. 4–15.

2. Зарубин А. В. Проблемы разграничения умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества со смежными составами преступлений // Криминалистика. 2015. № 1(16). С. 12–15.

3. Исмагилов Р. А. Некоторые проблемы квалификации хищения имущества с тел умерших и мест их захоронения // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД. 2014. № 1 (15). С. 55–59.

4. Исмагилов Р. А. Совершенствование уголовной ответственности за надругательство над телами умерших // Пробелы в рос. законодательстве. 2014. № 2. С. 140–144.

5. Калужская А. В. Квалификация надругательства над телами умерших и местами их захоронения, сопряженного с тайным хищением, а также умышленным уничтожением или повреждением чужого имущества: проблемы и пути их решения // Вестн. Моск. ун-та МВД. 2017. № 4. С. 89–96.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М. : НОРМА, 2005. 940 с.

7. Об утверждении Положения об организации похоронного дела и содержания мест захоронения на территории Зиминского городского муниципального образования : постановление Администрации Зиминского городского муниципального образования от 15 июня 2018 г. № 801 [Электронный ресурс]. URL: http://www.zimadm.ru/pub/files/QA/594/Postanovlenie_801_ot_15.06.2018.pdf (дата обращения: 10.05.2019.)

8. Об утверждении Положения об организации ритуальных услуг, погребения, похоронного дела и содержания кладбищ на территории МО «Ользюны» : постановление Администрации МО «Ользюны» от 15 мая 2015 г. № 11 // КонсультантПлюс [электронный ресурс] : справочная правовая система.

9. Об утверждении Порядка деятельности общественного кладбища и Правил содержания мест погребения на территории Зареченского муниципального образования : решение Думы Зареченского муницип. образования от 31 мая 2017 г. № 146 [Электронный ресурс]. URL: <http://zar-adm.ru/documents/283.html> (дата обращения: 10.05.2019).

10. Об утверждении Порядка работы и содержания общественных кладбищ Ангарского городского округа : постановление Администрации Ангарского городского округа от 26 нояб. 2015 г. № 1725-па [Электронный ресурс]. URL: <http://angarsk-adm.ru/administratsiya/munitsipalnye-pravovye-akty/> (дата обращения: 10.05.2019 г.).

11. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума ВС РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 // Рос. газ. 2012. 17 февр.

12. Осокин Р. Б. Проблемы противодействия преступлениям против общественной нравственности // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2011. № 1 (93). С. 343–346.

13. Приговор Иркутского районного суда от 8 авг. 2014 г. по делу № 1-350/2014 [Электронный ресурс]. URL: https://irkutsky--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=144879524&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.05.2019).

14. Приговор мирового судьи судебного участка № 84 по г. Тайшету и Тайшетскому району Иркутской области 2009 г. [Электронный ресурс]. URL:

http://84.irk.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=90 (дата обращения: 10.05.2019).

15. Сорокина Ю. В. Хищение предметов из могилы, с тела захороненного человека и из гроба: вопросы квалификации // Вопр. современ. юриспруденции : сб. ст. по материалам XXX Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2013. № 10(30). С. 81–85.

16. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.05.2019).

17. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. М. : Норма, 2001. 830 с.

18. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М. : Норма, 2005. 740 с.

19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПОГОСТОВ

Андрей Васильевич СТЕПАНОВ

Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Россия

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ЛИЦ ПРАВОСЛАВНОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. Рассматриваются погребальные традиции в Российской империи лиц православного исповедания в синодальный период истории Русской православной церкви. Проанализирована роль государства в формировании традиций погребения различных категорий подданных империи. Показаны последствия нарушения Свода законов Российской империи. Рассматриваются различные аспекты практики погребения иноверцев и самоубийц.

Ключевые слова: Российская империя, Свод законов Российской империи, кладбище, «ослиный чин», отпевание, панихида, погребение.

Andrey V. Stepanov
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

FUNERAL TRADITIONS OF PERSONS OF ORTHODOX RELIGION IN THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. In the article, the author examines the funeral traditions in the Russian empire of the people of the Orthodox confession in the Synodal period of the history of the Russian Orthodox Church. The role of the state in shaping the traditions of burial of various categories of subjects of the empire is analyzed. The consequences of violation of the Code of Laws of the Russian Empire are shown. Various aspects of the practice of the burial of the Gentiles and suicides are considered.

Keywords: Russian Empire, Code of Laws of the Russian Empire, cemetery, “donkey’s rank”, funeral, memorial service, burial.

По христианскому учению, души человеческие бессмертны, и потому продолжают жить по разлучении с телом. В Никео-Цареградском символе мы исповедуем воскресение Христа Спасителя из мертвых в третий день и выражаем наше ожидание «воскресения из мертвых и жизни будущего века», который наступит по Втором Пришествии [2, с. 590]. Этим учением и верой и определяется церковное отношение к смерти, погребению и

поминовению усопших. Особенно ярко эта вера отражается в песнопениях праздника Пасхи: «Смерти празднуем умерщвление, а до разрушения, иного жития, вечного начало» (тропарь 7 песни канона Пасхи) [3, с. 28]. С древнейших времен церковь проявляла заботу об останках умерших по вере братьев. По учению церкви, тело – это освященный благодатными таинствами храм души, а смерть – сон, по пробуждении от которого наступит вечная жизнь. В будущей жизни будет участвовать и тело, которое облечется в бессмертие и нетление (1-е Кор. 15, 35), и поэтому погребение предворяется многими символическими действиями. Тело умершего омывается водой с той мыслью, что оно должно предстать перед Богом в чистоте и непорочности, тела усопших архиереев и иереев обтираются маслом. Символично и облачение тела усопшего, которое облачается в ознаменование обновления тела по воскресении в новые чистые одежды; в выборе одежд соблюдается «соответствие с званием и служением усопшаго, так как каждый должен будет дать ответ на будущем суде не только по долгу христианскому, но и по долгу служения» [1, с. 1290]. Напоминанием о белой одежде Крещения служит саван, а венчик, который кладется на лоб усопшего, напоминает о том венце, который предназначен всем «возлюбившим явление Христа, за совершение подвига и соблюдение веры» (2 Тим. 4, 4–8) [1, с. 1291]. Над телами умерших мирян и монахов читается Псалтирь, а над священником – Св. Евангелие, поскольку его служение было посвящено проповеди Христова Благовестия.

Под погребением подразумевается и отпевание, и предание тела усопшего земле, хотя иногда подразумевается только одно погребение. Погребальный обряд всегда был в ведении православной церкви, и духовенство строго следило за его исполнением. Имеющаяся историография свидетельствует о том, что традиция погребения не оставалась неизменной. С начала XVIII в. решающая роль в изменении обряда стала принадлежать государству. Поворотным событием можно назвать подписание Петром I Указа о погребении 28 января 1704 г. [5]. Со временем все правила, регламентирующие обряд погребения, вошли в Полный свод законов, а именно в Полное собрание постановлений по ведомству православного исповедания Российской империи, и таким образом обряд погребения приобретает характер церковно-гражданских постановлений. Надо сказать, что погребение без

отпевания не было допустимо, кроме некоторых случаев. Приходской священник без особых законных причин не имел права уклониться от погребения по обряду православной церкви всякого православного христианина, но не ранее истечения трех суток после удостоверения смерти [1, с. 1300].

В случаях, когда смерть последовала вследствие заразной болезни, с целью предотвращения эпидемии, разрешалось совершать погребение до истечения трех суток с момента смерти, а в летнюю жару допускалось погребение по прошествии суток. Не совершалось погребение в первый день Пасхи и в день Рождества Христова до вечерни, а также в дни рождения и тезоименитства императора и императрицы, наследника цесаревича и цесаревны. В прочие царские дни погребение умерших не возбранялось.

Местом отпевания являлся храм, куда позволялось вносить тела усопших только для отпевания. Не разрешалось ни под каким видом держать их в храме более суток. При следовании погребальных процессий в церковь для отпевания или на кладбище для погребения воспрещалось ношение венков с надписями или без них, а также иных знаков и эмблем, не имевших церковного или государственно-официального значения. Дозволялось в храме обставить гроб деревьями и растениями таким образом, чтобы они не закрывали иконостас и не мешали совершению чина отпевания. С 1884 г. приказом военного министра было запрещено употребление военной музыки при погребении лиц невоенного звания. По этому поводу в «Церковном вестнике» было напечатано Определение Священного синода для епархиальных преосвященных и приходских священников, чтобы они, «в пределах принадлежащей каждому церковной власти, устраняли употребление музыки при совершении погребения, разъясняя, что музыка, не имеющая места в православном богослужении, не должна быть употребляема и при совершении религиозного обряда отпевания» [1, с. 1332]. Во время эпидемий отпевание совершалось или в домах, или же на месте погребения.

Христиан погребали в особо освященных местах – кладбищах. В древности было запрещено погребать усопших в церквах, поскольку в них хранились мощи мучеников. В Средние века появился обычай хоронить в храмах знатных лиц, который со временем, как противоречащий древнему церковному праву обычай, перестал существовать. Исключения допускались лишь в отно-

шении епископов и членов царствующей фамилии, о чем говорится в гл. 329 сочинения Симеона Солунского «О святых священнодействиях» [2]. Кладбища являются священными местами, такими они признавались и в нормах римского права. Учреждению кладбища предшествует определенный чин. Места для кладбищ отводились в местностях высокого и сухого грунта на расстоянии не менее полуверсты (533 м) от селений и не ближе ста сажен (213,3 м) от последнего городского жилья. На городских кладбищах устраивались церкви и часовни, и, с дозволения начальства, разрешалось перенесение старых церквей. Земли кладбищ, в силу решения Правительствующего сената, принадлежали духовному ведомству [1, с. 1337], тем самым все кладбища получали статус вероисповедальных. Запрещалось, без особого дозволения от министра внутренних дел, вырывать преданные земле тела для перевезения в другое место, на этом же основании запрещалось, в случае учреждения нового кладбища, без особого дозволения, вырывать находящиеся на старом кладбище гробы. Также запрещалось обращать прежнее кладбище под пашню или другим каким бы то ни было образом истреблять оставшиеся на нем могилы [4].

Для погребения тел священно-церковнослужителей назначались лучшие места на кладбищах и при возможности отдельно от мест погребения мирян. Умершие от заразы погребались на отдельных карантинных кладбищах, притом умершие погребались нагими, без гробов или же в открытых гробах и засыпались негашеной известью [4], для погребения иноверцев отводились места близ кладбищ, находящихся при православных церквях [4, с. 217].

При церквях, находящихся в селениях, дозволялось погребать тела умерших местных протоиереев и священников, честно и беспорочно проходивших свое служение и христиански скончавшихся [4]. Погребение мирян при церквях допускалось сколь возможно реже, как правило, хоронили благотворителей. Как пример: погребение Е. А. Кузнецова напротив алтаря Спасо-Преображенской церкви г. Иркутска и могила Г. Шелихова в ограде Знаменского монастыря. В случае погребения в самой церкви, если такое дозволялось, священник должен был наблюдать, чтобы в алтаре и между алтарем и амвоном, кроме детей, никто не был погребаем; миряне же могут быть погребаемы от амвона и за клиросами ко входу (к западным дверям) в церковь и на паперти.

Лица неправославного вероисповедания не удостоивались погребения по обрядам православной церкви, но в случае отсутствия пастора или священника того исповедания, к которому принадлежал умерший, то препроводить тело к месту погребения обязан был православный священник в облачении и опускать гроб в могилу с пением «Святый Боже...» [4, с. 213].

Особо нужно отметить о погребении старообрядцев и сектантов, иноверцев и неизвестных, некрещеных и самоубийц: старообрядцы и сектанты хоронили своих умерших по принятым у них обрядам, для погребения им предоставлялись особые кладбища или же места в пределах общих кладбищ. Уклонившихся в раскол православных христиан хоронили, «если сами они пред смертью раскаялись в своем заблуждении, или родственники их будут о том просить, согласно с желанием умершего» по православному обряду, но нераскаянные старообрядцы лишались подобного погребения [1].

Погребение тел неизвестных людей, умерших в полицейских помещениях или найденных мертвыми вне жилищ, возлагалось на полицию, а священник руководствовался в таких случаях чином погребения иноверцев. Как отмечает свящ. Н. Сильченков, погребение арестантов, умерших во время следствия или следования по этапу, возлагалось на начальства тех селений, где умер арестант. В случае смерти младенца, находившегося в деревне на попечении кормилицы, попечители должны были доставить его для погребения в приходскую церковь. В случаях насильственной или внезапной смерти кого-либо, священник не мог предавать земле тело умершего, не получив установленного законом на эти случаи полицейского свидетельства. Священник не должен был совершать погребение без судебно-медицинского осмотра:

- 1) умерших вскоре после наружного механического насилия, от ушиба, от раны, от падения со значительной высоты;
- 2) умерших скоропостижно с необычными припадками, подающими повод к подозрению в отравлении;
- 3) умерших после наружного применения вредных паров, мазей, ванн, умываний, пудры;
- 4) найденного мертвого тела с признаками насилия или без них;
- 5) найденного тела новорожденного младенца, а также при наличии подозрений в умышленном умерщвлении и изгнании плода;

б) при наличии жалоб о смерти в результате оказания некачественной медицинской помощи. Сюда же относились тела мнимоумерших, замерзших и утонувших. Все подобным образом умершие не погребались без свидетельства городской или земской полиции [4, с. 215].

Некрещенные или неправильно крещенные младенцы, мертворожденные не погребались по православному чину.

Из православных лишались христианского погребения вольные самоубийцы, умершие от пьянства, если только самоубийство не произошло во время умопомешательства, к ним же относились убитые на разбое или на дуэли. Умершие от употребления крепких напитков не причислялись к вольным самоубийцам, как случайно, а не намеренно причинившие себе смерть, и не лишались церковного погребения [4, с. 214], «тело же умышленного самоубийцы надлежало палачу в бесчестное место оттащить и там закопать» [4, с. 214]. Подобная печальная практика получила название «погребения по ослиному чину». При погребении самоубийц от известного умопомешательства, по мнению митрополита Филарета (Дроздова), «благоприличнее быть смиренному погребению: если несчастную смерть хотите украсить погребением, – говорил он относительно одного страдавшего ипохондрией и в припадке этого недуга застрелившегося, – вы готовите оскорбление для смерти благочестивой, равняя с нею несчастную. Не соблазн ли это и посторонним? Величаться, когда Бог послал смиряющее событие, будет ли угодно Богу?» [1, с. 1352].

Церковное поминовение совершалось только о тех, которые были удостоены погребения по обрядам православной церкви. Церковь возносит свои молитвы об отшедших отцах и братьях при всяком богослужении и особенно на литургии. Кроме того, в определенные дни совершается особое поминовение всех «от века в правоверии, в надежде воскресения и жизни вечная» усопших православных христиан, сподобившихся христианской кончины, равно как и тех, которые были застигнуты внезапной смертью и не были напутствованы в загробную жизнь молитвами Церкви [1]. Совершаемые в эти дни панихиды называются вселенскими. Панихиды по умышленным самоубийцам, равно по неверным умершим не справлялись, не совершалось и поминовение на Божественной литургии. С общим поминовением усопших долгое время был связан обычай погребать в больших городах,

таких как Москва, всех умерших несчастной смертью в четверг седьмой недели по Пасхе, который назывался Семик. Для совершения обряда погребения за городом отводились специальные места, называвшиеся Убогими домами, жальниками или просто скудельницами. На Убогих домах устраивались сараи с одной большой могилой. Здесь полагались тела всех умерших насильственной или внезапную смертью и потому лишенных подобающих случаю молитвословий, сюда же свозились тела казненных, утонувших, сгоревших, замерзших, погибших от убийц, странников, нищих и вообще всех, не принадлежавших ни к какому приходу и потому не нашедших себе место ни на одном из приходских кладбищ. Так, патриарх Адриан наказывал: «Самоубийц и убитых при разбое и воровстве не класть на кладбищах и Убогих домах, но зарывать в лесу или в поле без поминовения в Семик» [1, с. 673]. Со времени Петра I на Убогие дома свозили трупы анатомированных в госпитале. В общей отрытой могиле на Убогом дому собиралось таким образом множество непогребенных тел до Семика или же до праздника Покрова Богоматери. Только в эти два дня в году предавались земле все свезенные на Убогий дом. В эти дни из храмов и монастырей устраивались крестные ходы для совершения общей панихиды и предания христианскому погребению тел умерших, лишенных его в свое время и свезенных в общую могилу Убого дома. Погребение и поминовение их за счет богомольцев-благотворителей было исконным обычаем русского Семика. Этот обычай прекратился с уничтожением Убогих домов в конце XVIII в., после Московской чумы, когда в городах были заведены особые кладбища и запрещалось хоронить при приходских церквях [1].

Кроме общего поминовения совершалось и частное – каждого усопшего по отдельности. Для поминовения новопреставленных назначались первые сорок дней со дня смерти, находя в этом числе, по свидетельству Священного Писания, достаточный срок для очищения от грехов (Быт. 7.12; Лев. 12; Мф. 4.2). Кроме того, «из этих сорока дней особенно посвящаются молитве за усопших дни – третий, в воспоминание тридневного воскресения Христова, девятый – чтобы дух усопшего был причислен к девяти чинам ангельским, и сороковой – по ветхозаветному примеру оплакивания Моисея израильянами в продолжение сорока дней и по сближению этого дня с днем вознесения Господня. Наконец, по-

миновению усопшего посвящался годовой день смерти, рождения и именин, в той мысли, что умерший жив и безсмертен по духу и некогда совершенно обновится, когда Господь воздвигнет самое тело его» [1, с. 1366–1367].

Итак, завершая наше исследование, мы приходим к выводу о том, что в рассматриваемый период к началу XX в. складывается обряд православного погребения, который совершается и в наши дни. При этом совершение обряда было полностью в ведении Русской православной церкви, а с начала XVIII в. решающая роль стала принадлежать государству, с момента подписания Петром I Указа о погребении. Со временем все правила, регламентирующие обряд погребения, вошли Свод законов Российской империи, а именно в Полное собрание постановлений по ведомству православного исповедания Российской империи, и таким образом обряд погребения приобретает характер церковно-гражданских постановлений. Последствием такого положения дел явилось привлечение виновных в неисполнении Правил к ответственности в зависимости от характера и тяжести нарушения. При этом наказание имело порой двойной характер, как со стороны духовных, так и гражданских властей. Так, за уклонение от совершения погребения без уважительных причин священник подвергался исправительному наказанию от своего духовного начальства, а за погребение покойника до истечения трех суток по удостоверении смерти – денежному взысканию от одного до пятидесяти рублей или же аресту на время от трех дней до трех недель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Репринт. воспроизведение изд. 1913 г. : в 2 ч. М. : Издат. отдел Моск. Патриархии, 1993. 1772 с.
2. Владислав Цыпин, прот. Каноническое право. 2-е изд. М. : Изд-во Сретен. монастыря, 2012. 864 с.
3. Последование во Святую и Великую Неделю Пасхи и во всю Светлую Седмицу. М. : Издат. совет РПЦ, 2009. 176 с.
4. Практическое пособие при совершении приходских треб / сост. свящ. Н. Сильченков. 5-е изд., испр. Печ. по изд. 1888 г. СПб. : Сатис, 1994. 291 с.
5. Четырина Н. В. Обряд погребения в России в конце XVIII – начале XIX в. [Электронный ресурс] // Научный богословский портал. URL: <http://archive.bogoslov.ru/library/text/214152/index.html> (дата обращения 14.05.2019).

Зоригто Баирович БАТУЕВ

Усть-Ордынский окружной дацан «Тубдэн Даржелин»
пос. Усть-Орда, Россия

ТРАДИЦИИ ПОГРЕБЕНИЯ БУРЯТ-МОНГОЛОВ – ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ

Аннотация. Освещаются традиции прощания с ушедшими в мир иной людьми у бурят-монгольских народов, какими они были в прошлом и какими стали на современном этапе. Рассматриваются процессы изменения обычаев под влиянием религиозных взглядов.

Ключевые слова: погребение, обряды, кремация, традиция.

Zorigto B. Batuyev

District of the Datsan «Turian Dargelin»
Village Ust-Orda, Russia

BURIAL TRADITIONS OF THE BURYAT-MONGOLS – PAST, PRESENT

Abstract. In this article the author highlights the tradition of farewell to the departed in the world of other people, the Buryat-Mongolian peoples. As it was in the past, and as it has become in modern times. Interesting processes of change of customs under the influence of religious views are given.

Keywords: burial, rites, cremation, tradition.

Бурят-монголов издревле принято считать кочевым народом с множеством родов и племен. В силу кочевого образа жизни, традиции погребения имели свою уникальную особенность и обычаи. В данной статье автор будет полагаться на традиции буддийской похоронной обрядности, а также на собственную память о переданных обычаях предков.

Все монгольские племена с давних времен свято оберегали природу, нельзя было без особой надобности копать землю, даже для захоронений. Поэтому тела умерших «случайно» теряли в степи, уезжая на телеге с лошадиной упряжкой подальше от людского обитания. Таким образом, термин «потерялся», используется по сей день, на бурятском звучит «гээгдэ». На рубеже XV–XVI вв., с приходом инородной для бурят культуры, русской православной, началась эпоха трансформации и эволюции бурятских обычаев погребения и похорон в целом. Процесс похорон стал многим схож с русскими традициями, особенно у западных бурятских родов. Процесс культурной эволюции коснулся и забайкальских бурят, но тут свое внушительное влияние оказал буддизм, пришедший к восточным бурятам в конце XVII и в начале XVIII в. Сегодня у бурят, исповедующих буддийские традиции,

наблюдается некоторое смешение обычаев. Но тем не менее обрядовая сторона процесса похорон соблюдается строго по правилам буддийских канонов. Как только человек умер, родные первым делом едут в дацан, где ламы вычисляют день, время похорон и сторону выноса тела, а также определяют особое божество, которое нужно почитать в течение 49 дней. Затем проводят молебен, отправляющий сознание в «чистые земли», которое называется «хуга намши». Во время чтения данного ритуала ламами призывается сознание умершего к месту обряда. Затем проводятся необходимые действия, указывающие ему на завершение привычной жизни и выход из прошлого тела. Демонстрируются все четыре стихии, ставшие для него другими. В буддизме считается, что сознание, находящееся в промежуточном состоянии бардо, не ощущает преград, а сам человек в первые дни пребывания в бардо не понимает всего происходящего с ним и испытывает сильный страх и испуг. Во время обряда ламами и всеми родными начитываются буддийские мантры для накопления больших кармических заслуг, способных ввергнуть индивида в благую участь. Все вышеперечисленные обычаи совершаются ради благополучного рождения человека в будущей жизни. Ведь согласно буддийской вере все живые существа пребывают в сансарическом круговороте рождений. Кстати, характер смерти не важен, даже если это самоубийство, процедура будет аналогичной, но кармический груз от содеянного крайне тяжелый, в связи с чем молитв станет больше, не говоря о горе содеянного. Самоубийство в буддизме оценивается крайне негативно, это подобно убийству человека, и считается тяжким дурным поступком, лишаящим драгоценного человеческого тела. Все поминки и проводы проводятся строго без алкоголя. Это объясняется тем, что распитие спиртных напитков родными во время похорон затуманивает дальнейший путь усопшего. Тело усопшего помещается в гроб правым боком вниз, что называется позой льва. Так ушел из жизни Будда Шакьямуни. Но предают земле не всех. Священнослужителей чаще всего предают огню, прах которых после закладки валяют в основание буддийской ступы.

Что касается прибайкальских бурят, то, несмотря на влияние русской культуры, все же этнические обычаи в процессе похорон присутствуют. Так, например, усопшего принято хоронить в одежде по времени года, т. е., если зимой, то в зимнем одеянии,

и т. д. Присутствие шамана во время похорон не обязательно. В ночь после погребения накрывают на стол угощения, дабы утолить голод и жажду усопшему. Все остальное похоже на русские традиции, только без церковных служб.

Всем добра и счастья!

Илья Юрьевич ТОКАРЕВ

Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПОХОРОННЫХ ОБРЯДОВ В РОССИИ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Проводится анализ особенностей похоронных обрядов в России советского и постсоветского периода. Автор прослеживает эволюцию похоронных обрядов с дореволюционного периода до современности, рассматривает особенности традиций захоронения каждого периода, начиная с предреволюционной России, заканчивая постперестроечной.

Ключевые слова: похороны, обряды, гражданские панихиды, погребальные традиции, предреволюционная Россия, советский, постсоветский период.

Ilya U. Tokarev

Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

FEATURES OF FUNERAL RITES IN RUSSIA OF THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIOD

Abstract. The article describes the features of the funeral rites in Russia of the Soviet and post-Soviet period. The author traces the evolution of funeral rites from the pre-revolutionary period to the present, examines the peculiarities of the burial traditions of each period, starting with pre-revolutionary Russia, ending with post-perestroika.

Keywords: funeral ceremonies, civil funeral services, funeral traditions, pre-revolutionary Russia, the Soviet, post-Soviet period.

После Октябрьской революции большевики приняли ряд декретов, которые позволяли гражданам провожать близких людей в последний путь по-новому.

В царской России процедура православных похорон четко регламентировалась Уставом Русской православной церкви. Покойного обязательно отпевали в церкви, устройство погребальной процессии (священник – повозка с гробом – провожающие) и место захоронения определялись социальным статусом покойного [1].

В некоторых источниках исследователей народной жизни можно увидеть, что внедрение гражданского, советского элемен-

та в похоронно-поминальную процессию началось еще в XIX в. Например, первые гражданские похороны в России состоялись в 1877 г., когда в Петербурге хоронили русского писателя Николая Алексеевича Некрасова. Несмотря на то что эти похороны проходили по православному обряду, многолюдное шествие и значение, которое придавалось участию в проводах известного поэта, сделали их особым явлением в общественной жизни страны. Процессию возглавил не священник, а группа молодых людей, несущих огромные венки. Церковное отпевание Некрасова дополнилось гражданской панихидой [2].

Затем были похороны Льва Толстого, которые сопровождались студенческими волнениями из-за отлучения почившего классика от церкви. Ярким примером «красных похорон» стали провода в последний путь большевика Николая Баумана: 15 тысяч собравшихся, боевая дружина во главе процессии, флагоносцы, студенты с венками, конные добровольцы-охранники в маршальских костюмах. Картузы и петлицы сопровождающих украшали красные ленты, а над головами похоронной процессии возвышались транспаранты с лозунгами.

Новый похоронный обряд становился все более популярным и вошел в жизнь как широко распространившийся по всей территории страны в 1905 г., во времена первой революции [5]. Можно сказать, что этот обряд либо исключал полностью церковный ритуал, либо объединял его с гражданским ритуалом. Для гражданских и полугражданских похорон были характерны речи, произносимые у гроба, пение революционных песен во время шествия по кладбищу и введение красного цвета в похоронную символику: флаги, ленты, материя, которой обвивали гроб, а в ряде случаев и красная рубашка, надевавшаяся на покойного.

В советское время похороны становятся все более гражданским ритуалом и стали включать в себя такие почти обязательные элементы, как траурный митинг и духовой оркестр, сопровождающий его [3]. Некоторые источники утверждают, что эти элементы гармонично сочетались с некоторыми похоронными традициями, существовавшими ранее, более многочисленными и ответственными в деревне. Сохранился обычай поминального обеда после похорон, на котором произносились добрые слова об умершем. Также соблюдались поминки на девятый, сороковой день и в годовщину после смерти, но значительная часть русско-

го народа исключила из поминальных действий в эти дни традиции религиозного характера, и смыслом поминальных трапез стали теплые воспоминания об усопшем. При этом практически повсеместно на столе или на каком-либо другом месте ставилась фотография ушедшего из жизни, а перед ней стопка водки, накрытая куском хлеба.

Создание нового советского общества в стране привело к разрушению тех социальных связей, которые поддерживали жизнь традиционной культуры в целом. Одна из непосредственных причин изменений, произошедших в похоронно-поминальной обрядности, – длившееся десятилетиями жестокое ограничение деятельности православной церкви, которое наглядно проявилось в закрытии и разрушении храмов. Немалую роль сыграла и антирелигиозная пропаганда (атеистическое воспитание); она сумела внушить не одному поколению русских людей равнодушие не только к религии, но и вообще к традициям предков [6].

Однако было бы неправильно объяснять изменения в похоронно-поминальной обрядности, произошедшие в советское время, одними лишь идеологическими причинами. Идеологический фон сочетался с коренными преобразованиями в жизни страны в XX в. Особо следует подчеркнуть значение мощных процессов урбанизации. Рост городов препятствовал сохранению старых кладбищ [4]. Новые же кладбища, особенно в больших городах, постепенно перемещались на далекие окраины и даже за пределы города, что, разумеется, затрудняло частое посещение их.

В 1921 г. в России строится первый крематорий. И хотя кремация не соответствует русскому традиционному погребальному обряду, тем не менее в Москве и Санкт-Петербурге в послевоенный период она уже вошла в обычай [2].

В жизни больших городов с особенной отчетливостью проявилось то пренебрежение к памяти о прошлом, следовательно, и о мертвых, которое сделалось характерным для идеологической атмосферы в нашей стране в послереволюционные годы. Массовое уничтожение церквей сопровождалось и массовым уничтожением кладбищ; постройка зданий на месте закрытых кладбищ давно вошла в обычную практику [7]. Известны случаи, когда на месте кладбищ появлялись танцплощадки. Кладбище перестало быть неприкосновенным и почитаемым местом.

Переселение неперспективных деревень и стремление крестьян переехать в город также внесли свою лепту в разрушение народных обычаев, в том числе поминально-погребального ритуала. Ликвидация деревень приводила к запустению и уничтожению старинных кладбищ. В городе и большом поселке, где до церкви, если она сохранилась, многим верующим порой сложно было добраться, не так-то легко оказывалось отпеть умерших.

Бесцеремонность по отношению к ушедшим из жизни, молчаливо возведенная в правило бюрократической системой, не могла не воспитать людей, позволяющих себе глумиться над прахом мертвых.

В последние годы происходит возрождение православия в России. При всех трудностях, осложняющих деятельность церкви, в условиях проникновения в страну иных конфессий и нетрадиционных сект, возрастает значение православия в жизни русского народа, что заметно сказывается на обращении все большего числа людей к православной погребально-поминальной обрядности.

Для современной православной похоронно-поминальной обрядности характерно сохранение ряда элементов гражданских похорон, прочно вошедших в жизнь в советское время. Так, похороны по православному чину могут включать в себя и гражданскую панихиду, и музыку духового оркестра, которая перемежается с пением певчих. До сих пор в народной памяти и быту сохраняются некоторые обычаи и поверья, уходящие корнями в глубокую древность. Например, и в наши дни совершаются отдельные очистительные действия, связанные с верой в магическую силу умерших. Сохраняются и представления о том, что душа мертвого навещает дом в течение 40 дней после смерти. Не забыт и обычай «тайной милостыни». В ряде местностей в гроб продолжают класть принадлежавшие покойному вещи: трубку, папиросы, костыли, а то и запасную пару белья. Распространены рассказы о том, что родственникам может явиться во сне умерший и выразить неудовольствие, если что-то из нужных ему вещей забыли положить в гроб, не так его одели или поминки прошли нехорошо. Столь же широко известны сообщения о благодарности, которую выразил приснившийся (или показавшийся, то ли во сне, то ли наяву) кому-либо из близких родных за соблюдение всех положенных по обычаю обрядов.

Традиционная гражданская панихида обычно проходит на кладбище или в специальном траурном зале. Такие помещения обычно есть в моргах, крематориях и на кладбищах.

При проведении традиционной гражданской панихиды в зале, помещение организуют следующим образом:

- Гроб с телом покойного размещается в центре ногами ко входу. Обычно его ставят на возвышение-подиум.
- На входе в помещение ставится текст некролога.
- Портрет покойного ставят в изголовье гроба, левый нижний угол перевязывают черной траурной лентой.
- Места для близких умершего размещаются либо по обе стороны от гроба, либо по правую руку покойного.
- Венки от близких размещаются перед гробом, обычно на нем лента белого цвета. Прочие венки вешаются по периметру помещения.

Сценарий гражданской панихиды разрабатывается совместно с церемониймейстером. Сценарий включает в себя прощальные речи участников. Эти речи, а также порядок выступлений согласуются с церемониймейстером. При этом порядок выступлений следует выстраивать в соответствии с родством либо старшинством участников.

Во время всего ритуала внимание прощающихся должно быть обращено на гроб с телом покойного. Поэтому пространство для выступающих и стойка с микрофоном должны быть расположены так, чтобы участникам не было нужды переводить взгляд. Если выступающий говорит последние слова покойному, то ему следует обращаться к нему, а не к собравшимся. В прощальной речи о покойном следует говорить лишь хорошее, вспоминать связанные с ним важные и приятные события, подчеркивать его заслуги перед семьей, друзьями, обществом [8].

Сценарий гражданской панихиды обычно включает в себя траурную музыку. Она исполняется при начале обряда, когда гроб вносят в помещение, и в конце, после завершения прощальных речей. Допускается как использование записей, так и участие траурного оркестра.

Таким образом, советское и постсоветское время оставило очень сильный отпечаток на похоронных обрядах, что повлияло на появление новых ритуалов в современной России.

Научный руководитель: Степанов Андрей Васильевич

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М. : Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2013. 537с. (Серия: Церковные реформы).
2. Декрет СНК Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Декреты Советской власти. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 1. 472 с.
3. Декрет СНК О кладбищах и похоронах // Декреты Советской власти. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1968. Т. 4. С. 163–164.
4. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 27, 27 об., 28. Многие из этих кладбищ были переполнены еще в конце XIX в. и продолжали работать только благодаря регулярной прирезке территорий. См.: Канализация г. Москвы, очистка, водостоки, бани и кладбища / под ред. П. В. Сытина. М. : Изд. МКХ, 1925. С. 75–77.
5. Жиркевич А. Запись от 1 июля 1921 г., 7 августа 1922 г. (Жиркевич А. В. Потревоженные тени... Симбирский дневник / сост., предисл. и прим. Н. Г. Жиркевич-Подлесских. М. : Этерна-принт, 2007. 640 с.
6. Ларин Ю. Не пора ли подождать? // Известия. 1922. № 20 (1459). С. 1719.
7. Кириллова Е. А. Советская жилищная политика в годы нэпа: квартирный вопрос и домовое самоуправление в Петрограде-Ленинграде // The Soviet and Post-Soviet Review. 2016. № 43.
8. Смолкин-Ротрок В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4(30). С. 430–463. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-borbe-za-ravnoe-pogrebenie> (дата обращения: 12.05.2019).

Альберт Анатольевич МАЗУРЕНКО

Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии
г. Иркутск, Россия

НЕМЕЦКОЕ КЛАДБИЩЕ

Аннотация. Проводится обзор истории создания и существования немецкого кладбища в г. Иркутске. Автор выражает свое несогласие с установлением бабра (геральдического символа Иркутска) в честь 350-летия города на месте бывшего лютеранского кладбища и настаивает на восстановлении исторической справедливости: на установлении на этом месте памятника первому губернатору Иркутской губернии Карлу Львовичу фон Фраундорфу.

Ключевые слова: Иркутск, мемориальный комплекс, немецкое кладбище.

Albert A. Mazurenko

Ingrian Evangelical Lutheran Church
Irkutsk, Russia

GERMAN CEMETERY

Abstract. The article describes the history of the creation and existence of the «German cemetery» in Irkutsk. The author consistently examines all periods of existence of the cemetery, up to the celebration of the 350th anniversary of the city, when, in violation of all ethical norms,

ignoring the public opinion of the Irkutsk people, a bronze sculpture of babra, the beast from the coat of arms of the city, was put on the place of the cemetery. The author insists on the restoration of historical justice: the reconstruction of the memorial complex.

Keywords: Irkutsk, memorial complex, German cemetery.

Наш любимый город Иркутск преображается, становится все более красивым и комфортным. В 2011 г. к 350-летию Иркутска был возведен 130-й квартал. В начале этого уютного и ставшего одним из любимых мест отдыха горожан возвышается скульптура бабра. Гости города, да и сами жители Иркутска любят фотографироваться с символом Иркутской области и г. Иркутска, но редко кто задумывается, а что же там находится под лапами бабра.

Данная статья написана о «немецком» кладбище (так его именовали), но не случайно слово «немецкое» стоит в кавычках. Раньше подданные России делились не по национальности, а по вероисповеданию, поэтому правильнее назвать его лютеранским кладбищем, потому что лютеранское вероучение исповедовали не только немцы.

Начало истории лютеранского – «немецкого» – кладбища в Иркутске связано с военнопленными шведами, в начале XVIII в. им выделили участок земли для захоронений, тогда еще за городом, по дороге на Байкал. Сегодня там «встречаются» три улицы: Тимирязева, 3-го Июля и Ленина. Имеются сведения о том, что шведы начали строительство кирхи (лютеранского храма) рядом с захоронениями, но после заключения мира многие из них были отправлены к себе на родину и строительство прекратилось. Затем на том месте была построена Крестовоздвиженская церковь. В октябре 1772 г. вследствие указа Екатерины II, запретившего во избежание эпидемий захоронения в оградах городских церквей, было отведено место для общегородского «кладбища мертвых тел» на горе, получившей название Иерусалимской, где был выделен участок земли для захоронения лютеран. Поэтому на «немецком» кладбище захоронения совершались очень редко.

Летопись повествует, что в 1736 г. здесь был похоронен обер-комендант, бригадир И. А. Линеман, но о нем мало что известно. Также на этом кладбище похоронен Лоренц Ланг, с 1739 по 1752 г. он был вице-губернатором Иркутской провинции. Известно, что он родился в Стокгольме в 1684 г. Есть разные версии, как он прибыл в Сибирь, по одной из них, он сам приехал в качестве специалиста. По второй – он попал в плен в 1709 г. по-

сле Полтавской битвы. Ланг был хорошо образован, имел чин инженер-лейтенанта. Поступил на русскую службу в 1712–1715 гг. Не один раз он с разными поручениями бывает в Китае, в том числе работая в Русской миссии. Его служение было высоко оценено Российским государством, поэтому его назначили руководителем Иркутской провинции, которая простиралась от Енисея до Тихого океана. Его служение сначала было активным, но, заболев, он отстранился от дел, и в провинции стала процветать коррупция и повысилась преступность. 26 декабря 1752 г. в возрасте 68 лет он умер и похоронен на «немецком» кладбище.

В середине XVIII в. в Иркутск прибыл первый губернатор уже Иркутской губернии генерал-майор Карл Львович фон Фрауендорф, который по вероисповеданию тоже был лютеранином. В его заслуги входит наведение порядка в Иркутской губернии: борьба со взяточничеством, укрепление границ (расселение казаков вдоль границы). По его приказу была снята первая карта оз. Байкал. Интересен тот факт, что он был первым, кто привез картофель в наш край и содействовал его распространению среди крестьянства. Приобщал к занятию земледелием бурятское население. Но служение Фрауендорфа началось не в Восточной Сибири. Известно, что будущий губернатор родился в Германии, в г. Брандербурге. В 1731 г. поступает на русскую службу, серьезно занимается картографией, делает переводы книг (даже с арабского языка). И, конечно, состоит на воинской службе, участвует в военных действиях в Крыму и на Кавказе. Затем приезжает в Западную Сибирь в г. Омск, где укрепляет границы и наводит порядок.

После издания закона № 12269 от 19 октября 1764 г. об учреждении Иркутской губернии, 10 марта 1765 г. Фрауендорф прибывает в Иркутск. Уже 15 марта он проезжает с инспекцией по городу, благодаря ему мы в Иркутске получили градостроительный план, где было предписано строить прямые улицы по определенным правилам. До этого улицы были кривые, дома ставили как хотели, заборы выходили на проезжую часть. Также отмечается, что губернатор занимался с учениками Иркутской навигационной школы, он прекрасно разбирался в математике, вел занятия по картографии, фортификации, архитектуре.

Он не успел много сделать, потому что скончался 2 января 1767 г., а 16 января похоронен. Примечателен тот факт, что Карл

Львович Фрауендорф – единственный дореволюционный губернатор (если не считать губернатора М. М. Арсеньева 1786–1791, который был похоронен во дворе Тихвинской церкви, но ничего примечательного не сделал), похороненный в г. Иркутске. Погребение было совершено на «немецком» кладбище. Как уже излагалось выше, сейчас это район 130-го квартала, где стоит скульптура бабра. Если верить профессору Александру Всеволодовичу Дулову, то могила первого губернатора находится «под хвостом» этого мифического зверя.

Лютеранское кладбище не было большим, но обозначено на всех старых картах, посередине изображен квадрат, который, возможно, был часовней. Кладбище было обнесено каменным забором высотой 2,5 м. 6 июля 1911 г. комиссия под председательством О. И. Дроздова и секретаря М. П. Овчинникова осмотрела «немецкое» кладбище, его нашли в запущенном состоянии. Обнаружены 7 могил, на одной не было надгробной плиты, на трех находились кирпичные каменные надстройки. Одна надпись на могильной доске гласила, что под ней похоронен бригадир фон Линеман, умерший в 1736 г. На другой могиле – памятник из камня-песчаника со стертой временем надписью, видно лишь число – 1741 г. На третьей доске была хороша сохранившаяся надпись: «1767 году иенваря 2 пополудни 12 часу представился Господин Генерал-майор Иркутской Губернии Карл Лебано(онь) Фраоауендорф. Уроженец Брандебургской нации с тамошнего шляхества Реформаторского закона. Который находился на Российской службе с 731 году с 15 дня..», дальше надпись неразборчива. Все могилы головами обращены на запад. Было принято решение очистить от грязи некрополь и поддерживать его как памятник древности.

В советское время ограда, памятники и склепы были снесены (как и Амурские ворота), в 1931 г. на месте кладбища был разбит сквер, а захоронения остались и по сей день. В 1970-х гг. советские руководители решили на этом месте поставить что-то фундаментальное, был установлен камень с надписью «здесь будет воздвигнут памятник всем, кто завоевал, отстоял и укрепил советскую власть», но эта идея так и не воплотилась. Затем на том же самом месте появилась надпись о создании памятника декабристам. Был разработан его проект, который в 1986 г. был пред-

ставлен на местной научной конференции, но его категорически отвергли.

В 2011 г. Комиссия по городской топонимике под председательством А. В. Дулова предложила установить на месте лютеранского кладбища памятник первому губернатору К. Л. Фауендорфу и вице-губернатору Лоренцу Лангу. Губернатор Д. Ф. Мезенцев поддержал эту идею, был план установки такого памятника, о чем он лично сказал автору данной статьи. Но когда празднование 350-летия Иркутска закончилось, многие запланированные объекты остались недостроены, а Д. Ф. Мезенцев ушел с поста губернатора. Идея установки памятника первому губернатору была похоронена под лапами бабра. Председатель думы г. Иркутска А. Н. Лабыгин по понятным только ему причинам, точно зная, что там находится кладбище, решил установить этот памятник. Вы сами могли быть свидетелями тому, что данную скульптуру установили под покровом ночи. Не было и торжественного открытия данного монумента, но были обращения общественности в прокуратуру и во все органы власти, в которых просили разобраться и прекратить осквернять сакральные места, которые дороги для многих иркутян. Но это не изменило ситуацию, хотя, по нашему мнению, были нарушены законы Российской Федерации и морально-этические нормы.

Я надеюсь, что ситуация может измениться. Мы видим, как в лучшую сторону поменялось отношение к старым погостам у граждан и власти. Это заметно на примере уже упомянутого Иерусалимского кладбища (бывшего ЦПКиО), в прошлом году был произведен первый этап реконструкции мемориального комплекса «Иерусалимская гора». В 2019 и 2020 гг. планируется продолжить данное достойное дело и исполнить второй и третий этап реконструкции. Надеюсь, что когда-то справедливость торжествует и мы еще при нашей жизни придем на открытие памятника первому губернатору Иркутской губернии на «немецкое» кладбище.

И в конце хочу выразить особую благодарность Александру Всеволодовичу Дулову, доктору исторических наук, профессору. Он много лет был председателем Совета по городской топонимике при администрации г. Иркутска. На протяжении долгого времени Александр Всеволодович поднимал вопрос об установке памятника первому губернатору Иркутской губернии, им было

написано много статей на данную тему. Он негодовал и был возмущен тем, что на месте лютеранского кладбища установили «трехмерный геральдический символ – бабр», обращался во все инстанции, даже в Администрацию Президента РФ. Мы продолжим Ваше дело и, надеюсь, добьемся правды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Немцы в Сибири в XVII – начале XVIII в. // Немцы Сибири: история и современность. Омск, 1995. Ч. 1. С. 31. Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех Сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства, воеводах и губернаторах, и прочих чинах; и кто они именно, и в каких городах были; и кто какой город строил и когда. Тобольск, 1792. С. 35, 43.
2. Корепанов Н. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). Екатеринбург, 1998. С. 25.
3. Дулов А. В. Лютеранское кладбище XVIII в. // Сибирь. 2014. № 14.
4. Иркутская летопись. Иркутск, 2004. С. 22, 25, 26, 29, 32, 33, 46.
5. M[ergentale]r A. Das kirchliche und religiöse Leben der Deutschen in Sibirien und Mittelasien von seinen Anfängen bis zum 1914//Heimatsbuch der Deutschen aus Russland. Stuttgart, 1964. S. 111–127.
6. Die Kirehen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Evangelischer Teil. Bearbeitung von J. Schnurr. Stuttgart, 1978.
7. Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirehen Russland vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937. Martin-Luther-Verlag, 1999.
8. Busch E. H. Materialien zur Geschichte und Statistik der Kirehen- und Schulwesens der evangelisch lutherischen Gemeinden in Russland. St.-Petersburg, 1862.
9. Die evangelisch-lutherischen Gemeinde in Russland. St.-Petersburg, 1909.
10. Busching A. F. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinen in Russischen Reich. Bd. 1, 2. Altona, 1766–1767.
11. Wreech C. F. von. Wahrhafte und umständliche Historic von denen schwedischen Gefangenen i Russland und Sibirien. Sorau, 1725.

Андрей Викторович БУХТЕЕВ

Община во имя Архистратига Божия Михаила
г. Далянь, Китайская Народная Республика

РУССКИЕ ВОИНСКИЕ МЕМОРИАЛЫ В КИТАЕ

Аннотация. Рассматривается проблема сохранения русских военных кладбищ в Китае через последовательное изложение истории нескольких мемориальных комплексов, таких как воинский мемориал «Русское кладбище» в Порт-Артуре, кладбище на улице Цинъюнцзе в самом центре г. Далянь, русское воинское кладбище в районе Цзиньжоу.

Ключевые слова: русские воинские мемориалы, Китай, Порт-Артур, кладбище Цинъюнцзе, Далянь, русское воинское кладбище Цзиньжоу.

Andrey V. Bukhteev

Community in the Name of the Archangel Michael of God
Dalian City, People's Republic of China

RUSSIAN MILITARY MEMORIALS IN CHINA

Abstract. The author considers the problem of preservation of Russian military cemeteries in China, consistently considering the history of several memorials: war memorial «Russian cemetery» in Port Arthur street cemetery Conjuncta in the heart of Dalian, military memorial is a Russian military cemetery in the district of Zingo.

Keywords: Russian military memorials, China, Port Arthur, Qingyunjie cemetery, Dalian, Jinzhou Russian military cemetery.

В последние годы все более популярным среди российских туристов становится китайский г. Далянь. Люди приезжают в этот город лечиться в знаменитые клиники традиционной китайской медицины, отдохнуть на морских пляжах.

Много русских студентов обучается в китайских вузах. Бизнесмены пытаются использовать возможности крупнейшего международного порта.

Почти все так или иначе знакомые с историей приезжие стараются посетить знаменитое русское воинское кладбище в Порт-Артуре, многие задают вопрос: а где же найти русскую православную церковь и помолиться за воинов, душу свою положивших за веру, царя и отечество?

Городу Даляню (Дальнему) в прошлом году исполнилось 120 лет. Город был основан русскими после подписания договора об аренде территорий, прилегающих к городу Люйшунь (Порт-Артур), рыбацкой деревни Талиен-Вань и всей южной части полуострова Ляодун, сроком на 25 лет в 1898 г.

Одновременно со строительством порта и города Дальний, военной крепости Порт-Артур строилась и южная ветка КВЖД от Харбина до Люйшуна.

К строительству города были привлечены лучшие градостроители и архитекторы, такие как Сахаров, Сколимовский и др. Город был спроектирован по принципу планирования Москвы – с площадями и расходящимися лучами улицами. В короткое время появились Николаевская площадь, улица Инженерная, проспект Московский, Английская набережная и много других улиц и площадей. Дома строились как в европейском классическом стиле, так и с китайскими архитектурными мотивами. Большой торговый порт должен был стать выходом для России на международный рынок Юго-Восточной Азии.

Русские пришли всерьез и надолго, правда, соседняя Япония, которая за два года до подписания российско-китайского договора аренды была вынуждена под напором европейских держав оставить только что завоеванные у Китая территории, не собиралась смиряться с таким положением и вынашивала планы реванша.

В январе 1904 г. началась Русско-японская война. Через год ожесточенных и кровопролитных сражений генералом Стесселем была сдана Порт-Артурская крепость, а на всей территории полуострова еще около года продолжались бои под бездарным руководством генерала Куропаткина.

К началу войны в Люйшуне находилось около 50 тыс. русского воинского состава. Японцы же бросили на захват крепости более 100 тыс. солдат и офицеров. В ходе кровопролитных боев только в Порт-Артуре погибло с российской стороны более 20 тыс. солдат, матросов, сухопутных и морских офицеров.

С приходом русских в 1898 г. в Люйшуне и Дальнем были образованы кладбища. В настоящее время сохранены три российских воинских мемориальных кладбища: Порт-Артурское (самое большое иностранное кладбище на территории Китая), кладбище на ул. Циньюнзце (в самом центре Даляня) и кладбище в районе Цзиньжоу (на север от центра города).

Воинский мемориал «Русское кладбище» появился в Порт-Артуре после подписания между Россией и Китаем 15 марта 1898 г. Конвенции об аренде Россией южной части Ляодунского полуострова, когда туда вступили русские войска. Полное название документа звучит так: «Конвенция, заключенная между Рос-

сией и Китаем об аренде части полуострова Ляодун с портами Люйшуньюкоу (Порт-Артур), Далянь (Дальний) и с прилегающими к ним водным пространством и территорией».

Статья I Конвенции гласит: «В видах обеспечения для русских военно-морских сил вполне надежной опоры на побережье Северного Китая, его величество император китайский соглашается предоставить российскому правительству в арендное пользование порты Артур/Люшуньюкоу/и Тяляньван вместе с прилегающим к этим портам водным пространством. Арендою этою, однако, никоим образом не нарушаются верховные права его величества императора китайского на вышесказанную территорию» [5, с. 221–248].

Кладбище, положившее начало мемориалу, предназначалось для захоронения военнослужащих, членов их семей и служащих военного ведомства. Для погребения гражданских лиц из состава русского населения города – рабочих судоремонтного завода, представителей купеческого сословия, преподавателей гимназий и других – предназначалось другое место: подножие западного склона горы Перепелиной.

Мемориал «Русское кладбище» расположен в микрорайоне Санлицзяо («Три ли от моста») на правом берегу р. Лунхэ (Река дракона). Его площадь составляет 4,71 га и насчитывает 31 участок. Первое захоронение здесь датируется восьмым марта (по старому стилю) 1898 г.: «Крейсера Адмирал Корнилов комендорь Алексей Носковъ. Скончался 8 марта 1898» (участок 9). Если покойный был гражданским служащим военного ведомства, то это оговаривалось в надписи на памятнике: «Младший бухгалтер Управления порта Артур Владимир Дмитриевич Аристов. Родился 6 ноября 1868 г. – скончался 12 ноября 1902 года» (участок 12). Последнее захоронение на мемориальном кладбище было произведено в 1955 г.: «Рептюкова Наталья Петровна. 1924.02.23–1955.03.05. Дорогой жене и матери от дочерей, мужа и подруг» (участок 30). В мае того же года советские войска покинули этот район.

Русское кладбище Порт-Артура относится к категории мемориалов и имеет характерные для таких объектов признаки: наличие часовни, каменную ограду, памятники из долговечных материалов – камня и металлов, территория разбита на участки аллеями и дорожками.

Название «Русское кладбище» сохранилось на кованых воротах начала XX в., расположенных в юго-западной части комплекса. Статус мемориала закрепляется – в соответствии с точным значением латинского слова – за сооружениями, служащими для увековечения памяти о важных событиях или героях. За время существования мемориала в Порт-Артуре на его территории похоронены участники пяти войн и военных конфликтов, происходивших с конца XIX в. на территории Китая с участием военно-служащих Русской, Красной и Советской армий:

- при защите Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) во время «Ихэтуаньского восстания» в 1900 г. – 25 чел.;

- при защите Порт-Артура во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. – 15 048 чел.;

- при освобождении Северо-Восточного Китая от японских милитаристов в 1945 г. – 170 чел.;

- при несении службы в Порт Артуре в 1946–1949 гг. – 643 чел. (по закону РФ о ветеранах от 12.01.1995 г. № 5ФЗ все служившие в Китае в эти годы относятся к ветеранам боевых действий за пределами СССР, хотя советский гарнизон Порт-Артура и не принимал участия в боевых действиях в Китае);

- в ходе войны в Корее 1950–1953 гг. – 244 чел. [1, с. 4–5].

Героизм русских солдат, проявленный при обороне города, вызвал восхищение японцев, которые воздвигли в честь погибших мемориал. Со всех фортов, батарей и временных кладбищ были собраны останки погибших русских воинов и захоронены в двенадцати братских могилах (участок 1).

В центре участка был сооружен монумент из гранита и мрамора, на лицевой стороне которого выбиты слова: «Здесь покоятся бранные останки доблестных героев, павших при защите кр. Порт-Артура. Памятник сей поставлен японским правительством в 1907 году».

В японском отчете об этом сказано: «Бранные останки неприятельских воинов, павших по несчастной судьбе на полях сражений, должны быть преданы земле. Делается это для поощрения преданности государю и распространения правил человеколюбия. Поэтому Великое Ниппонское Правительство приказало разыскать прах русских воинов, павших за Веру, Царя и Отечество и похоронить их с почестями и соорудить общий для русских воинов памятник» [3, с. 101]. Позже, в 1912 г., под руковод-

ством устроителя всех воинских мемориалов России в Маньчжурии генерала С. А. Добронравова на Русском кладбище была возведена часовня во имя Св. Равноапостольного князя Владимира и установлен шестиметровый мраморный крест.

В 1913 г. японские водолазы при обследовании затонувшего в акватории Порт-Артура броненосца «Петропавловск» подняли останки шести человек, которые также были похоронены на Русском кладбище, и это породило версию о том, что на мемориале упокоены командующий русской эскадрой С. О. Макаров и известный художник-баталист В. В. Верещагин, погибшие на этом корабле. После отъезда миссии генерала С. А. Добронравова все русские военные кладбища в Южной Маньчжурии были переданы под надзор Военному Агенту при Русском императорском посольстве в Пекине, а непосредственное ведение дел по кладбищам поручалось помощнику Военного Агента в Мукдене (Шеньяне).

Так продолжалось до 1924 г. Тогда были установлены дипломатические отношения между СССР и Китаем, и деятельность дипломатической миссии Российской империи была прекращена, соответственно, перестали поступать средства на содержание воинских мемориалов, которые остались без надзора. Вопрос об охране русских военных кладбищ в Маньчжурии получил благоприятное разрешение только в 1935 г.

Преосвященнейший Ювеналий, викарий Пекинской епархии, одной из своих важных задач определил заботу о местах вечного упокоения наших героев, «вдали от Родины на поле брани за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших». По благословению начальника Духовной миссии в Китае преосвященнейшего Виктора владыка командировал в Порт-Артур в мае 1935 г. иеромонаха о. Георгия в качестве заведующего кладбищем. Тогда же в Дальнем был создан попечительский совет по охране и приведению в порядок русских военных кладбищ в Маньчжурии [4].

На должность его председателя был приглашен генерал М. В. Ханжин, а заместителем стал генерал-майор Б. П. Васильев – участник обороны Порт-Артура.

Сразу же после освобождения Дальнего Красной армией в 1945 г. генерал Ханжин был арестован органами советской контрразведки. Ему вменялась в вину вооруженная борьба против Советской власти во время Гражданской войны, когда он служил у адмирала Колчака. По приговору военной коллегии

Верховного Суда СССР он был осужден на десять лет лагерей, из которых отсидел девять и был реабилитирован.

Генерал Васильев скончался в 1935 г., он стал последним русским, похороненным в Порт-Артуре до прихода советских войск. На его могиле установлен двухметровый памятник-крест из камня синего цвета.

Восьмого августа 1945 г. Советский Союз объявил войну Японии, а через несколько дней, 14 августа, СССР и Китай подписали «Договор о дружбе и союзе».

В отдельном Соглашении о Порт-Артуре было сказано: «В целях укрепления безопасности Китая и предотвращения повторной агрессии со стороны Японии, Правительство Китайской Республики согласно на совместное использование обеими сторонами Порт-Артура в качестве военно-морской базы сроком на 30 лет» [1, с. 12].

Боевой путь советских воинов к Порт-Артуру по равнинам Маньчжурии и сопкам Ляодуна был непрост – в боях гвардейцы потеряли убитыми 170 человек. Их похоронили на Русском кладбище рядом с теми, кто погиб в Порт-Артуре в 1904 г. За десять лет пребывания советских войск в Порт-Артуре на Русском кладбище было похоронено 2045 человек.

Обращают на себя внимание большая доля детей (более 23 % от общего количества погребенных, возможно, это связано с энцефалитом) и потери среди офицеров: на их долю приходится 17 % захоронений.

В 1950 г. началась война в Корее, где сражались советские летчики и зенитчики. Из 315 погибших в этой войне наших соотечественников 245 похоронены в Порт-Артуре, в их числе три Героя Советского Союза: Е. М. Стельмах, Б. А. Образцов и Ф. А. Шебанов [1, с. 13–15].

В начале октября 1954 г. СССР и КНР подписали соглашение о досрочном выводе советских войск из совместно используемой военно-морской базы Порт-Артур (Люйшунь) как выполнивших свою миссию. 24 мая 1955 г. на воинском мемориале «Русское кладбище» в Порт-Артуре китайскими властями был открыт памятник «Вечная слава героям».

В основании его центральной колонны, со стороны главного входа, на бронзовой плите выбиты слова: «Вечная слава героям, отдавшим свою жизнь за свободу и счастье советского и китай-

ского народов!» 25 мая 1955 г. последний эшелон с советским войсками отошел от железнодорожного вокзала Порт-Артура.

В 1988 г. Русское кладбище в Порт-Артуре было объявлено в Китае культурно-историческим памятником провинции Ляонин. Ответственность за его сохранность возложена на правительство г. Даляня, в административное подчинение которого входит и Порт-Артур, ныне г. Люйшунь.

Однако до 2009 г. как-то ухаживали в Порт-Артуре лишь за советской частью кладбища. Старая же «царская» часть со всеми захоронениями погибших в Русско-японскую войну находилась в плачевном состоянии. Российский фонд «Поколение», возглавляемый депутатом от Белгородской области Андреем Скочем, при поддержке МИД и Министерства обороны РФ, договорился с правительством Люйшуня о реконструкции кладбища на российские деньги.

В 2010 г. реконструкция и реставрация кладбища были закончены. В настоящее время русский воинский мемориал в Порт-Артуре находится в отличном состоянии.

Кладбище на ул. Циньюнцзе в самом центре Даляня (КНР) было основано в 1998 г. с началом русского присутствия на Южной части Ляодунского полуострова, строительства Южной ветки КВЖД, порта и г. Дальнего и крепости Порт-Артур.

Первые захоронения датированы 1898 г., есть братские могилы погибших на крейсере «Енисей», подорвавшемся на собственной mine в январе 1904 г., в самом начале Русско-японской войны, 287 погибших русских воинов, перенесенных из района Та-лиенвань.

Много одиночных могил, например: первой жертвы осады Порт-Артура девицы Валевиц; подьесаула Лепешкина, убитого выстрелом в голову; памятники Ф. Ю. Бриннеру – выдающемуся русскому дипломату; Марину Коровину – последнему настоятелю храма Архистратига Михаила, построенного на территории кладбища до 1902 г., и мн. др.

Кроме того, здесь расположено около 300 захоронений советских солдат и офицеров, погибших во время освобождения этой части Китая в 1945 г. от японских захватчиков и умерших в период 1945–1956 гг.

Кладбище разделено на две части, на одной из которых находятся только могилы советского периода, на второй – смешанные

могилы времен до Русско-японской войны, погибших во время этой войны, времени японского присутствия 1905–1945 гг. и погибших и умерших с 1945 до 1955 г.

Центральным и объединяющим звеном была кладбищенская часовня шатрового вида, построенная в традиционном русском стиле из красного кирпича и белого камня.

В 1912 г. после посещения кладбища комиссией генерала С. А. Добронравова в рамках государственной программы деятельности Комитета по увековечиванию памяти погибших в Русско-японской войне русских воинов часовня одновременно с кладбищем была реконструирована, а в 1934 г. к часовне были пристроены придел, звонница и трапезная, храм освятили во имя Архистратига Михаила.

В обеих реконструкциях принимал участие священник Михаил Ерохин, а с 1943 по 1953 г. настоятелем храма служил протоиерей Марин Коровин (умер в 1953 г.).

В 2015 г. кладбище было отреставрировано на деньги фонда Ахмата Кадырова, но храм не был восстановлен. Фундамент храма ничем не застроен. Русская православная община Даляня предпринимает усилия к восстановлению храма Архистратига Михаила.

Выполнен предварительный проект. Община обращается ко всем неравнодушным к российской истории в Китае и истории православия в Даляне с просьбой оказать возможное содействие в финансовой и политической помощи в восстановлении храма.

Третьим воинским мемориалом является русское воинское кладбище в районе Цзиньжоу, или Свободной экономической зоне г. Даляня.

В книге 1938 г. «Забытые могилы» так описывается это место: «Кладбище находится на северном скате горы Наньшан, расположенной южнее горы Кинчжоу, вблизи японского памятника; оно обнесено кирпичной оградой и занимает площадь в 151,7 кв. саж., при длине ограды в 48,09 саж. Вход открытый (по-рог) с южной стороны.

В центре кладбища такой же памятник и с теми же надписями, как на кладбище на ст. Телиссу (Вафонгоу). Углы креста и рамка мраморной доски на памятнике немного оббиты. Очевидно, для охраны креста и плиты от дальнейшего разрушения памятник обнесен колючей проволокой на высоких кольях. За па-

мятником две братских могилы с гранитными крестами... Кроме этих крестов имеется еще два гранитных креста, расположенных симметрично с ними впереди памятника...» [2, с. 32–49].

В настоящее время от японского монумента остался только заросший травой фундамент. Описанная часть захоронений 1904–1905 гг. окружена братскими и отдельными могилами 1945–1955 гг.

Место Цзиньжоу – географически самое узкое место между Желтым морем и Бохайским заливом, а следовательно, и стратегически очень важное. Наверное, поэтому здесь и основали кладбище и хоронили солдат и офицеров и в Русско-японскую войну, и в самом конце Второй мировой войны.

Мемориал был восстановлен Министерством обороны РФ и открыт в день окончания Второй мировой войны 3 сентября 2014 г. В настоящее время поддерживается в хорошем состоянии.

В целом памятники русской истории, особенно воинские мемориалы в Даяне, приведены в порядок и являются местом паломничества русских туристов, приезжающих на лечение и по делам бизнеса. Нет только церкви, где можно было бы помолиться о погибших соотечественниках, верой и правдой служивших интересам нашей родины.

Панихиды и поминальные литии совершаются на деревянном помосте, установленном русской общиной на фундаменте находившейся на кладбище Циньюнцзе православной церкви. Все постоянно проживающие в этом городе русские и приезжающие соотечественники надеются на восстановление разрушенного во время «культурной революции» русского православного храма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коваль А. И. Порт-Артур – воинский мемориал России. М.: Форум, 2011. 38 с.
2. Забытые могилы. Харбин : Изд-во М. В. Зайцева, 1939. 79 с.
3. Лебедев А. Русско-японская война: Хронологический перечень военных действий флота в 1904–1905 гг. Вып. 1. Перечень военных действий у Порт-Артура. СПб., 1910 // История Русско-японской войны 1904–1905 гг. М.: Наука, 1977. С. 98–125.
4. Известия Братства Православной Церкви в Китае. Вып. 27–28. Пекин : Тип. Успенского Монастыря при Русской Духовной Миссии, 1906.
5. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под общ. ред. В. С. Мясникова. М., 2004. 325 с.

ПОХОРОННЫЕ И ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ В ИСЛАМЕ

Аннотация. Проводится анализ похоронно-поминальных обрядов в традициях ислама. Рассматриваются инновации в похоронной обрядности на современном этапе, вызванные межкультурными коммуникациями и социально-политической обстановкой советского и постсоветского периодов.

Ключевые слова: Аллах, ислам, поклонение Богу, жизнь, смерть, погребальный обряд, похоронная традиция.

Ravil G. Valiulin

Irkutsk Cathedral Mosque
Irkutsk, Russia

FUNERAL AND REMARKS IN ISLAM

Abstract. This article provides information about the funeral and memorial rites in Islam, which allows you to determine the confessional basis. Adherence to traditions is the presence of strictly observed prescriptions, dating back to the cult of ancestors and manifested in the anxiety of relatives for the safe stay of the deceased in another world. It also speaks about the use of modern innovations in the funeral procession, which include the violation of canons, which appeared due to contacts with neighbors and caused by the phenomena of the Soviet and post-Soviet periods (lack of cultural and religious traditions).

Keywords: Allah, Islam, worship of God, life, death, funeral rite, funeral tradition.

Ислам возник в VII в. н. э., он является государственной или официальной религией в двадцати восьми странах, также во многих странах существуют большие сообщества мусульман. Ислам, как и другие мировые религии, проповедует Судный день и веру в вечную жизнь после смерти. Уход из жизни прекращает прихоти и страсти человека на земле. Происходит перемена существования человека в зависимости от того, что он делал до Судного дня – добро или зло, он будет находиться в блаженстве или в страдании. Мусульманин при жизни готовится к этому. По учению ислама, у человека справа и слева находятся два ангела, они записывают в книгу все поступки человека. Данная книга – главное свидетельство всей его жизни.

Во время Суда Аллах решит, чего достоин человек после ухода из жизни. Своим последователям ислам предписывает соблюдать заповеди и догматы, которые предписывают вести праведный и богоугодный образ жизни – соблюдать «пять столпов», включающих в себя: 1) исповедание веры; 2) молитву; 3) соблюдение поста в рамадан; 4) милостыню – как обязательную, так и

добровольную; 5) паломничество в Мекку. Похороны в исламе имеют важное значение. Для родственников уход из жизни близкого человека – это потрясение, связанное с неизбежными хлопотами, такими как официальная констатация смерти медиками и органами правопорядка, организация похорон. Из-за этого многие важные элементы обряда упускаются из виду. Между тем умирающему мусульманину духовная помощь необходима, особенно когда врачи не могут что-либо предпринять или если смерть наступила внезапно.

Ритуальное произношение умирающим свидетельства веры является одним из главных условий обряда, оно звучит так: «Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха». Эти слова знакомы каждому мусульманину с раннего детства: их произносят пять раз в день во время молитвы, также при рождении ребенка и при других случаях. Это свидетельство должно стать последним, что произнесет умирающий. Если он начнет говорить о чем-то другом, находящимся рядом с ним следует напомнить о неуместности подобных речей и снова попросить проговорить положенное свидетельство. Можно дать умирающему глоток воды, но это дань местным обычаям, а не канон. Находящимся рядом с умирающим мусульманином при последних минутах его жизни запрещается плакать или громко разговаривать, говорить надо о хорошем, всячески поддерживая в сердце умирающего веру во всепрощение и милость Аллаха.

Очень одобряемым считается чтение умирающему Корана – священной книги мусульман – так, чтобы он слышал. В исламе перед кончиной над умирающим читают 36-ю суру Корана – «Ясин», которую Мухаммед назвал «сердцем Корана». Если прочесть ее дважды – во время смерти мусульманина и после предания земле покойного, то считается, что похороны посетят ангелы милосердия, в количестве, которое знает только Всевышний, и отошедший в мир иной не будет наказан в могиле. Так же ему облегчится опрос в Судный день.

Мусульманина хоронят в тот же день, как он умер, до заката солнца. Если он умер после заката, то обряд похорон проводят на следующий день. Из высказываний пророка Мухаммеда известны указания на безотлагательность этого процесса, и в этом есть своя логика.

Климат Аравийского полуострова очень жаркий, а каменистые и песчаные пустыни раскаляются от солнца очень сильно, и температура доходит до +55 °С. Поэтому покойника захоронить необходимо по возможности быстро. В исламе нет такого понятия, как «последняя воля покойного», по причине которой умершего хоронят, где он сам пожелал. Рекомендуется умершего предать земле на ближайшем мусульманском кладбище. При кончине далеко от берега в плавании, обряд похорон переносят, пока судно не причалит к берегу, выбирая ближайшую сушу. Если же берег находится далеко, и уже нельзя откладывать похороны, то проводят обычный мусульманский обряд похорон на судне, покойный опускается в море или океан с привязанным тяжелым предметом к ногам.

Исламские богословы и мирские ученые высказали мнение о том, что недопустима спешка при похоронах, так как необходимо достоверно убедиться в смерти человека. Это нужно во избежание ошибки. Нужно убедиться, что человек не впал в летаргический сон, в состояние комы или просто находится без сознания. В домашних условиях необходимо вызвать скорую помощь и сотрудников органов правопорядка для законного признания смерти и протоколирования факта смерти правоверного.

Если человек умер далеко от дома – в путешествии, вне границ поселения или еще при каких-либо обстоятельствах, то рядом находящимся с усопшим надо сделать все для того, чтобы точно убедиться, что человек умер. Если факт смерти зафиксирован и подтвержден, то необходимо сделать следующее: положить умершего на правый бок лицом к кибле – это направление из любой точки земного шара в сторону Мекки, там расположена Кааба – основная святыня всех мусульман мира. Направление киблы определяется по компасу, по электронным картам или другим навигационным приборам. В исламских странах в общественных местах обычно на стенах есть обозначенное направленное на Мекку в виде стрелки заключенной в круг, так что окружающим нетрудно определить направление киблы.

Если мусульманин умер во время путешествия на транспорте, киблой выбирается направление движения транспортного средства либо наиболее близкое направление. Можно положить умершего на спину ногами в направлении киблы и немного приподнять голову. При обстоятельствах, когда имеются иные труд-

ности, то можно оставить покойного в приемлемом для него положении и направлении. Необходимо умершему закрыть глаза и прочитать молитву, обращаясь к Аллаху о возведении умершего мусульманина на уровень праведников, о прощении совершенных им прегрешений при жизни и для «освещения его могилы». В похоронном обряде какой-либо единой формы молитвы нет, в исламе существует разные молитвы для этого.

Омовение покойного. Это очень важная часть похоронного обряда, если тело покойного никто не омоет из числа мусульман, то на всех последователей Мухаммеда, проживающих в данной местности, ложится грех. Есть исключение в похоронном обряде: когда мусульманин погибает в сражении (его называют шахидом), он хоронится сразу без омовения. Омовение покойного должен совершать представитель одного с ним пола. Однако своего мужа жена имеет право обмыть. В случае, когда у усопшего нет родственников, омыть тело может любой мусульманин, находящийся поблизости. Он же обязан придать тело умершего земле. Очень желательно, чтобы омывающий имел религиозные знания. Существуют обязательные условия для совершения омовения покойного: одно из них – это соблюдение правильности действий при выборе, кому омывать покойного – более молодому и знающему все тонкости обряда или пожилому, но не очень знающему мусульманину, – предпочтение отдается первому. Гассал – это человек, который омывает покойного. Очень важно, чтобы гассал имел знания по совершению омовения покойного, а также надежно мог умалчивать о каких-либо физических недостатках, увиденных на умершем. Это является благом для омываемого, но и для того, кто совершает обряд омовения.

Предания ислама гласят, что тот, кто совершит обмывание и умолчит о том, что увидел на теле умершего, будет «прощен сорок раз». Четыре человека обмывают и омывают преставившегося. Это гассал, помощник гассала, льющий воду на тело и кто переворачивает тело.

Порядок омовения:

а) усопшего кладут на жесткое ложе лицом на киблу. Помещение, где совершается обряд, окуривают благовониями, непрозрачной материей накрывают гениталии;

б) омыв три раза руки, гассал, одев перчатки, надавливает на грудь покойника, ведя ладонями вниз по животу, очищает кишечник;

в) после оmyвает гениталии, на них смотреть запрещено;

г) поменяв перчатки, гассал протирает нос и рот покойного, носовая полость вычищается;

д) потом гассал моет обе руки по локоть, начиная с правой, и обмывает все тело, лицо, руки по локоть моются три раза, голову, шею и уши хорошо смачивают, ноги умершего моются по щиколотку, после – голова и борода, вода используется теплая с мылом и добавлением кедрового порошка;

е) затем умершего поворачивают на левую сторону и оmyвают правую сторону в той же последовательности: протирают тело, снова льют воду до полного смывания мыла с тела покойного, половые органы не протираются, на закрывающую их материю просто льется вода, это делается три раза;

ж) потом умершего кладут на правый бок и оmyвается левая сторона также трижды, вода причем каждый раз меняется: в первый раз она – с кедровым порошком, во второй раз – с камфарой, в третий – обычная чистая; спина оmyвается при приподнимании тела простым сливанием воды: переворачивать покойного лицом вниз запрещено, если мусульманин умер во время паломничества или возвращаясь из него, то происходит его обмывание обычной чистой водой;

з) когда обмывание сделано, покойного укладывают в горизонтальном положении и гассал вновь ладонями проводит по груди и животу, вышедшие оставшиеся испражнения убираются, и тело покойного обмывается. Обмывание более трех раз считается излишним;

и) вымытое тело умершего обтирают полотенцем. Лоб, ноздри, руки и ноги смазывают благовониями.

В исламе предусмотрены случаи допустимости омовения покойника-мужчины женщинами, когда в округе нет мужчин или наоборот.

Если в радиусе 2-3 км нет необходимого количества воды или же имеется лишь вода для питья и есть опасность со стороны врагов или грабителей, то проводится только таяммум – очищение песком или специальным камнем. При его совершении также можно использовать сухую землю, пыль, известь, цемент, глину, гипс.

Смысл таяммума при этом – не создавать неудобства для правоверных, а лишь обозначить благоволение к ним Аллаха и довести его до завершения. Если для обмывания приглашен чу-

жой умершему человек, то оно может быть и безвозмездным, и платным.

Оборачивание тела покойного в саван, который называется кафаном, это тоже очень важная часть похоронного обряда, которая имеет свои установления. В частности:

а) ислам запрещает хоронить умершего в одежде. Существует лишь два исключения из этого правила – похороны шахидов, их разрешено хоронить в одежде и при отсутствии ткани для савана, в этом случае разрешается похоронить покойного в его одежде, но предварительно следует ее помыть и почистить;

б) саван для мусульманина шьется из ситца или белого полотна. Материю следует подбирать в соответствии с тем достатком, который был у умершего при жизни. Если он был несостоятельным, то вполне достаточным признается накрывание его тела тремя кусками ткани; если же он был состоятельным и не оставил долгов, то это действие является обязательным по отношению к нему;

в) категорически запрещается покрывать тело мусульманина шелком или использовать его при шитье савана;

г) при покрытии тела можно использовать бывшую в употреблении ткань, но если есть новая, лучше взять ее;

д) желательно, чтобы саван умершему мужу готовила жена, а умершей жене – муж, родственники или дети. Если умерший был одинок, то хоронят его соседи со всеми подобающими действиями похоронного обряда.

Мужской саван состоит из трех частей:

а) лифафы – ткани, покрывающей все тело покойника и имеющей по 40 см с каждой стороны, чтобы саван можно было завязать после окутывания им тела;

б) изара – куска ткани для окутывания нижней части тела;

в) камиса – рубахи, сшитой так, чтобы прикрыть мужские гениталии.

Женский саван, помимо вышеупомянутых частей, имеет еще две: химар-платок для головы и волос длиной 2 м и шириной 60 см и кирку, или хирку, – кусок ткани для накрывания груди длиной 1,5 м и шириной 60 см. Некоторые отличия имеет также женский камис, представляющий собой рубаху без воротника с вырезом для головы. В том случае, если умер новорожденный или младенец, для его окутывания достаточно одной лифафы. Мальчиков до 8-9 лет можно окутывать так же, как и взрослых.

Перед окутыванием нельзя стричь бороду, волосы и ногти на руках и ногах, а также удалять золотые коронки.

Процедура окутывания покойных мужчин такова:

а) перед покрытием на ложе расстилается лифафа, которую посыпают благоуханными травами и ароматизируют разными благовониями, поверх нее кладется изар;

б) на эти ткани укладывают покойника, одетого в камис, руки укладываются вдоль тела, которое также умащается благовониями;

в) затем над покойником читаются молитвы и происходит последнее прощание;

г) окутывают изаром тело – сначала левую сторону, затем – правую;

д) затем покойника окутывают лифафой: сначала – с левой стороны, затем завязывают узлы у головы, пояса и ног.

При опускании в могилу они развязываются. Окутывание женщины идентично с той разницей, что грудь покойной сначала покрывают хиркой, затем одевают камис и опускают на него волосы, разделенные на две части, а на лицо кладется химар, подложенный под голову.

Погребальная молитва – джаназанамаз. Это еще одна важная составляющая похоронного обряда. Она читается обязательно, если ее не совершить, то грех падает на всех мусульман, живущих в данной местности. Джаназанамаз обязателен настолько, что если на доступном расстоянии нет имамов или мужчин-мусульман, его должна прочитать хотя бы одна женщина-мусульманка. Похороны без произнесения этой молитвы считаются недействительными.

Не читают ее лишь над не мусульманами и лицемерами. После окутывания в саван умершего кладут на специальные похоронные носилки-тобут, покрытые одеялом, после чего ставят их перпендикулярно кибле. Присутствующие становятся лицом к Каабе, желательно в три ряда, а прямо перед носилками на уровень груди встает молящийся имам-ханафит. Шафиит становится напротив головы мужчины-покойника или на уровень середины тела женщины.

Справа от него должна быть голова умершего, а слева – ноги. Погребальная молитва читается стоя и молча, кроме такбиров. Если погребальную молитву читают сразу для представителей всех возрастных и гендерных категорий, то покойных кладут в

таким порядке: непосредственно перед имамом – мужчину, за ним – мальчика, дальше – женщину, последней – девочку, при этом имам-шафиит должен стоять так, чтобы одновременно быть на уровне головы мужчины и середины тела женщины. Перед чтением погребальной молитвы всем присутствующим на похоронах обязательно совершить любой из обрядов ритуальной чистоты – малое омовение, полное или таяммум. Желательно, чтобы погребальную молитву читали все присутствующие при обряде похорон: ее сила заключается в коллективном прочтении.

Особенно это важно для жены умершего или его родственниц: женщинам запрещается присутствовать при непосредственном погребении покойного. При произнесении погребальной молитвы громко плакать тоже запрещено.

Перед началом молитвы имам спрашивает у присутствующих:

- а) есть ли у умершего долги, которые он не успел выплатить. Если они имеются, то имам просит родственников рассчитаться;
- б) затем спрашивает, должен ли кто умершему. Если таковые имеются, то имам просит рассчитаться должников с родственниками умершего мусульманина;

в) есть ли кто-то, кто был в ссоре или споре с почившим. Если таковые имеются, то имам просит простить покойного.

В исламе последняя молитва включает следующие части:

а) намерение, которое имеет следующую форму: «Я собираюсь выполнить погребальную молитву за лежащего предо мной покойного». Имя его при этом можно не произносить;

б) потом вслух произносятся четыре следующих друг за другом возвеличивание Аллаха. Каждое возвеличивание Аллаха произносится вслух так, чтобы присутствующие это слышали. При первом – ханафиты поднимают кисти рук на уровень ушей и затем опускают их на живот под пупком, шафииты при каждом возвеличивании Аллаха поднимают кисти рук на уровень плеч так, чтобы пальцы были на уровне ушей;

в) после первого возвеличивания Аллаха ханафиты произносят: «О Аллах, ты далек от всех недостатков, и я восхваляю Тебя. Бесконечно присутствие имени Твоего во всем, высоко величие Твое и, кроме Тебя, мы никому не поклоняемся». Шафииты говорят следующее: «Я удаляюсь от Сатаны, побиваемого камнями, приближаясь к Всевышнему Аллаху. Начинаю именем Милости-

вого Аллаха, милость которого безгранична и вечна», после чего читается сура «Открывающая»;

г) затем проговаривается второе возвеличивание Аллаха, после которого читается «Салават». Шафииты начинают его чтение со слов «Слава Аллаху»;

д) далее читается третье возвеличивание Аллаха, после которого ханафиты проговаривают молитву за покойного по определенной форме, вслед за которой читается молитва-дуа за всех живых и мертвых мусульман.

Шафииты читают молитву-дуа за покойного, себя и всех верующих, чья форма идентична ханафитской;

ж) наконец произносится четвертое возвеличивание Аллаха, после которого молящийся со словами приветствия поворачивает голову направо, смотря на плечо, затем – налево с этими же словами. Шафиит после четвертого такбира произносит определенную словесную формулу и также повторяет приветствие с поворачиванием головы в стороны в той же последовательности, что и ханафит. На этом погребальная молитва заканчивается.

Похороны мусульманина. Носилки с умершим подносят к готовой могиле головой вперед, а из дома покойного выносят ногами вперед. Тело несут четверо или более человек. У всех участвующих в похоронном обряде головы должны быть покрыты. Из присутствующих желательно, чтобы никто не присаживался до тех пор, пока тело не будет опущено на землю.

В зависимости от вида земли могила для мусульманина представляет собой яму размерами 200×75×130 см (длина – ширина – глубина) или 1,5×2,5×1,5 м, в правой стороне которой вырыто углубление – ляхад высотой 55 см, а шириной – 50 см, половина из которых находится внутри, а половина – снаружи.

В него и опускается усопший. Выкапывается ляхад для того, чтобы хищные животные не смогли почувствовать запах покойника, разрыть могилу и вытащить его. Если почва рыхла, сыпуча или существует вероятность обвала, то ляхад можно не делать, но в дне могилы выкапывается углубление.

И ляхад, и углубление после помещения туда покойника закрываются необожженными кирпичами, плитами из глины или досками.

Когда хоронят женщину, то ее накрывают чем-нибудь так, чтобы ее нельзя было увидеть. Тело ее опускают муж или род-

ственники, если же она была одинока, то соседи или те, кто провожает ее в последний путь. Опускать покойника нужно головой вперед и ногами вниз с той стороны, где будут находиться его ноги.

Допустимо опускать его со стороны киблы. Если в могилу опускают женщину, то над ней держат покрывало так, чтобы мужчины могли видеть лишь ее саван. Укладывают умершего на правый бок головой к кибле, для чего под нее подкладывают немного земли и подпирают спину камнями для фиксации положения. Похороны в гробах и кремация в исламе не приняты за исключением тех случаев, когда над покойным совершили надругательство в виде расчленения или же он разложился.

Закрытие могилы. Сначала присутствующие бросают горсть земли (в некоторых источниках – три горсти) в область головы, произнося при этом определенную словесную формулу, затем могилу закапывают до тех пор, пока не образуется холмик, не превышающий в высоту 15–20 см или высоту четырех пальцев, сложенных вместе.

После закапывания ее следует полить, семь раз бросить по горсти земли и прочесть молитву, гласящую: «Из нее мы сотворили вас, и в нее возвращаем вас, и из нее выведем вас в другой раз».

Допускается также прочесть 36-ю суру из Священной Книги. Когда все это сделано, у могилы остается один человек, читающий талкин, – свидетельство о вере мусульманина в Аллаха и его пророка. Затем на нее в область головы устанавливают обращенные к Мекке камень или табличку с именем и фамилией покойного и датами его жизни. Также рекомендуется написать на ней ту самую формулу, что произносят при бросании земли на могилу – «Инна лиляхи уа инна иляйхи раджиун», что в переводе означает «Все мы принадлежим Богу и возвращаемся к Нему». Ислам запрещает выделять могилу среди прочих: нельзя обкладывать ее мрамором, устанавливать памятники с изображением покойного или строить на ней еще что-либо.

Живым запрещается:

1. Сидеть на могиле. Наступать на нее. Ходить между могилами. Совершать на ней ежедневный намаз. Класть на нее цветы, зеленую траву, сажать и выращивать деревья. Обрызгивать ее водой больше одного раза.

2. Всем, кто принимал участие в похоронах мусульманина, после погребения следует молиться за него, а посещающим клад-

бище предписывается молчать, избегая разговоров на мирские темы, и размышлять о том, что происходит с душой после смерти, испытывая страх перед Аллахом.

Предписания для мусульман после похорон.

Интересным представляется вопрос, можно ли выражать соболезнования – тазию мусульманам родственникам покойного и как это правильно делать.

Надо сказать, что ислам не запрещает соболезнования как таковые, однако их смысл несколько отличается от соболезнований, принятых, предположим, в христианстве. Суть исламского соболезнования – успокоить родственников, напомнить им о неотвратимой воле Аллаха и призвать их к терпению.

Форма ее выражения может быть любой, в рекомендациях богословов на этот случай можно встретить, например, такое: «Пусть Аллах воздаст тебе за терпение, внушит успокоение, утешение и пусть простит возможные прегрешения покойного». То есть, как можно видеть, соболезнования в исламе могут сочетать также элементы пожелания, ободрения и напутствия.

Выражать соболезнования можно один раз в течение трех дней после похорон, позже – нежелательно. Дважды соболезновать родным по поводу потери близкого человека нельзя.

Не устраиваются также специальные собрания для принятия соболезнований, чтобы щадить чувства родственников покойного. Допустим плач, вызванный сердечной и душевной болью утраты, однако оплакивание, особенно громкое, с криками, воплями, разрыванием одежды на себе и нанесением различных ран исламом порицается как грешное и наносящее боль покойному, из-за которой он мучается.

Вообще плач по мертвому согласно нормам шариата считается языческим пережитком и входит в число четырех вещей, которые, согласно изречению пророка, не должна терпеть «его община». Если по покойнику плачут мужчины, то окружающие имеют право упрекать их, а если старики и дети, то их нужно ласково успокаивать. Строго запрещается ночевать в доме покойного, если в нем выражается соболезнование. По этой же причине в день похорон родственникам и семье покойника не рекомендуется принимать гостей, даже если они пришли выразить им моральную поддержку, и готовить поминальный обед.

Этим могут заниматься соседи, друзья или близкие, однако каноны ислама не советуют питаться в доме умершего в первые три дня после похорон. В течение трех дней после похорон нельзя резать скот. Также нельзя носить траур более трех дней.

Исключение делается для вдовы, которая носит траур по умершему мужу 4 месяца и 10 дней. По истечении этого срока она считается свободной и может снова выходить замуж.

Мусульманские поминки по умершему устраиваются на 3-й, 7-й, 9-й, 40-й день после его смерти, на годовщину и каждый год в день смерти. Татары устраивают поминки также и на 52-й день после погребения. Устраивают их также и в день похорон, однако это не является каноном а, скорее, обычаем и, кроме того, не рекомендуется некоторыми богословами со ссылкой на нормы ислама, о которых мы упоминали чуть выше. Кроме того, обычай поминок на третий день входит в некоторое противоречие с исламом, который, как мы уже говорили, не советует три дня питаться в доме умершего.

Противоречат канонам ислама поминки, если они являются тягостным бременем для родственников покойного, как и вообще частые поминки. Допустимо угощать нищих и обездоленных, однако это тоже не является обязательной нормой. На поминки приглашаются имам, отправлявший джаназа-намаз, родственники покойного, даже если они живут далеко, и близкие. Отказаться приглашенным от участия в поминках можно лишь при чрезвычайных обстоятельствах.

При проведении поминок запрещено: брать денежные средства в долг на их проведение; использовать средства или имущество покойного; проводить их за счет унаследованного имущества; резать скот ради приготовления поминального блюда.

Особых блюд на поминки не готовят, при угощении подается то же самое, что и при самом обычном обеде, однако есть определенные условия проведения поминок: поминальная трапеза должна быть кратковременной. Мужчины и женщины находятся в разных помещениях.

Если помещение одно и разделение невозможно, то в поминальном обряде участвуют лишь мужчины. На стол сначала подаются сладости, символизирующие сладкую загробную жизнь мусульманина, и чай, затем – плов.

Перед началом трапезы читается молитва, сами же поминки проходят в молчании. После их окончания все также молча встают и идут на кладбище, после чего расходятся по домам. Некоторые родственники отвозят поминальное угощение сослуживцам или коллегам покойного по работе. Ислам это не возбраняет, однако предписывает воздерживаться от излишеств.

Также в Средней Азии в поминальный день иногда собираются прямо на улице, где во дворе строится коробка с небольшими, высотой по пояс стенами и со столбами по ее периметру, и готовят в казане плов, а на тандыре – лепешки. Если тандыра нет, то лепешки приносят с собой участвующие в поминках. В дождливую погоду над местом поминовения натягивается брезент. В узком кругу родственников покойного, проживавшего вместе с ним, также проводятся общие поминки каждый четверг вплоть до 40-го дня, при которых готовится и подается сладкая халва и чай. Однако многие имамы и богословы порицают традицию слишком частых поминок (как и в случае с поминками в день погребения и на третий день), указывая на то, что их суть – не в объединении семьи покойного и его родственников, а в том, чтобы вспомнить об усопшем и поддержать его близких морально и психологически. По этой же причине ими порицается превращение поминок в роскошные застолья, чем иногда грешат излишне усердные мусульмане. Ислам предписывает мусульманину жить скромно и воздерживаться от излишеств.

Евгений Николаевич СТАРЦЕВ

Михаило-Архангельский Харлампиевский храм
г. Иркутск, Россия

Татьяна Викторовна ЛИНЧЕВСКАЯ

Михаило-Архангельский Харлампиевский храм
г. Иркутск, Россия

АЛЯСКА: РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ В Г. СИТКЕ И ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТОГО

Аннотация. Рассмотрена жизнь и деятельность миссионера и сподвижника святителя Иннокентия (Вениаминова), преподобного Иакова Нецветова, первого православного священника из креолов на Алеутских островах и Аляске. Также в статье затронута тема захоронения и обретения мощей святого.

Ключевые слова: Ситка, Аляска, кладбище, Иаков Нецветов, Атха, Юкон, креол, святой.

Evgenii N. Startcev
The Archangel Michael end St. Harlampos Church
Irkutsk, Russia

Tatyana V. Linchevskaya
The Archangel Michael end St. Harlampos Church
Irkutsk, Russia

ALASKA: THE RUSSIAN CEMETERY IN SITKA AND FINDING
RELICS OF THE SAINT

Abstract. This article discusses the life and work of the missionary and associate of St. Innocent (Veniaminov), St. James Netsvetov, the first Orthodox priest from the Creoles in the Aleutian Islands and Alaska. The article also touches upon the topic of burial and finding the relics of the Saint.

Keywords: Sitka, Alaska, cemetery, Jakob of Netsvetov, Atha, Yukon, a Creole, Saint.

Старому русскому кладбищу в г. Ситке на острове Баранова уже больше двухсот лет. Когда-то кладбище занимало целый холм. Сейчас от него мало что осталось. Во время Второй мировой войны через него проложили дорогу стратегического значения, которая разделила кладбище на две части. Большая часть кладбища находится в полном запустении, заросло малинником. Рядом – военный блокгауз, восстановленный в том виде, каким был при русских. Почти все могилы запущены, оградки покосились, кресты свалены. Разобраться, кто похоронен, невозможно. Несколько раз вандалы оскверняли кладбище, ломая надгробия. Причина такого запустения в том, что это кладбище не принадлежит ни городу, ни штату. Оно – собственность Православной церкви Америки. К сожалению, церковь содержать кладбище не может, так как Ситкинский приход не богат.

На этом кладбище находится могила княгини Максutowой – первой жены последнего правителя Аляски и братская могила русских моряков, погибших в войне с тлинкитами. Там же недалеко находится надгробный памятник в виде каменной копии православного храма для индейцев-тлинкитов в Ситке, а над ним деревянная часовня с православным крестом. На памятнике нет никаких надписей. Это, как предполагают, могила выдающегося православного миссионера, ученика и сподвижника святителя Иннокентия (Вениаминова), просветителя Аляски – святого праведного Иакова Нецветова. Он стал первым местным жителем Аляски, рукоположенным в сан священника.

Иаков Егорович Нецветов родился в 1804 г. на одном из островов Прибыловского архипелага в семье уроженца Тобольска, служащего Русско-Американской компании (далее – РАК) Егора Васильевича Нецветова, который был женат на коренной жи-

тельнице острова Атха, алеутке Марии Нецветовой. В семье было пятеро детей. Егор Васильевич был грамотным и сделал все от него зависящее, чтобы дать своим детям хорошее образование [6].

В 1824 г. семья Нецветовых приехала в Иркутск, где Яков сразу же поступил в духовную семинарию. По рекомендации своего духовного наставника, иркутского архиепископа Михаила (Бурдукова), Яков Нецветов становится единственным кандидатом на место священника атхинской церкви на родине своей матери. В 1828 г. вместе с женой Анной, отцом и сестрой Яков Нецветов отбывает на Алеутские острова.

На Атхе о. Иаков организовал школу, которую сначала частично финансировала РАК, позднее она стала чисто церковно-приходской. За то время, пока о. Иаков служил на Атхе, он перевел на местный диалект алеутского языка все основополагающие православные книги, большое количество светских статей религиозного содержания и первым проводил церковную службу на языке коренных жителей. Здесь он начал составлять русско-алеутский словарь [4, с. 240].

Паства отца Иакова располагалась на островах на более чем триста километров. Несмотря на суровый климат, он постоянно путешествовал. До того как в 1840 г. образовалась Камчатская, Алеутская и Курильская епархия, священники могли посещать острова лишь с оказией, – на кораблях РАК, которые обходили острова с целью сбора пушнины. Но и с образованием епархии ситуация практически не изменилась, хотя, конечно же, интересы духовенства стали учитываться в большей степени. Таким образом, на протяжении всего XIX в. наиболее отдаленные острова посещались раз в год, в редких случаях – раз в два-три года. Было очень трудно, но о. Иаков смиренно переносил испытания, жил скромной жизнью, которая мало отличалась в бытовом плане от жизни его прихожан, и ежегодно предпринимал морские путешествия, окормляя острова своего необъятного прихода.

В 30-х гг. кандидатуру о. Иакова рассматривали в качестве замены Иннокентию (Вениаминову) в случае его отъезда с Аляски. Но так как заменить Нецветова на островах было нечем, все осталось по-прежнему [1].

После долгой болезни в 1836 г. скончалась жена Нецветова, а затем и отец. Их могилы до сих пор сохраняются на русском кладбище в Ситке. После этих трагических событий отец Иаков подал прошение удалиться в монастырь в Иркутске. Прошение

было удовлетворено при условии, что на его место появится другой миссионер, но замены не нашлось [1].

Святитель Иннокентий взял отца Иакова с собой в миссионерскую поездку по Камчатке. Эта поездка убедила отца Иакова в том, что ему нужно быть миссионером в отдаленных районах. И в 1844 г. святитель Иннокентий назначил Нецветова в новую Квихпакскую миссию, в Кускоквимско-Юконскую часть Аляски. Вместе с тремя помощниками отец Иаков обосновался в юпикско-эскимосском селении Икогмуите. Условия жизни там были еще суровее, чем на островах, что сильно повредило его здоровье. Но несмотря на свои немощи, он продолжал свою работу среди юпиков и атабасков. Отец Иаков преодолевал сотни миль, знакомился с новыми народами, изучал их языки и проповедовал. Почти двадцать лет он провел на Юконе, вплоть до 1863 г., когда против него были выдвинуты ложные обвинения [3].

В Ситке, куда призвал его епископ Петр (Екатериновский), он был полностью оправдан, но вернуться на Юкон не смог по причине нездоровья. Он остался служить в Ситкинской часовне для тлинкитов. Здесь, 26 июля 1864 г., отец Иаков Нецветов скончался [7].

Во второй половине XX в. были обнаружены и опубликованы дневники миссионера. Эти записи породили почитание Иакова Нецветова как святого. Рукопись включает тематический словарь, 98 местных названий на о-вах Атха и Амля, переврды священных текстов на местные языки. Об уровне переводов Нецветова можно узнать из письма Иннокентия Вениаминова Ф. П. Литке: «...я получил от многих замечания на печатный Катехизис; впрочем дельныя из них только замечания о. Иакова, Атхинскаго священника» [3, с. 32]. То, как важны были эти переводы, тоже можно узнать из писем святителя Иннокентия: «Когда (алеуты) увидели книжки на своем языке... то даже старики начали учиться грамоте для того, чтобы читать по-своему» [3, с. 301]. Основной значимой работой, помимо переводов религиозной литературы на местные диалекты, является составленный к 1840 г. русско-алеутский словарь. Эта рукопись находится сейчас в Библиотеке Конгресса США (Вашингтон). Ксерокопия рукописи хранится в Алеутском краеведческом музее на о. Беринга.

В 1994 г. Священный синод Православной церкви в Америке причислил отца Иакова к лику святых с наименованием «просветителя народов Аляски» [2].

«Епископ Дэвид, глава епархии Ситки, Анкориджа и Аляски, в 2015 г. поставил перед Службой национального парка Ситки задачу найти могилу святого Иакова Нецветова. Точное место захоронения пока не найдено. Памятник в виде глиняной церкви лишь указывает на то, что его предали земле где-то здесь.

В поисках мощей святого помогает директор парка и Исследовательского института Гетти в Лос-Анджелесе, искусствовед Мэри Миллер – ее отец много лет назад был регентом хора в Михайловском соборе в Ситке. Епископ Дэвид надеется, что мощи святого будут найдены и переданы в кафедральный храм епархии Ситки, Анкориджа и Аляски Православной церкви в Америке» [5].

«Мэри Миллер подала идею искать могилу святого с помощью георадара. В Ситку приехал доктор Томас Урбан из Корнелльского университета США и возглавил поиски. “Мы надеемся, что собранные доктором Урбаном и командой данные помогут нам обрести мощи св. Иакова”, – отметил епископ.

В Национальном парке Ситки на Аляске планируется провести работы по воссозданию исторического облика так называемого Блокгауза на холме – он должен выглядеть именно так, как во времена существования русской колонии. При этом есть надежда отыскать могилу св. Иакова Нецветова» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев Д. (протоиерей) «От древнего Валаама до Нового Света. Русская Православная Миссия в Северной Америке» // Литагент «ПСТГУ». Санкт-Петербург, 2007. С. 28–35.
2. Значение деятельности протоиерея Иакова Нецветова в освоении русской Америки / Митрополит Климент (Капалин) [и др.]. Москва : Издат. совет Русской Православной Церкви, 2014. С. 237–258.
3. История и наследие Русской Америки / А. Ю. Петров [и др.] // Вестн. Рос. акад. наук. 2011. № 12. С. 1090–1099.
4. Капалин Герман Михайлович. Русская Православная Церковь и освоение Тихоокеанского севера в XVIII–XIX вв. (на материалах Аляски) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Москва, 2014. 630 с.
5. Православная церковь в Америке надеется обрести мощи Св. Иакова Нецветова [Электронный ресурс] // Седмица.Ru. URL: <http://pravoslavie.by/news/pravoslavnaja-cerkov-v-amerike-nadeetsja-obresti-moshi-sv-iakova-necvetova>.
6. Смекалов Г. Н. Православные мученики земли Курильской // Александровск-Сахалинский : МУ Александровск-Сахалинская ЦБС. 12 с.
7. Татаренкова Н. А. Ранний этап деятельности миссионера Иакова Нецветова // К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741–2011) : материалы Пярых Междунар. ист. и Свято-Иннокентьевских чтений (19–20 окт. 2011 г.). Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 64–71.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТ ЗАХОРОНЕНИЯ

Влодзимеж СЕК

Католическая церковь
г. Пененжно, Польша

ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ РУССКИХ И СОВЕТСКИХ СОЛДАТ В XX В. В ПОЛЬШЕ

Аннотация. Рассматривается вопрос состояния в Польше военных кладбищ и иных мест захоронения русских и советских солдат и офицеров, погибших в ходе военных действий XX столетия. Рассматривается исторический процесс формирования воинских захоронений на территории Польши, приводятся данные по воеводствам о количестве военных кладбищ и похороненных там лиц, рассматриваются законодательные акты, регулирующие статус военных кладбищ в Польше. Отмечается уважительное и заботливое отношение польского общества к воинским захоронениям русских и советских солдат.

Ключевые слова: Польша, войны XX в., воинские кладбища, захоронения солдат, гражданское население, пострадавшее от военных действий.

Włodzimierz Siek

Catholic Church
Pienienžno, Poland

MILITARY BURIAL OF RUSSIAN AND SOVIET SOLDIERS IN THE TWENTIETH CENTURY IN POLAND

Abstract. The article is devoted to the question of the state of military cemeteries and other burial places of Russian and Soviet soldiers and officers who died during the hostilities of the twentieth century in Poland. The article considers the historical process of the formation of military graves in Poland, provides data of the Provinces regarding the number of military cemeteries and persons buried there, discusses legislative acts regulating the status of military cemeteries in Poland. The respectful and caring attitude of Polish society to military graves of Russian and Soviet soldiers is also noted.

Keywords: Poland; wars of the twentieth century; military cemeteries; burial of soldiers; civilian population affected by war time hostilities.

В силу своего географического расположения Польша на протяжении столетий была местом многочисленных вооруженных конфликтов. В настоящее время на территории Польши находится около 12 тысяч военных кладбищ, участков и отдель-

ных могил, в которых покоятся останки солдат различных национальностей, воевавших на территории польского государства. Возраст этих захоронений датируется периодом с XVII по XX в. Во внимание принимаются также могилы польского гражданского населения и других народов (например, евреев) – жертв войн и тоталитарных репрессий. В общей сложности на территории Польши покоится около 20 миллионов солдат. Все виды погребений – начиная с отдельных кладбищ и заканчивая единичными могилами – называются воинскими захоронениями [2, с. 7].

Жители Польши к любому месту захоронения относятся с уважением и трепетом в силу христианского менталитета, так как большинство поляков крещеные и исповедуют католическую веру. Кладбище является местом памяти об усопших, это место тишины, раздумий и молитвы. Глубоко укоренившейся польской традицией является забота о могилах не только своих родных и близких, но также о захоронениях неизвестных людей [7]. Уход за погостом подразумевает наведение порядка и на могилах, о которых никто не заботится. Во время празднования Дня Всех Святых (1 ноября) и Дня Поминовения усопших (2 ноября) кладбища в Польше превращаются в цветущие сады – в память об усопших на могилы приносятся венки, цветы и зажигаются лампы. По всей стране миллионы людей в эти дни посещают кладбища и молятся у могил своих родных. Особой частью этой традиции является посещение могил солдат и уход за ними. Поэтому многие люди навещают военные кладбища, кладут на могилах солдат цветы и зажигают лампы. Это основывается на вере в то, что «Один Бог ест Владыка жизни, от начала ее и до конца» [8].

Статус мест воинских захоронений регулируется *Законом о военных погребениях и военных кладбищах* от 28 марта 1993 г. (Дз.У.РП 36.85.595 (Dz. U. 36.85.595), а также Женевской конвенцией от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны.

Воинскими захоронениями, согласно ст. 1 вышеупомянутого закона, являются, среди прочих, «могилы военных лиц, погибших либо умерших в связи с военными действиями, несмотря на национальность» и «могилы военнопленных и интернированных».

Военные захоронения находятся под опекой польского государства, а конкретно воеводы. Непосредственно за состояние могил отвечают органы местного самоуправления (города, гмины).

Согласно закону все военные погосты и места захоронения, несмотря на национальность и вероисповедание погребенных лиц, должны быть ухожены и окружены должным уважением и достоинством. Материальная ответственность за содержание этих мест захоронения возлагается на бюджет польского государства.

Одновременно начальствующий надзор за воинскими захоронениями осуществляет министр культуры и национального наследия Польши через свое служебное подразделение – Совет охраны памяти борьбы и мученичества, а в последнее время этими вопросами занимается Департамент культурного наследия. Задачей Совета, согласно *Закону о Совете охраны памяти борьбы и мученичества* от 21 января 1988 г., является осуществление опеки над местами борьбы и мученичества, устойчивое поддержание памяти о связанных с этими местами фактах, событиях и личностях, а также оценка состояния ухода за местами и постоянными объектами национальной памяти – военными памятниками, памяtnыми таблицами, кладбищами, участками захоронений и могилами [2, с. 8].

Согласно *Закону о военных погребениях и военных кладбищах* от 28 марта 1933 г. польское государство обязано охранять и опекать военные захоронения, включая могилы солдат, погибших вследствие военных действий на территории Польши, несмотря на национальность, вероисповедание и формацию, к которой они принадлежали. Дополнительно защиту захоронений российских военных регулирует *Договор между Правительством Республики Польша и Правительством Российской Федерации о захоронениях и местах памяти жертв войн и тоталитарного насилия* от 22 февраля 1994 г.

На территории Польши находится большое число захоронений российских военных, которые относятся к различным историческим периодам начиная с первой половины XIX в., до периода после окончания Второй мировой войны. Данная статья ограничена рамками XX столетия.

Совет охраны памяти борьбы и мученичества на основании верификации, проведенной в 2013–2014 гг., сообщает о существовании в Польше 1868 объектов, которые относятся к воинским захоронениям. Самое большое количество относится к периоду Первой мировой войны – 1129 объектов, к периоду Советско-польской войны – 17 объектов, к периоду Второй мировой

войны – 718 объектов и 4 объекта Северной группы войск Советской Армии и членов их семей [2, с. 8–9].

Первая мировая война

В ходе Первой мировой войны на территории Польши возникло наибольшее количество объектов захоронения русских солдат. Царская армия несла большие потери в битвах и сражениях этой войны. Могилы русских солдат находятся на территории всей Польши, более всего в Малопольском, Варминско-Мазурском, Подкарпатском, Люблинском и Подляском воеводствах. Исследователи определяют, что на территории Польши покоится 160 540 солдат. Следует учесть, что это те, кого удалось посчитать. К данному числу необходимо добавить тех, кого не нашли, причем среди них 4 472 солдата известны по фамилии [2, с. 17].

С начала войны в Петербурге действовал Александровский комитет, который занимался уходом за ранеными и вопросами военных захоронений. Этот Комитет уже в августе 1914 г. сформулировал распоряжение, которое регулировало сохранение памяти о раненных солдатах и возвращающихся с фронта, которые умерли в военных госпиталях. Рекомендовано было хоронить их на отдельных кладбищах или на специально выделенных местах, ставить им кресты и памятники [9].

В зависимости от района сражений строительство и оборудование кладбищ выглядело по-разному. На территории Вармии и Мазур кладбища закладывались сразу после окончания боев, на поле битв. Работы с целью создания и упорядочения этих мест велись сразу после окончания военных действий и продолжались до 1930-х гг. Чтобы эта деятельность носила организованный характер, немецкие власти создали в Крулевце (Калининград) провинциальное Консультативное ведомство по делам увековечивания воинов. В 1918 г. была издана специальная Инструкция, регулирующая создание военных кладбищ на территории Восточной Пруссии. В ней особое внимание уделялось красивому оформлению места захоронения с учетом гармоничного сочетания с ландшафтом. Отдельно подчеркивалось, что могилы павших противников – солдат российской армии – должны почтаться и оформляться наравне с могилами немецких солдат. На территории этого воеводства кладбища четко выделялись в ландшафте, там устанавливался высокий крест как элемент, ви-

димый издалека, одновременно являющийся сакральным знаком, освящающим это место [2, с. 18].

На территории Люблинского воеводства русская армия устраивала военные захоронения на гарнизонных кладбищах (Люблин, Демблин) или на гражданских православных погостах. Если имелись лишь католические кладбища, на них создавались отдельные военные участки. Однако большинство захоронений в этой части Польши возникало на полях сражений. Самые крупные из них находятся на месте тяжелых боев близ городов Красник и Пулавы. В 1915 г. Люблинский губернатор приказал для упорядочивания окапывать могилы солдат рвами. Так формировались первые военные кладбища [2, с. 18–19].

Несколько иная ситуация имела место на территориях, подвластных Австро-Венгерской империи. Уже в 1915 г. там действовали службы, которые должны были очищать и упорядочивать поля сражений. Главная комендатура этапов в марте 1915 г. издала указ, который затрагивал вопросы захоронения павших солдат. Тем не менее только в 1917 г. началась эксгумация и перенесение останков солдат на общие кладбища. Позже начали действовать две группы: учета военных могил и опеки над могилами. Эта ситуация привела к тому, что почти 70 % солдат остались неопознанными, неизвестны были фамилии и принадлежность к подразделениям, в которых они служили. Особенно мало было идентифицировано русских солдат – около 8 %. Причиной этого был факт, что русская армия покинула земли Польского королевства и не имела возможность установить фамилии своих солдат. Австро-венгерские власти могли восстановить фамилии русских солдат только по надписям на могилах. Отношение к могилам своих солдат и к могилам противников было одинаковое, однако хоронили солдат на отдельных участках и кладбищах. На территории Келецкого воеводства действовал принцип простой могилы с крестом и фамилией, также ставили большой крест с надписью, подчеркивавшей военный характер некрополя и общую судьбу павших солдат. Иногда вместо креста устанавливался обелиск, каменная плита или маленькая часовня.

Больше всего объектов находится на территории современного Малопольского воеводства – 21 007 солдат покоится на территории 272 мест захоронения, и Подкарпатского – 15 091 солдат на территории 131 объекта. Их убранство отличается своим деко-

ром, можем встретить монументальные памятники и мемориальные стены [2, с. 19–20].

Советско-польская война

Советско-польская война 1919–1921 гг. велась между двумя новыми государствами: созданной в результате вооруженного переворота 1917 г. Советской Россией и возрожденной в 1918 г. Польской Республикой. Советская Россия стремилась к подчинению Польши и созданию на ее территории советских республик и, таким образом, к переносу пролетарской революции вглубь Европы. Польша, уставшая от длительного отсутствия суверенитета, жаждала сохранения недавно возвращенной независимости.

В 1919 г. на территории Польши находилось 7 тысяч военнопленных. Они находились в лагерях, построенных еще немецкими оккупантами во время Первой мировой войны. Количество пленных солдат резко увеличилось после победной для Войска Польского Варшавской битвы 13–25 августа 1920 г. Тогда на территории Польши находилось около 110 тысяч русских военнопленных. Польша не была готова к принятию такого количества пленных. Из-за переполнения лагерей и неподходящих условий жизни (антисанитария, инфекционные заболевания) смертность пленных в этот период составляла 17–20 %.

В марте 1921 г. начался обмен военнопленными на основании договора, подписанного Польшей и Советской Россией в Риге 24 февраля 1921 г. За этот период умерло в лагерях от 16 тысяч до 18 тысяч военнопленных. Их кладбища находятся в непосредственной близости от лагерей [2, с. 43–44].

Вторая мировая война

Могилы советских солдат времен Второй мировой войны находятся на втором месте по численности русских захоронений в Польше. Как указывают результаты верификации 2013–2014 гг., в Польше находится 718 объектов, на территории которых покоятся советские солдаты и пленные, погибшие во время Второй мировой войны. Всего в Польше находится 230 советских кладбищ, из которых 170 – отдельные, где покоятся только военнослужащие Красной армии, и 60 – общие с воинами Войска Польского и пленными разных национальностей. Кроме кладбищ имеются братские и отдельные могилы (408) и 80 участков.

В 1944–1945 гг. на территории Польши проходили масштабные военные операции; здесь действовали 1-й, 2-й, 3-й Белорус-

ские фронты, 1-й и 4-й Украинские фронты. Официальные данные говорят о 600 тысяч погибших офицеров и рядовых солдат Красной армии. Эти данные не учитывают военнопленных, которые погибли в лагерях, созданных немецким рейхом. Возможно, это было связано с умалчиванием реальных потерь, особенно в связи с «трудной» и политизированной темой советских солдат, попавших в плен.

Первые захоронения солдат советской Красной армии времени Второй мировой войны датируются сентябрем 1939 г., но они немногочисленны. Позже появились могилы солдат, погибших в 1941 г. (территория Подляского воеводства), затем партизанские захоронения и, наконец, наиболее многочисленными являются могилы 1944–1945 гг.

После окончания военных действий польские власти приступили к составлению списков военных захоронений, находящихся на территории Польши. Списки включали в себе не только могилы советских солдат, но также захоронения польских военных, пленных разных национальностей и гражданского населения. Списки составлялись представителями местного самоуправления и затем передавались в Министерство общественной администрации.

Советские фронтовые военные подразделения имели так называемые похоронные бригады. Первые кладбища возникали на территории военных действий, где главным принципом при выборе места было количество погибших солдат. В послевоенное время имели место крупные эксгумации: 1948–1954 гг. (в этот период формировались новые кладбища) и 1957–1958 годы (новые объекты не строились). Военные кладбища размещались в основном в центре небольших городов, офицеров хоронили отдельно вдоль главных аллей. Остальные могилы – братские, с памятными надгробными таблицами и небольшими обелисками [2, с. 51–52].

На территории Польши находятся также кладбища советских военнопленных, организованные немцами. Документы четко показывают, что фашистами проводилось регулярное уничтожение советских военнопленных на территории концлагерей [1, с. 380]. Эксгумации в этих местах захоронения не проводились, примерное количество погибших определялось по расположению тел в могилах и по размерам могил. Примерные подсчеты говорят почти об одном миллионе военнопленных, останки которых поко-

ятся в Польше. Другие источники называют цифру 700 тысяч человек [4]. Долгое время эта тема казалась неудобной и практически не освещалась, хотя судьба советских военнопленных в фашистских лагерях была ужасной [3, с. 7]. Первоначально эти кладбища вообще не были организованы (лишь в небольшом объеме). В более позднее время, после нахождения таких объектов, проводились эксгумации, а останки переносились на ближайшие военные кладбища [6]. К сожалению, некоторые из них до сих пор остаются неопознанными, примером чего могут быть лагеря в Конине и Брокентине, где погибло около 40 тысяч пленных [2, с. 53].

Состояние советских кладбищ удовлетворительно. На многих из них проводились реконструкции в связи с тем, что при их создании сразу после войны использовались не очень качественные материалы. Характерно, что территория кладбищ содержится в ухоженном состоянии – подстриженные газоны, оформленные цветочные клумбы, венки и зажженные лампы [5].

Могилы солдат бывшей Северной группы войск и члены их семей (1945–1991 гг.)

На территории Польши находятся также четыре объекта, которые не являются военными кладбищами. Это захоронения военнослужащих бывшей Северной группы войск и членов их семей, погибших или умерших в 1945–1991 гг. Находятся они в Хойне, Борно-Сулинове, Свентошове и Легнице.

Поскольку последние отряды Северной группы войск покинули Польшу в сентябре 1993 г., осталась проблема юридического статуса и содержания оставшихся мест захоронения. Первоначально это было 5 кладбищ и 11 могильных участков, на территории которых похоронены 1571 человек – солдаты и офицеры бывшей Советской армии, а также члены их семей. 22 февраля 1994 г. был подписан *Договор между Правительством Республики Польша и Правительством Российской Федерации о захоронениях и местах памяти жертв войн и тоталитарного насилия*, который частично урегулировал статус этих захоронений. Переговоры Польши и Российской Федерации длились до 2006 г. Было принято решение о создании четырех сборных кладбищ, куда были перенесены останки военнослужащих и членов их семей. В настоящее время этот вопрос курирует Совет охраны памяти борьбы и мученичества.

Несмотря на то что Вторая мировая война закончилась 74 года назад, на территории Польши по сей день как случайно, так и благодаря целенаправленным поискам продолжают обнаруживаться останки солдат и гражданских лиц – жертв военных действий. Захоронение обнаруженных останков осуществляется на военных кладбищах, существующих на территории Польши [2, с. 95–96].

1 апреля 2016 г. в Польше был принят *Закон о запрете продвижения коммунизма*, который ставит под запрет использование коммунистической символики. На основании данного закона в публичном пространстве были убраны символы коммунизма, в том числе памятники советским солдатам. Однако этот закон никак не затрагивает мест захоронения и касается только памятников-символов, отдельно стоящих. Надмогильные памятники остались на своих местах, так как это захоронения, к которым в Польше относятся с уважением. В связи с введением вышеупомянутого закона, в российских СМИ появилось много неверной информации об уничтожении на территории Польши военных кладбищ и солдатских могил. Эта информация не соответствует действительности и является плодом политизированной журналистской манипуляции. В польском обществе сохраняется уважительное отношение к объектам захоронения русских и советских солдат; они по-прежнему являются местом мирного и патриотического воспитания детей и молодежи, считаются святыми местами, к которым надлежит относиться с заботой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cyprian T., Sawicki J. Materiały norymberskie. Warszawa, 1948.
2. Koszowy A., Wicka A., Krząstek T. Groby i cmentarze żołnierzy rosyjskich i radzieckich z XIX i XX wieku w Polsce. Wybrane przykłady. Warszawa, 2016.
3. Mnichowski P. Hitlerowska eksterminacja jeńców radzieckich na obszarze dzisiejszego Województwa Zielonogórskiego w latach 1941–1945. Zielona Góra, 1982.
4. Piławski K. Kto spoczywa na radzieckich cmentarzach [Электронный ресурс] // Tygodnik przegląd, 2015, Styczeń 19 <https://www.tygodnikprzeglad.pl/kto-spoczywa-na-radzieckich-cmentarzach/> (дата обращения 20.05.2019).
5. Wrocławskie cmentarze wojenne [Электронный ресурс] // Wrocław wyborcza, 2008, Październik 31. URL: http://wroclaw.wyborcza.pl/wroclaw/1,35771,5872028,Wroclawskie_cmentarze_wojenne.html (дата обращения 19.05.2019).
6. Выползов А. Польша, пропитанная кровью 2,2 млн советских граждан, очнись! [Электронный ресурс] // Eadaily, 2019, 9 мая. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/05/09/polsha-propitannaya-krovyu-22-mln-sovetskih-grazhdan-ochnись> (дата обращения 10.06.2019).

7. Катехизис Католической церкви. П. 1680–1690.
8. Конгрегация веры Инструкция «Donum vitae» («Дар жизни»). Вступление 5.
9. Энциклопедия благотворительности Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853438032> (дата обращения 02.06.2019).

Михаил Юрьевич КУЗНЕЦОВ

Иркутский национальный исследовательский технический университет
г. Иркутск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ТРАУРНЫХ ЦЕРЕМОНИАЛОВ ПРИ ЗАХОРОНЕНИИ ОФИЦЕРОВ И НИЖНИХ ЧИНОВ МЕСТНЫХ ВОЙСК ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. Рассматривается траурный церемониал похорон генералов, офицеров и нижних чинов в Русской императорской армии. Проанализированы нормативные документы, в которых подробно регламентировано обмундирование войск, участвующих в погребении и проведении самого ритуала; специфика похоронного ритуала с учетом иерархии военных чинов и должностных лиц, их званий и заслуг.

Ключевые слова: воинские захоронения, траурная церемония, воинские почести, местные войска Восточной Сибири, траурная колесница.

Mikhail Yu. Kuznetsov

Irkutsk National Resources Technical University
Irkutsk, Russia

FEATURES OF THE FUNERALS OF THE OFFICERS AND SOLDIERS LOCAL TROOPS OF EASTERN SIBERIA IN THE MID-XIX BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. Various traditions gradually formed in the Russian Imperial Army, including the funeral ceremony of generals, officers and lower ranks. In the regulatory documents was described in detail the order of the troops for burial and the conduct of the ritual with their participation. There was a hierarchy of funeral ritual from senior commanders and officials to lower ranks. Considered the position, rank and merit of the deceased.

Keywords: war graves, mourning ceremony, military honors, local troops of Eastern Siberia, funeral chariot.

В Русской императорской армии сформировались определенные традиции, часть их после октября 1917 г. были утрачены, но многие из них были сохранены в определенном состоянии, живут они и в настоящее время в Вооруженных Силах Российской Федерации. Появившийся интерес к традициям русской армии дает надежды, что многие ритуалы и традиции будут восста-

новлены, сохранены и продолжают развиваться. В ряду этих традиций – траурный церемониал, он подчеркивает стабильность государства и преемственность поколений русской армии. Как показывает анализ, данная церемония практически не изучена.

Для комплексного анализа рассмотрим ряд нормативных правовых актов Российской империи, архивные документы и периодическую печать. Среди источников нормативно-правового характера можно отметить императорские указы и приказы по военному ведомству, воинские уставы, своды правил, инструкции и др. В данных документах указан порядок и требования к траурным мероприятиям. Упомянутые источники основной частью отражены в Полном собрании законов Российской империи.

В Российском государственном военно-историческом архиве и Государственном архиве Иркутской области имеются фонды с приказами начальников гарнизонов, командиров частей местных войск и подразделений, дислоцированных в Восточной Сибири, в которых отражены факты служебной деятельности с описанием фактов смерти и гибели генералов, офицеров и нижних чинов. Описаны траурные мероприятия и порядок захоронения офицеров и генералов.

После изобретения фотографии и синемаатографа (кинематографа) с середины XIX в. появляются документальное кино и фотоматериалы, запечатлевшие похороны генералов, офицеров и нижних чинов.

В периодической печати (газетах, журналах и альманахах) в Восточной Сибири на страницах местной прессы печатались некрологи и описание похорон генералов, штаб- и обер-офицеров. Материал включал в себя самую разнообразную по происхождению информацию. Важнейшей особенностью этого рода источников являлась оперативность в создании и публикации.

Современные же интернет-ресурсы предоставляют возможность познакомиться с документами, находящимися в различных собраниях и коллекциях [5]. Электронные библиотеки и интернет-сайты различных вузов и музеев расширяют возможности для исследования данной темы.

Что же касается особенности траурных церемоний военных чинов в Восточной Сибири, можно отметить следующее в рассматриваемый период: дислокация воинских частей и подразде-

лений сильно отличалась от Европейской территории России и Дальнего Востока.

Крупных соединений до 1906 г. в регионе практически не было. Основные воинские контингенты, дислоцировавшиеся на территории Восточной Сибири, были представлены подразделениями местных войск, в состав которых входили резервные пехотные батальоны, местные и конвойные команды, а также различные склады и магазины (продовольственные, вещевые, аптечные, артиллерийские и др.), управления и учреждения.

Численность войск по сравнению с другими регионами империи была незначительна. Вызвано это было тем, что Восточно-Сибирский, Иркутский и Сибирский округа были сугубо территорией внутренней (тыловой).

Охарактеризовать местные части и учреждения можно следующим образом: небольшие подразделения общей численностью от 30 до 150 человек, которые несли внутреннюю службу в отрыве, и представляли собой отдельные сибирские гарнизоны. Уездные воинские начальники и начальники местных команд приказами командующего войсками округа назначались комендантами местных гарнизонов. На плечах комендантов лежали вопросы захоронений как действующих, так и находившихся в запасе (отставки) военнослужащих, которым по статусу было положено отдание воинских почестей. Ежемесячно в отчетах начальники представляли данные о количестве заболевших и умерших людей в подразделениях. Боевых действий в Восточной Сибири не велось, в связи с этим массовых боевых и санитарных захоронений не было.

Местные войска несли гарнизонную, внутреннюю и конвойную службу. В случае, когда смерть личного состава происходила от полученных травм и заболеваний, в том числе по причине эпидемий, организация похорон возлагалась на комендантов гарнизонов, командиров (начальников) воинских частей и руководителей лечебных учреждений.

До 1860 г. в Российской империи было множество отдельных нормативных правовых актов, которые определяли порядок захоронения офицеров и нижних чинов. Отдельные из них определяли форму одежды похоронной команды, другие – указывали источник финансирования, третьи – какой состав почетного караула должен назначаться.

К примеру, 31 мая 1853 г. был определен порядок о погребении умерших в военных госпиталях людей православного исповедования.

При погребении на умерших возлагались венчики и листы разрешительной молитвы. Выделялось по 7 ½ копеек серебром для каждого умершего, эти расходы возлагались на счет общей госпитальной суммы.

Тело умершего переносилось в особый покой, обмывалось и укладывалось на нары. На усопшем была рубаха, тело покойного также накрывалось холстом в два с половиною аршина. Состоящие при данном помещении служители должны были наблюдать, не показывает ли усопший признаки жизни, в случае чего сразу же информировать дежурного врача [6].

4 января 1856 г. циркуляром Инспекторского департамента военного министерства определена форма одежды для генералов, присутствующих при погребениях. Форма одежды должна быть парадная (городская), шаровары красные с галуном [8].

24 ноября 1857 г. приказом военного министерства определен порядок несения в погребальной процессии орденов лиц, сопровождаемых при похоронах воинскими командами [7].

При похоронах лиц, сопровождающихся в последний путь со всеми полагающимися им почестями, ордена покойных раскладывались на подушках для несения в процессии следующим образом:

а) каждый русский орден 1-й степени, равно Св. Владимира 2-й степени, а также Св. Георгия каждый из четырех его степеней – на особой подушке;

б) все русские ордена младших степеней, равно всем русским медалям, знаки отличия и знак беспорочной службы – на одной общей подушке;

в) все ордена, медали и знаки иностранные – на одной общей подушке.

При невозможности нарядить для несения каждой подушки трех офицеров, наряжалось по два. Комендант гарнизона, в случае похорон, ставил в известность воинские части и определял, какое количество офицеров необходимо наряжать для отдания воинских почестей [8].

10 марта 1858 г. был установлен порядок оплаты за погребение нижних воинских чинов, умерших вне госпиталей. В нем говорилось, что погребение нижних чинов, умерших вне госпита-

лей, во время состояния их на казенном содержании при инвалидных командах, должно производится начальниками команды, а умерших во время следования по этапам – местным начальством того селения, где умер нижний чин. Расходы на погребение компенсировались Комиссариатским департаментом военного министерства [9].

В случае смерти временно или бессрочно отпускных и отставных нижних чинов военного ведомства в гражданских больницах, похоронами занималась администрация больницы, а деньги на погребение также выдавались Комиссариатским департаментом [13].

17 марта 1858 г. был определен порядок перевозки мертвых тел, не преданных еще земле для погребения из одной губернии в другую [10].

С 11 октября 1858 г. при прохождении церковных процессий, по отдаванию воинских почестей войсками, при которых отсутствуют похоронные музыканты, в строю обязаны быть барабанщики и горнисты. Им было определено при прохождении погребальных процессий: барабанщикам бить «Похоронный марш», а горнистам играть «Поход» [11].

2 мая 1860 г. Высочайше был утвержден воинский устав о службе в гарнизоне [13]. В главе IX «О погребении» были определены основные положения и описан церемониал похорон генералов, офицеров и нижних чинов армии. Многие положения были введены и ранее, но в данном документе они были собраны воедино.

Для погребения состоявших на службе чинов наряжались команды, орудия, почетные караулы. Состав команды и почетного караула определялся должностью и званием покойного:

– для генерал-майора команда состояла из одного батальона со знаменем и двумя артиллерийскими орудиями;

– для полковника команда состояла из четырехсот человек со знаменем, построенных по батальонному расчету в восемь взводов, под командой командира батальона. Если полковник во время службы был командиром полка или отдельного батальона, то ему положено два орудия;

– для подполковника – триста человек, построенных в шесть взводов со знаменем под началом батальонного командира;

– для майора – двести человек, построенных в четыре взвода без знамени;

- для капитана или штаб-капитана наряжалась рота, с состоящими в ней офицерами;
- для прочих обер-офицеров – шестьдесят офицеров с двумя офицерами;
- для унтер-офицера – тридцать рядовых при двух унтер-офицерах под командой офицера;
- для рядового – двадцать рядовых с двумя унтер-офицерами.

При погребении нижних чинов дополнительно в состав команды наряжалось по одному барабанщику.

При погребении музыкантов, барабанщиков и горнистов унтер-офицерского звания наряжалась команда как для строевых унтер-офицеров, а для прочих как для рядовых. Для погребения нестроевых нижних чинов наряжалась команда из нестроевых в том же числе, как и для строевых.

При погребении рядовых наряжали всегда строевого офицера для надзора за порядком, но в строй он не становился.

Если в гарнизоне отсутствовало должное количество личного состава, которое предписано для проведения ритуала, то наряжали от наличного состава в том количестве чинов, которое следовало по чину покойника.

Во всех перечисленных случаях сверх команды, посылаемой для отдания воинских почестей, выделялись для спуска гроба в могилу двадцать рядовых в мундирах и фуражках при унтер-офицере в кивере и портупее.

Участвующие в погребальной церемонии штаб- и обер-офицеры:

- для несения орденов покойника были в парадной форме в киверах или касках;
- находящемся в строю – в караульной форме.

При этом всем офицерам следовало иметь флер (в киверах на кусах, помпонах и кругом кивера или каски по гербу, на шарфах, эполетах, аксельбантах, темляках и на левом рукаве).

Если развод назначен в шинелях, то всем присутствующим и участвующим надлежало быть в плащах, имея оружие поверх плаща.

На знаменах подвязывался бант из черного флера под копьё.

Барабаны, горны, трубы у находящихся в строю музыкантов обшивались черной фланелью или каразеею, на прочих инструментах должны быть банты из флера или крепа. При погребении

нижних чинов офицеры были без траура. Музыкальные инструменты фланелью не обшивались.

Для воинского чина, находящегося в отставке и имевшего орден Св. Георгия, даже если он имел при кончине гражданский чин или состоял при гражданской службе, наряжалась воинская команда по чину на момент увольнения с военной службы, при этом почетный караул не наряжался.

Наряженная команда для погребения строилась по прибытию к месту выноса. Перед выносом тела начальник командовал: *«Смирно, на пле-чо»*; при самом выносе: *«Слушай на кара-ул»*. При исполнении данной команды барабанщики били *«Поход»*, а музыканты играли *«Марш»*. Когда тело равнялось с флангом, где находились музыканты, барабанщики прекращали бой, а музыканты начинали играть молитву *«Коль славен»*. Когда тело миновало команду, старший начальник подавал знак к прекращению боя и командовал *«Глаза на-право, слушай на плечо»*.

После чего начальник команды вел ее за гробом, повзводно, барабанщики и музыканты били и играли марш. Если мороз был свыше десяти градусов, то музыканты, горнисты и трубачи играли только при отдании чести, при следовании за гробом не играли.

Порядок построения траурной процессии был установлен следующий:

- 1) духовная процессия;
- 2) колесница с гробом;
- 3) родственники покойного и приглашенные на погребение;
- 4) наряженная на погребение команда.

На крышке гроба в обязательном порядке лежали кивер (каска или шляпа покойного), шарф, обнаженная сабля (палаш, шпага): при этом ножны укладывались крестообразно с саблей.

Если покойный имел какие-либо ордена, то несущие их офицеры шли впереди духовной процессии, иностранные ордена несли в первую очередь, за ними российские начиная с младших.

При погребении генерала или штаб-офицера выводилась верховая лошадь покойного. Седло накрывалось черной попоной. Лошадь велась рейткнехтом позади родственников за гробом идущих.

По прибытии к месту погребения музыканты и барабанщики переставали играть. Команда строилась, как позволит место, как правило, лицом к церкви. Артиллерийские орудия устанавливали там, где было удобнее для стрельбы.

Во время отпевания нижние чины стояли вольно, имея ружья у ноги. По окончании отпевания тело выносилось из церкви, ружья брались на плечо. При проносе тела мимо команды ружья брали на караул.

При опускании тела в могилу команда делала три выстрела залпом. Артиллерийские орудия делали также три выстрела залпом. Выстрелы производились для всех генералов и офицеров, а также для нижних чинов, бывших в походах против неприятеля. После выстрелов подавалась команда «На плечо», барабанщики били три отбоя, после чего снимался весь траур.

При погребении воинских чинов воинские почести оказывались в любом случае, невзирая на противоречия завещания покойного.

25 ноября 1862 г. были внесены изменения в устав гарнизонной службы: *«Когда при части, наряженной на похороны, кроме барабанщиков, находятся и музыканты, то, при выносе тела, при команде на-караул барабанщикам не бить вовсе, а только музыкантам играть молитву “Коль славен”, если же музыкантов нет, то барабанщикам бить похоронный марш во все время отдания чести»* [14].

В Иркутске в 1866 г. были отданы воинские почести поручику, которые надолго запомнились горожанам.

Летом 1866 г. в районе Кругобайкальского тракта польские каторжники подняли восстание. На усмирение взбунтовавшихся из Иркутска были направлены войска. 28 июня 1866 г. в бою на р. Быстрой погиб старший адъютант Управления начальника местных войск поручик Н. Н. Порохов.

30 июня тело убитого офицера было доставлено в столицу Восточной Сибири. 1 июля в кафедральном соборе было совершено отпевание погибшего. На богослужении присутствовали губернатор, военные и гражданские чины, горожане. Площадь у собора была заполнена молящимися. Во время отпевания Николая Николаевича были произнесены слова, от которых на глазах горожан возникли слезы. По окончании службы траурная колонна двинулась по Заморской улице. Гроб был расположен на лафете артиллерийского орудия, батальонный оркестр Иркутского губернского батальона исполнял похоронный траурный марш. За процессией шли офицеры и генералы штаба Восточно-Сибирского военного округа, Иркутского гарнизона и нижние

чины, свободные от несения службы. В конце похоронной процессии шли горожане.

Похоронная колесница направилась к Иерусалимскому кладбищу, где безвременно погибшему были отданы последние воинские почести. Тело положили в металлический гроб, после чего его опустили в могильный склеп.

По настоянию матери погибшего поручика и с разрешения министра внутренних дел, епархиальным начальством металлический гроб с останками 27 июля 1867 г. был извлечен из могильного склепа. В 6 часов вечера на кладбище была отслужена панихида. В годовщину смерти Порохова 28 июня в 11 часов утра после новой панихиды гроб в сопровождении православного духовенства с воинскими почестями препровожден с Иерусалимского кладбища до пристани на р. Ангаре. Переправившись через реку, печальная колесница направилась по Московскому тракту на запад в Псковскую губернию [1].

27 января 1867 г. Александр II Высочайше распорядился: при морозе в 20 и свыше градусов, для отдания воинских почестей телам умерших военных чинов воинские команды не назначать [15].

Всех умерших генералов, штаб- и обер-офицеров, командиров отдельных частей или если они числились в списках воинских частей, расположенных в местах, где они проживали перед кончиною, команды провожали для отдания последних почестей до кладбища. Если кладбище было удалено от места выноса тела покойного более чем на двух-перстное (получасовое) расстояние, команды, наряженные для отдания последних почестей, не следовали в похоронной процессии до самого кладбища. Почести отдавались при выносе тела, на месте.

Если тело умершего предполагалось похоронить за городом, то команда сопровождала до кладбища или до городской заставы.

В случае сильных морозов, сопровождаемых ненастной погодою, разрешалось командам не провожать погребальный процесс, отдавая последние почести на месте выноса [19].

С 14 июня 1974 г. на погребение умерших в лазаретах и военных госпиталях портупей-юнкеров и кандидатов на классную должность отпускалось от интендантства по 15 рублей на каждого [16].

Периодически вносились изменения в ритуал. В середине 80-х гг. XIX в. был издан отдельный документ, который учел все изменения и новшества, касающиеся траурной церемонии. Был

более подробно описан наряд войск на погребение и проведение самого ритуала с их участием, который определялся должностью, званием и заслугами усопшего. Существовала иерархия похоронного ритуала от высших военачальников и должностных лиц до нижних чинов [17].

Количество воинских захоронений увеличилось с началом Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда тяжело раненых офицеров и нижних чинов направляли с фронта на лечение в госпитали и лазареты Иркутска, Красноярска и Читы, где многие умирали от ран и были захоронены на кладбищах вблизи лечебных заведений. К примеру, в декабре 1904 г. на излечении только в Иркутском военном госпитале находилось 68 офицеров и 1477 нижних чинов [20]. Достоверно известно, что подполковник Я. П. Горский, командир 2-го батальона 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, в феврале 1905 г. в бою с японцами был тяжело ранен в голову, эвакуирован в Иркутский госпиталь, скончался в мае 1905 г. Захоронен на Иерусалимском кладбище [3, с. 205–206].

В уставе внутренней службы также содержался раздел, в котором был подробно описан порядок похорон нижних чинов.

В случае смерти рядового или унтер-офицера военный госпиталь или местный лазарет, в котором он скончался, немедленно сообщал в подразделение, где проходил службу покойный. Канцелярия части сообщала об этом его ротному (командному) командиру (начальнику), после чего командир (начальник) обязан был лично сообщить о смерти родственникам умершего, если известно, что они проживают в том же городе или ближайших окрестностях.

Для перевозки умерших должны были быть погребальные дороги. Данные дороги находились на содержании медицинских учреждений. При инспекторском смотре Читинского местного лазарета, в декабре 1908 г., начальник Иркутской местной бригады генерал-лейтенант Б. А. Пиотровский обратил внимание и сделал замечание начальнику лазарета подполковнику М. Н. Васильеву: *«Дороги для отвозки умерших на кладбище неудовлетворительны – необходимо подновить их – а лучше сделать новыми, более приличными и содержать их в должном порядке»* [2, л. 192].

Для перевозки солдат в последний путь была установлена для лошадей черная ременная упряжь без дуги и траурная попона. Если кладбище находилось поблизости, то допускалось тела умерших переносить на носилках.

При перевозке тела возничий, правящий лошадей, обязан был быть в парадной форме.

Покойный отпевался в церкви за обедней священником, причтом и певчими. Во время отпевания обязательно должны были присутствовать все ближайшие начальники покойного до ротного (командного) командира включительно и, по возможности, все нижние чины, свободные от службы, той роты (команды), в которой покойный служил.

По окончании отпевания покойного гроб выносился из церкви и ставился на дроги. Полковой (батальонный) священник провожал покойного до могилы.

Похороны нижних чинов христиан неправославных совершались с вышеуказанными подобающими почестями. Погребение их производилось на тех же кладбищах, где и православных. Отличие заключалось в том, что отпевались они по обрядам своих религий.

Похороны нижних чинов нехристианских исповеданий производились попечением лечебных заведений. Начальники и сослуживцы присутствовали при выносе тел и погребении. Захоронения производились на кладбищах по правилам и законом религии (еврейским, мусульманским и др.).

Во избежание распространения инфекции похороны нижних чинов, умерших от заразных болезней, производились силами военного госпиталя (лазарета). Присутствовать при похоронах сослуживцам покойного запрещалось.

Лечебные заведения, сообщая о смерти таковых нижних чинов, обязаны были оговорить, что нижний чин умер от такой-то заразной болезни и будет похоронен распоряжением военного госпиталя.

В каждом пункте дислокации войск устраивалось особое общее военное кладбище с разделением на участки по числу частей.

В случае погребения нижних чинов на местном общем кладбище, каждой отдельной части отводился особый участок.

На попечение части возлагалась забота о постоянном благоустройстве своего участка, о поддержании в должном виде могил

и постановке для каждого умершего креста с надписью названия части, номера роты (эскадрона, сотни, батареи) или названия команды, где служил покойный, его звания, имени, фамилии и времени смерти.

В канцелярии части надлежало иметь план своего кладбищенского участка с обозначением номера могил и книгу об умерших.

Частям и отдельным лицам предоставлялось право украшать могилы нижних чинов и, вообще, свой участок по их усмотрению, но с тем ограничением, чтобы не было отступлений от общих законов и порядка, заведенного на кладбище.

Если родственники умершего желали, то допускалось похоронить его на другом кладбище, но при этом расходы подразделения не должны были превышать тех, которые предназначались при погребении на отведенном для этого участке [18, с. 92–94].

В Иркутске военное кладбище было расположено возле военного госпиталя. До начала Русско-японской войны захоронений на данном кладбище практически не было. Как было сказано ранее, это было вызвано сравнительно малой численностью личного состава. Большое количество умерших в госпитале военнослужащих было захоронено на нем во время Русско-японской и Первой мировой войн.

17 апреля 1914 г. в Иркутске скорпостижно умер военный комендант Иркутского гарнизона (бывший помощник Иркутского уездного воинского начальника) полковник И. П. Зарембо. Хоронили полковника, как подобает, со всеми воинскими почестями. На отпевании присутствовали командующий Иркутским военным округом генерал от инфантерии А. Е. Эверт, помощник командующего войсками Иркутского военного округа В. Е. Бухгольц, генералы, офицеры и гражданские чиновники. На гроб покойного было возложено более 30 венков. Особенность данных похорон в том, что впервые в Иркутске они были сняты на камеру владельцем синемаатографа Дон-Отелло и впоследствии демонстрировались в городе [4, л. 135].

История воинских захоронений – это общая история России, по ритуалам и церемониям прослеживается отношение царской власти к своим подданным – защитникам престола. Видно, что данный вопрос всегда был под контролем как гражданского, так и военного руководства империи. Особые воинские почести оказывались воинским чинам, принимавшим непосредственное участие в боевых действиях против неприятеля. Также можно обра-

тить внимание, что в случаях гибели или смерти рядовых нижних чинов ритуал исполнялся и был на контроле. Православные традиции всегда поддерживались в русской армии и также нашли свое отражение в ритуалах захоронения. Отношение к захоронениям нижних чинов показывает заботу со стороны военного командования, и молодой солдат, единожды попав на траурную церемонию, прекрасно осознал, что в случае его гибели ему окажут воинские почести, а за его могилой будет кому ухаживать.

Летом 1914 г. началась Первая мировая война, постепенно итогом стало разрушение не только традиций Русской императорской армии, но и крах всей империи. В Советской России пытались дистанцироваться и забыть все традиции и ритуалы старой армии, отказаться от религиозной составляющей при похоронах. Но все же со временем отдельные элементы традиций были возрождены и существуют в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восстание поляков в Сибири 1866 г. // Сиб. архив. 1911. № 3. С. 179–184.
2. ГАИО. Ф. 559. Оп. 2. Д. 20.
3. Гарашенко А. Н. Иркутский исторический некрополь: Иерусалимское кладбище. Иркутск, 2016; Отгиск, 2016. с.464.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 558. Оп. 2. Д. 413.
5. Логунова М. О. Траурный церемониал в Российской империи XVIII – начале XX в. // Управленч. консультирование. 2010. № 1. С. 200–207.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание второе (II). Т. 28. № 27301.
7. ПСЗ РИ. II. Т. 31. № 30017.
8. ПСЗ РИ. II. Т. 32. № 32470.
9. ПСЗ РИ. II. Т. 33. № 32849.
10. ПСЗ РИ. II. Т. 33. № 32884.
11. ПСЗ РИ. II. Т. 33. № 33612.
12. ПСЗ РИ. II. Т. 33. № 35748.
13. ПСЗ РИ. II. Т. 36. № 36981.
14. ПСЗ РИ. II. Т. 36. № 37667.
15. ПСЗ РИ. II. Т. 42. № 44177.
16. ПСЗ РИ. II. Т. 49. № 53654.
17. Свод правил для парадов, торжественных встреч и нарядов войск на погребение. СПб., 1886, 123 с.
18. Устав внутренней службы. Высочайше утвержден 12 июня 1909 г. СПб., 1909.
19. Устав о службе в гарнизоне. В редакции от 3 марта 1874 г. СПб., 1874.
20. Люди и время (Иркутскому военному госпиталю – 180 лет) / Н. В. Шевченко, С. М. Кузнецов, А. Д. Дармаев, Б. М. Бляунштейн // Сиб. мед. журн. Иркутск, 2017. № 3. С. 44–46.

Юлия Андреевна ЯСКИНА

Служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области
г. Иркутск, Россия

СОХРАНЕНИЕ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ ЖЕРТВ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1937–1940 ГГ.»

Аннотация. Приведены данные об истории сохранения и государственной охраны мемориального комплекса, объекта культурного наследия регионального значения – «Место захоронения жертв массовых политических репрессий 1937–1940 годов», а также описание основных проектных решений по реализации проектной документации по сохранению мемориального комплекса, разработанной в 2017 г. за счет средств бюджета Иркутской области.

Ключевые слова: мемориал, мемориальный комплекс, массовые репрессии, места захоронений, репрессии.

Julia A. Yaskina

Service for the Protection of Cultural Heritage Objects of the Irkutsk Region
Irkutsk, Russia

PRESERVATION OF THE MEMORIAL COMPLEX “PLACE OF BURIAL OF THE VICTIMS OF MASS POLITICAL REPRESSIONS OF 1937–1940 YEARS”

Abstract. The article contains data on the history of preservation and state protection of the memorial complex of a cultural heritage site of regional significance – a prominent place “Place of burial of victims of mass political repression of 1937–1940” account of the budget of the Irkutsk region.

Keywords: memorial, memorial complex, mass repressions, burial places, repressions.

Мемориальный комплекс жертв политических репрессий расположен в лесном массиве неподалеку от пос. Пивовариха Иркутского района Иркутской области.

Это историческое место связано с периодом Большого террора – массовой репрессивной акцией, проводимой существующим в России политическим режимом, против различных социальных и национальных групп населения, направленной на устранение оппозиции большевистской власти в Иркутской области, в 1937–1940 гг.

По материалам Управления Федеральной службы контрразведки по Иркутской области, в 1937–1938 гг. было расстреляно 23 224 человека.

К сожалению, систематизированных материалов о деятельности так называемых контрреволюционных групп и организаций на территории Иркутской области нет. Анализ архивных следственных дел, протоколов заседаний тройки УНКВД по Иркут-

ской области, проведенный рабочей группой «Поиск», показывает, что в эти годы проводились ширококомасштабные репрессии лиц, обвинявшихся в принадлежности к антисоветским организациям, большая часть лидеров и членов которых погибли в подвалах НКВД и Иркутской тюрьмы. Их тела были вывезены и захоронены в ряде мест города и Иркутского района.

В 1953 г. руководством СССР была начата реабилитация жертв политических репрессий. Она осуществлялась по заявлениям пострадавших от репрессий, а также их родственников. В 1987 г. процесс реабилитации был возобновлен. К этому времени в СССР оставались не реабилитированными миллионы жертв репрессий.

28 сентября 1987 г. была учреждена Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг. 4 июля 1988 г. было принято решение «О сооружении памятника жертвам беззаконий и репрессий».

16 января 1989 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». Подлежали отмене внесудебные решения «троек» и «особых совещаний». Поддерживались инициативы по созданию памятников жертвам репрессий, а также содержанию в надлежащем порядке мест их захоронения.

14 ноября 1989 г. и 7 марта 1991 г. были признаны незаконными и отменены репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению. 13 августа 1990 г. репрессии середины 1920–1950-х гг. были признаны незаконными, а права всех жертв политических репрессий – подлежащими восстановлению.

В 1989 г. началась массовая реабилитация. Был найден и предан гласности ряд мест массовых погребений, среди них Куропаты, Левашово, Бутово, Коммунарка. Появились первые книги памяти о погибших и пропавших без вести от репрессий.

После событий августа 1991 г. Правительство Российской Федерации продолжило программу реабилитации, подкрепив ее законодательными актами.

Принципиально новым стало признание факта политических репрессий в досталинское и послесталинское время. 18 октября

1991 г. был принят и действует до настоящего времени Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Был установлен День памяти жертв политических репрессий – 30 октября.

В 1992 г. были созданы комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий и приняты следующие нормативные правовые акты по указанным вопросам:

– Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 22 мая 1992 г. № 2822-1 «О событиях в городе Новочеркасске в июне 1962 года»;

– Указ Президента Российской Федерации от 10 января 1994 г. № 65 «О событиях в г. Кронштадте весной 1921 года»;

– Указ Президента Российской Федерации от 24 января 1995 г. № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»;

– Указ Президента Российской Федерации от 14 марта 1996 г. № 378 «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий»;

– Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 1996 г. № 931 «О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов»;

– Постановление Правительства Российской Федерации от 10 октября 1996 г. № 1247 «О создании мемориальных комплексов в местах захоронений советских и польских граждан – жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область)».

Указом Президента Российской Федерации от 7 ноября 1996 г. № 1537 день 7 ноября был объявлен Днем согласия и примирения.

После 1996 г. из важных событий можно отметить реабилитацию в 2008 г. членов императорской фамилии.

В 1991–2014 гг. были реабилитированы 3 510 818 человек, а также признаны подвергшимися политическим репрессиям и реабилитированы 264 085 человек (детей репрессированных лиц).

В связи с вступлением в силу Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и горо-

да федерального значения Севастополя» издан Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», в соответствии с которым прогнозируется увеличение количества заявлений о предоставлении государственной услуги по выдаче справок о реабилитации жертв политических репрессий от лиц из числа этих народов [2].

За прошедшее после 1953 г. время в России процесс реабилитации не был завершен. Точное число репрессированных лиц остается неизвестным.

Во исполнение постановления Иркутского областного Совета народных депутатов «Об установлении мест захоронений жертв необоснованных репрессий 30-х – 40-х и начала 50-х годов» летом 1989 г. Иркутским областным историко-просветительским обществом «Мемориал» и поисковым отрядом Управления Комитета государственной безопасности СССР по Иркутской области производились поиски мест массовых захоронений.

В процессе поиска были получены данные о том, что основным местом массовых захоронений репрессированных является массив леса, расположенный южнее местности Пивовариха Иркутского района и ограниченный:

- с востока: шоссе с. Пивовариха – с. Новая Лисиха;
- с юга: гравийной дорогой – восточная граница аэропорта – шоссе Пивовариха – Новая Лисиха;
- с запада: дорогой, идущей по западной кромке леса;
- с севера: южным углом ограды пионерского лагеря УВД.

Для организации поисков была определена примерная площадь лесного массива в полтора квадратных километра. На основании показаний непосредственных свидетелей и жителей с. Пивовариха и пос. Дзержинск были выделены две зоны предполагаемых поисков.

29 сентября 1989 г. в юго-западной части лесного массива, рядом с гравийной дорогой «аэропорт – шоссе Пивовариха – Новая Лисиха» в результате раскопок специалистами-археологами ИГУ под руководством Е. М. Инешина было обнаружено одно из предполагаемых мест массового захоронения расстрелянных.

После обнаружения места захоронения были проведены проработка исторических документов и предварительная разведка местности методом шурфовки.

При сравнении аэрофотосъемки 1947 и 1956 гг. было установлено, что контур границы леса, а также часть автодорог в районе бывшей спецзоны УНКВД претерпели значительные изменения вследствие строительства аэропорта г. Иркутска. Таким образом, место рвов для захоронения расстрелянных, ранее находившееся в сосновом лесу, оказалось на поляне, примыкавшей к кромке леса бывшей спецзоны.

На момент начала работ в местности Пивовариха были обнаружены три рва неправильной формы, различных размеров. Глубина засыпки рвов достигала от 30 до 70 см.

2 октября 1989 г. прокуратурой Иркутской области было возбуждено уголовное дело по факту обнаружения останков людей. Наибольший по размерам ров № 1 подвергся частичному вскрытию, в результате которого были извлечены останки 305 человек. Здесь же были найдены и личные вещи этих людей. Маркировка некоторых предметов, а также обнаруженные монеты дали возможность подтвердить предположение о времени захоронения – зима 1938–1939 гг., а также то, что оно было одноразовым. Следствием было принято решение о прекращении эксгумации захороненных лиц. Всего же по данным следствия в трех рвах предположительно захоронено около 4,5–5 тыс. человек.

Осенью 1991 г., восточнее рва № 1 и ниже по склону, за заросшей лесной дорогой, был обнаружен ров № 4. Время заполнения рва относится к тому же периоду 1937–1940 гг.

Во всех рвах не обнаружены подзахоронения, они заполнялись одноразово, засыпались трактором. В 1989–1991 гг. была проведена подробная шурфовка территории восточнее, южнее и западнее рвов № 1–4, мест захоронений обнаружено не было. Исходя из этого, были сделаны выводы, что, возможно, жертвы расстрелов 1939–1947 гг. небольшими партиями были захоронены в других рвах, ниже по склону от рвов № 1–4.

Обнаруженные рвы находились в 500 м от местности с названием «Дача Лунного короля». С 1930 гг. здесь располагались дачи и пионерский лагерь работников УНКВД. В 1933 г. на данной территории, использовавшейся под ведомственный совхоз «Совхоз 1-го Мая», а также как место отдыха, была выделена специальная зона (Спецзона ГБ УНКВД).

Первые упоминания в летописях о местности Пивовариха и «Даче Лунного короля» прослеживаются с конца XIX в. Тогда

местность Анкудиновка относилась к Новоямскому селению. В 1876 г. здесь поселяется участник польского восстания 1863–1864 гг. Юзефат Петрович Огрызко. Он был представителем в Петербурге повстанческого польского национального правительства, за что и был арестован, приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторги. Пребывал на каторге в разных северных населенных пунктах России и в 1876 г., взяв в аренду заимку в местности Пивовариха, поселился здесь. Так как Огрызко страдал неизлечимым заболеванием глаз – солнечный свет ему был вреден, поэтому он предпочитал сумерки и лунные ночи. Местные жители прозвали заимку «Дачей Лунного короля».

По сведениям исследователей, на этой территории в 1930-е гг. размещалась конвойная команда, производилось документальное оформление трупов, а также предварительная сортировка и распределение тел расстрелянных. Лесная дорога от тракта Иркутск – Голоустное, далее мимо дачи УНКВД и далее вверх по склону являлась дорогой, по которой тела расстрелянных доставлялись к месту захоронения.

11 ноября 1989 г. было проведено перезахоронение останков 305 человек и торжественно открыты памятные знаки мемориального комплекса (автор проекта В. Г. Смагин).

Центральная часть мемориала представляет собой две наложенные друг на друга гранитные глыбы, символизирующие сломанные судьбы, рядом с которыми установлен трехметровый крест. На глыбах выбита надпись: «Помни Родина нас всех, кто погиб невинно. Будь милосердна и возврати нас из небытия». Глыбы установлены на постамент из шлифованных гранитных плит.

Справа от центрального входа на мемориал установлена гранитная глыба с надписью: «Взываем к памяти Вашей, люди, и к Вашим сердцам взываем. Не допустите, чтобы наша судьба стала и Вашей судьбой».

На территории комплекса обустроены четыре братские могилы, установлены информационные щиты. В 1994 г. на средства спонсоров в глубине поляны установлена так называемая Стена скорби, состоящая из оштукатуренных бетонных плит, на которых размещены фотографии и таблички с именами людей, ставших жертвами сталинских репрессий в Иркутской области (после заполнения Стены скорби таблички стали крепить на деревьях). Стена скорби носит символический, обобщающий характер – это памятник-символ.

В 1996 г. историком А. Н. Гаращенко был составлен научный паспорт на объект, который был утвержден Министерством культуры РСФСР [3].

В 1997 г. Постановлением губернатора Иркутской области Б. А. Говорина от 31 октября 1997 г. № 303-п мемориальный комплекс «Место захоронения жертв массовых политических репрессий 1937–1940 гг.» поставлен на государственную охрану как памятник истории регионального значения [4].

В 2013 г. на территории, прилегающей к мемориальному комплексу, специалистами Иркутского государственного технического университета, были проведены экспериментальные работы по обследованию территории методами геофизических исследований в рамках проекта «Проведение опытно-методических работ и разработка рационального комплекса геофизических исследований при изучении мест захоронений жертв политических репрессий в районе п. Пивовариха». Результативность методов геофизических исследований при изучении мест захоронений была подтверждена [7].

В 2016 г. ЗАО «ВостСибТИСИЗ» проведены инженерно-геофизические исследования на территории 171,8 га. По результатам исследований была определена необходимость продолжения геофизических работ совместно с археологами.

В 2017 г. проведены заверочные мероприятия (шурфовочные работы) по подтверждению или опровержению наличия мест захоронений. Траншейными и шурфовочными выработками были раскрыты рыхлые геологические отложения в центральных точках определенных аномальных зон. Процессы формирования литологических напластований, отраженные в стратиграфических колонках выработок, во всех 35 случаях представляются полностью соответствующими современным представлениям о процессах денудации и аккумуляции рыхлых геологических отложений в изучаемом районе. Наличие 35 мест захоронения в ранее определенных аномальных зонах не подтверждено. Наличие мест захоронений по остальной площади исследуемой территории не исключается.

На основании проведенных исследований и историко-архивных изысканий был разработан проект границ территории объекта культурного наследия [1].

Территория объекта культурного наследия утверждена приказом Службы по охране объектов культурного наследия от 27 июня 2017 г. № 119-спр «Об утверждении границ территории объекта культурного наследия».

Сведения о границах территории объекта культурного наследия внесены в Единый государственный реестр недвижимости 13 августа 2018 г. Реестровый номер записи 38.06.0.4.

Предмет охраны объекта культурного наследия утвержден приказом Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 7 августа 2017 г. № 145-спр «Об утверждении предмета охраны объекта культурного наследия».

В рамках реализации мероприятий, предусмотренных ведомственной целевой программой «Обеспечение сохранности и использования, популяризации объектов культурного наследия, находящихся в собственности Иркутской области, и государственная охрана объектов культурного наследия Иркутской области, расположенных на территории Иркутской области», утвержденной приказом службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 21 ноября 2016 г. № 119-спр, областным государственным автономным учреждением «Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области» (далее – ОГАУ «ЦСН») за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного задания была разработана проектная документация «Приспособление к современным условиям достопримечательного места Иркутской области “Место захоронения жертв массовых политических репрессий 1937–1940 гг.”» [5].

В представленном проектом предложении структуру генплана определяют: основные существующие аллеи и дорожки, насаждения вдоль них, Стена скорби с небольшой площадью перед ней и беседкой. Территория мемориального кладбища разбита на две функциональные зоны: мемориальную зону (зону проведения массовых мероприятий) и непосредственно зону памяти (захоронений). Аллеи в мемориальной зоне устраиваются из плитки, в зоне памяти аллеи – набивные (песчано-гравийные). Перед входом на мемориальное кладбище на данный момент существует асфальтированная площадка, где могут припарковаться машины, автобусы. Проектом предлагается ее расчистить, расширить, заасфальтировать.

Парковочные места для посетителей комплекса, по рекомендации службы аэропорта, запроектированы возле дополнительного въезда. Здесь же, возле служебного въезда, для удобного доступа и содержания, предлагается разместить туалетный павильон для посетителей и мусорные контейнеры.

Функциональное зонирование мемориальной зоны (массовых мероприятий) осуществляется с учетом организации зоны массовых мероприятий и организации зоны стен памяти. От центрального входа идут три аллеи: две существующие – к мемориалу-памятнику и ко рвам-накопителям, и третья – проектируемая – к проектируемым стенам памяти. Для проведения массовых мероприятий перед памятником-мемориалом, который занимает центральное место в мемориальной зоне, предлагается устроить площадь. В лесном массиве между двумя аллеями – проектируемой и существующей – располагаются стены памяти с именами погибших.

В зоне памяти (или зоне захоронений) предусматривается аллея памяти (зона установки памятных знаков от частных лиц), зона установки памятных знаков от общественных и религиозных организаций, зона массового захоронения. В проекте предлагается вдоль существующей аллеи, ведущей к четвертому рву, на газонах между деревьями, располагать памятные знаки от частных лиц, поддержав тем самым памятные знаки, установленные бурятской и еврейской общинами. Стол для поминаний предлагается перенести под навес (беседку). Около рвов-накопителей запроектирована небольшая площадка, фиксирующая угол существующих аллей, на ней на невысоком возвышении устанавливается звонница. Рвы-накопители предлагается выделить гранитным бордюром (камнем), сделав выше (30–50 см от земли). На рвах высадить цветы.

Проектом также предусматриваются лавочки для отдыха, располагаемые на аллеях, дорожках, площадках, урны. Аллеи и дорожки комплекса оборудуются невысокими светильниками (до 50 см в высоту), которые не будут создавать световые помехи взлетно-посадочной территории аэропорта.

В соответствии с требованиями Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» по вопросу осуществления работ, предусмотренных данным проектом, прове-

дены общественные обсуждения и получено положительное заключение экологической экспертизы проектной документации [6].

На основании договора пожертвования денежных средств № 1/2018 от 7 августа 2018 г. на реализацию вышеуказанного проекта выделены денежные средства.

4 сентября 2018 г. ОГАУ «ЦСН» заключен договор генерального подряда на производство работ.

Ежегодно 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, на территории комплекса городская и областная администрации и общественные организации Иркутска проводят траурные поминальные церемонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. : утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

2. Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий : утв. Распоряжением Правительства РФ от 15 авг. 2015 г. № 1561-р // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

3. Научный паспорт на объект «Место захоронения жертв массовых политических репрессий 1937–1940 гг., 1996 г. / историк А. Н. Гаращенко.

4. Постановление Губернатора Иркутской области Б. А. Говорина от 31 октября 1997 г. № 303-п // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

5. Ведомственная целевая программа «Обеспечение сохранности и использования, популяризации объектов культурного наследия, находящихся в собственности Иркутской области, и государственная охрана объектов культурного наследия Иркутской области, расположенных на территории Иркутской области», утвержденной приказом службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 21 нояб. 2016 г. № 119-спр // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

6. Об экологической экспертизе : федер. закон от 23 нояб. 1995 г. № 174-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

7. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

Тамара Александровна Крючкова

Иркутская областная государственная универсальная
научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского
г. Иркутск, Россия

РОДСТВЕННИКИ СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ (ВЕНИАМИНОВА), ПОХОРОНЕННЫЕ В ИРКУТСКЕ

Аннотация. Представлены материалы о ближайших родственниках святителя Иннокентия (матери, жене и детям), жизненные пути которых окончились в г. Иркутске.

Ключевые слова: родословное древо, мать, жена, дети святителя Иннокентия, Иерусалимское кладбище.

Tamara A. Kruchkova

Irkutsk Regional State Universal Scientific Library of I. I. Molchanov-Sibirsky
Irkutsk, Russia

RELATIVES OF ST. INNOCENT (VENIAMINOV), BURIED IN IRKUTSK

Abstract. The article presents materials about the closest relatives of St. innocent (mother, wife and children), whose life paths ended in Irkutsk.

Keywords: family tree, mother, wife, children of Saint innocent, Jerusalem cemetery.

Святитель Иннокентий (Вениаминов) родился в с. Анга Верхоленского уезда Иркутской губернии в семье потомственных священно-церковнослужителей Иркутской епархии, родословное древо которых корнями уходит в XVII в. Известный церковный историк протоиерей Прокопий Громов, ревностный исследователь иркутских архивов, нашел документы, свидетельствующие о том, что ангинские священнослужители Поповы происходят от Иоанна Пантелеймонова – священника, который в 1790 г. был прислан из Тобольска и служил в церкви во имя Спаса Нерукотворного г. Иркутска. Его сын – Иоанн Иоаннович Попов (? – ?) – с 1738 г. исполнял должность священника в Ангинской Ильинской церкви [8, с. 556–557]. В семье его сына – также священника Иоанна Иоанновича Попова (около 1728 – после 1795) – около 1764 г. [4, л. 151] родился Евсей, отец святителя Иннокентия. Евсей Иоаннович в Ангинской церкви исполнял должность псаломщика. Он женился на дочери крестьянина с. Манзурка Верхоленского уезда Иркутской губернии Фекле Савишне Подпругиной (ок. 1764 – ок. 1839). В их семье было восемь детей: Варвара (1783 – ?), Анна (30.02.1784 – ?), Агафья (1787 – ?), Григорий (30.09.1792 – до 1795), Параскева (1794 – ?), Матвей (16.10.1795 – ?), Иоанн (26.08.1797 – 31.03.1879) и Стефан (1806 – ок. 1862) [4,

л. 151; 7, с. 12–13; 13, с. 13]. Следовательно, у Иоанна, который был седьмым ребенком в семье Евсевия и Феклы, было четыре сестры и три брата, хотя некоторые исследователи представили другие сведения. Например, иркутский историк А. К. Нефедьева в своей статье «Ангинские корни святителя Иннокентия Вениаминова» отметила: «Дети Евсевия Ивановича известны. Было их четверо, две дочери и два сына» [13, с. 18].

Когда Ване Попову исполнилось 6 лет, умер его отец Евсей Иоаннович Попов. Брат отца – Дмитрий Иоаннович Попов (в монашестве иеромонах Давид, ? – ок. 1817) – отвез смышленного племянника в Иркутск, где тот прошел полный курс обучения в духовном училище и затем в семинарии. В Иркутске же он начал свою трудовую деятельность, получив должность священника в Иркутской Благовещенской церкви.

Еще будучи студентом Иркутской духовной семинарии, Иван Вениаминов 29 апреля 1817 г. обвенчался в Иркутской Благовещенской церкви с дочерью якутского священника Екатериной Ивановной Шариной [3, л. 3].

В семье Иоанна и Екатерины Вениаминовых было 10 детей, четверо из которых появились на свет в Иркутске. Первенец – дочь **Вениаминова Серафима Ивановна** (19.05.1819, Иркутск – 09.06.1819, Иркутск) [6, с. 14] – умерла, не прожив и два месяца. После Серафимы были рождены еще двое детей, которые также умерли в младенчестве. Даты их рождения и имена пока установить не удалось. Документального подтверждения их захоронения на Иерусалимском кладбище также в нашем распоряжении пока нет. Но известно, что в октябре 1772 г. в Иркутске был издан указ, запрещающий при церквях хоронить мертвые тела, которым «отведено для кладбища место на горе у Крестовоздвиженской церкви» [12, с. 86], впоследствии оно было названо Иерусалимским кладбищем. Правда, известны случаи, что при церквях по особым разрешениям происходили захоронения в XIX и начале XX в. Но Иркутская Благовещенская церковь, где служил Иоанн Вениаминов с 1817 по 1823 г., находилась в центре города на улице Большой (Перспективной) и не располагала территорией, позволяющей разместить церковный погост, поэтому, с большей долей вероятности, умершие младенцы священника Иоанна Вениаминова были похоронены на Иерусалимском кладбище. Четвертым ребенком, родившимся в Иркутске, был сын Иннокентий (ок. 1822, Иркутск– ?).

В мае 1823 г. И. Е. Вениаминов отправился из Иркутска к новому месту службы в Русскую Америку. Вместе с ним поехали его жена Екатерина Ивановна Вениаминова, ее сестра Мария, сын Иннокентий, мать Фекла Савишна Попова, брат Стефан Евсеевич Попов [2, л. 18; 11, с. 107].

20 октября 1823 г. Иоанн Вениаминов с семейством прибыл в порт Новоархангельск на острове Ситка, где провел более восьми месяцев. Здесь родился их пятый ребенок – дочь Екатерина (16.11.1823 – 03.05.1903) [10, с. 84].

На остров Уналашку в Гаванское селение (по-алеутски Иллюлюк) И. Е. Вениаминов прибыл 29 июля 1824 г. Первый год на Уналашке семья Вениаминовых прожила в бараборе – алеутском жилище полуподземного типа. Летом 1825 г. Иоанн и его брат Стефан построили небольшой деревянный дом. Одновременно вместо полуразвалившейся часовни они начали строить церковь и здание для церковно-приходской школы [11, с. 107].

На Уналашке у Вениаминовых родилось еще 5 детей: Гавриил (26.07.1826); Александр (02.04.1827); Ольга (27.06.1829); Прасковья (23.11.1830) и Фекла (26.09.1832) [7, с. 12–13].

Когда старшие сыновья подросли и настала необходимость получить им образование, было решено отправить их в Иркутск. Об этом священник Иоанн Вениаминов сообщил Кириллу Тимофеевичу Хлебникову в письме от 13 августа 1831 г.: «На будущий год по прошению моему позволено мне отправить в Иркутск двух моих старших сыновей, а с ними и брата моего с семейством и моей матерью» [14, с. 45], куда они и уехали в конце 1832 г. [11, с. 113].

В 1834 г. Иоанн Вениаминов был переведен с Уналашки в Новоархангельский порт острова Ситха – главное поселение Русско-Американской компании, и назначен священником соборной церкви в честь Михаила Архангела. В 1838 г. И. Е. Вениаминов был послан в Петербург с заданием Иркутского архиерея Нила (Исаковича) представить в Святейший синод записку о необходимости расширения деятельности Северо-Американской миссии и целесообразности образования отдельной Камчатской епархии. Но у него был и личный интерес в осуществлении этой поездки: Синод не разрешил публикацию его книг на алеутском языке, так как в Санкт-Петербурге никто не мог проверить качество их перевода. Он решил лично исправить эти недоразумения. 8 ноября 1838 г. Иоанн Вениаминов отплыл в качестве судового священ-

ника на военном корабле «Николай» из Новоархангельска. Плавание продолжалось свыше 7 месяцев. Он со своей младшей дочерью Феклой совершил кругосветное плавание с заходом в Форт Росс (Калифорния), Гонолулу (Гавайские о-ва), Рио-де-Жанейро, на Таити и Сандвичевы (Гавайские) острова, обогнул мыс Горн, порт Фальмут (Великобритания) – Копенгаген. В столицу они прибыли 25 июня 1839 г.

Перед отплытием в Петербург И. Вениаминов свою супругу вместе с дочками – Екатериной, Ольгой и Прасковьей – отправил в Охотск и далее по тракту в Иркутск. Их путешествие описала старшая дочь Екатерина Ивановна Вениаминова (в замужестве Петелина) в своих «Записках», которые хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, в фонде архиеп. Леонида (Краснопевкова), в необработанной его части (ОПИ ГИМ. Ф. 194. Св. 1) [10, с. 83–93].

Скорбное известие о том, что в Иркутске скончалась его супруга Екатерина, Иоанн Вениаминов получил в Петербурге в феврале 1840 г. **Вениаминова Екатерина Ивановна** (урожденная Шарина, ? – 24.11.1839, г. Иркутск) родилась в благочестивой семье якутского священнослужителя Иоанна Шарина (? – 25.06.1826, Якутск). Он проявил себя в качестве успешно действовавшего миссионера, будучи в начале 1800-х гг. священником Колымской церкви [5, л. 143 об.]. После смерти жены И. Шарин принял монашеский постриг и стал иноком Якутского Спасского монастыря, где прославился своей святостью. Он умер в 1826 г. и был похоронен на монастырском погосте близ Вознесенской церкви. В 1844 г. было обретено его тело, которое в разрушенном уже гробу оставалось нетленным; совершенно целыми были также облачение, саван и разрешительная молитва. Люди, производившие осмотр тела, ощущали чрезвычайно благовонный запах [17].

Захоронение Е. И. Вениаминовой на Иерусалимском кладбище зафиксировано в Иркутских летописях [14, л. 228]. В 1839 г. также в Иркутске скончались мать свт. Иннокентия [11, с. 107] и его двенадцатилетний сын Александр [11, с. 119].

Попова Фекла Савишна (1764, с. Анга Верхоленского уезда Иркутской губернии – 1839, г. Иркутск), мать свт. Иннокентия, согласно материалам ревизских сказок 1895 г., родилась в семье крестьянина с. Манзурка Верхоленского уезда Иркутской губернии Саввы Подпругина. В 1795 г. ей исполнился 31 год, как и ее

мужу – пономарю Евсевию Иоанновичу Попову. В ревизской сказке записаны их дети, рожденные после ревизии 1782 г.: Варвара 12 лет, Анна 10 лет, Агафья 8 лет и Параскева 1 года [4, л. 151]. Когда Фекла Савишна переехала в Иркутск к сыну Иоанну Вениаминову, пока установить не удалось. Нам лишь известно, что с 1823 по 1832 г. она разделяла все сложности переезда семейства Иоанна Вениаминова на о. Уналашку и проживанию там. В 1832 г. Фекла Савишна вместе со своими внуками, сыновьями Иоанна Вениаминова – Иннокентием, Гавриилом и, возможно, Александром, отправилась в Иркутск в сопровождении своего младшего сына Стефана Евсеевича Вениаминова (ок. 1806 – ок. 1862), его жены Миланьи Григорьевны (урожденной Молчановой, 1811–1834) и их сына Феодосия (11.01.1831 – 18.06.1846).

Сведения о **Вениаминове Александре Ивановиче** (02.04.1827, о. Уналашка – 1839, г. Иркутск) – седьмом ребенке семейства Вениаминовых – в опубликованных источниках и литературе практически отсутствуют. Известно, что он родился на о. Уналашке, затем был привезен в Иркутск, где и умер в возрасте 12 лет.

Обстоятельства, точные даты смерти и места захоронения матери и сына свт. Иннокентия пока не подтверждены документально. Но факт захоронения на Иерусалимском кладбище Екатерины Ивановны Вениаминовой свидетельствует о значительной вероятности захоронения там же ее сына и свекрови.

На фоне этих трагических событий в семействе Вениаминовых происходит необычайно резкое возвышение духовного статуса Иоанна Вениаминова. После долгих сомнений и размышлений он принял предложение митрополита Филарета (Дроздова, 1783–1867) о монашеском постриге. 29 ноября 1840 г. протоиерей Иоанн Вениаминов был пострижен в монашество с именем Иннокентия, в честь свт. Иннокентия (Кульчицкого), первого епископа Иркутского. На следующий день он был возведен в сан архимандрита. 1 декабря 1840 г. состоялась его аудиенция у императора Николая I, который повелел образовать новую епархию на Камчатке и в Русской Америке. Хиротония Иннокентия (Вениаминова) в сан епископа Камчатской, Курильской и Алеутской епархии состоялась 15 декабря 1840 г.

Епископ Иннокентий сумел решить проблемы с детьми. Его сыновья Иннокентий и Гавриил были приняты в Санкт-Петербургскую духовную семинарию, а дочери Фекла, Прасковья

и Ольга определены в «Дом трудолюбия» в Санкт-Петербурге – пансионат для бедных девиц дворянского происхождения [15, с. 70]. Старшая дочь Екатерина в 1840 г. вышла замуж за дьякона Илью Ивановича Петелина (1815–?), выпускника Иркутской духовной семинарии. Уезжая руководить вновь организованной епархией, св. Иннокентий взял их с собой, и священник И. И. Петелин стал хорошим помощником святителя на миссионерском служении [1, с. 133–134].

Через 26 лет после погребения умерших в 1839 г. в Иркутске трех членов семьи свт. Иннокентия Вениаминова на Иерусалимском кладбище была похоронена его любимая младшая дочь – **Молчанова (урожденная Вениаминова) Фекла Ивановна** (26.09.1832, о. Уналашка – 4.05.1865, Иркутск). Об этом написал в своем сочинении иркутский протоиерей П. В. Громов: «В 1865 году прибыла из Петербурга в Иркутск та дочь преосвященного Фекла, с которою одною, тогда малолетнею, совершал он в сане священника кругосветное плавание из Америки в Петербург. Здесь она была в замужестве за священником Константином Молчановым, и, овдовев, в 1865 году простиралась на Амур с двумя малолетними дочерьми* (*Одна из них, Анна Константиновна, по окончании курса учения в Иркутском училище девиц духовного звания, находится в супружестве с помощником смотрителя иркутского мужского духовного училища Алексеем Алексеевичем Орловым). Надобно же было случиться, что родившуюся в Америке, обосновавшую семейный быт в Петербурге, похоронить довелось в Иркутске 7 мая 1865 г. (сконч. 4 мая) и никому другому, как мне, и быть при печальном обряде как бы представителем ее родителя» [9, с. 101–102].

В опубликованных письмах свт. Иннокентия (Вениаминова) есть интересные сведения о дочери Фекле, которую он ласково называл Кушей. Будучи в Петербурге, в июле 1939 г. он написал письмо императору Николаю I:

«Всеавгустейший монарх, всемилостивейший государь!

В 1823 г. отправился я из Иркутска по собственному желанию с разрешения епархиального начальства в Российско-американские колонии и исполнял там возложенную на меня обязанность 15 лет, в продолжение коих я имел счастье получить монаршие вашего императорского величества знаки отличия: орден святой Анны III степени и наперсный золотой крест.

Побуждаясь семейными обстоятельствами, я с разрешения того же начальства оставил службу в колониях, и, отправя семейство мое чрез Охотск в Иркутск, сам с одною из семерых детей моих, дочерью Феклою семи лет, прибыл сюда вокруг света на принадлежащем Российско-Американском корабле “Николай”, имея две цели: первую, испросив позволения духовного начальства в Санкт-Петербурге, напечатать под своим надзором несколько книг Священного Писания для алеут, составленных мною на природном их языке; а вторую – пасть к священным стопам вашего императорского величества со всеподданнейшею просьбою о помещении той дочери моей в казенное заведение для воспитания, да по благодати вашей, всемилостивейший государь, получит она образование здесь и тем будет полезна и себе, и в отдаленном нашем крае Иркутска касательно образования детей.

Одушевляясь сею надеждою, я приемлю смелость умолять вас, великий государь, как чадолюбивого отца, оказать мне монаршую вашего императорского величества милость – высочайше повелеть означенную дочь мою принять для воспитания в казенное заведение на казенном содержании. ...Священник Иоанн Вениаминов. Санкт-Петербург, июля 1839 г.» [15, с. 67–68].

На это письмо последовало отцу Иоанну следующее извещение чрез статс-секретаря Н. Лонгинова от 4 августа 1839 г.: «Священнику Иоанну Вениаминову, приносившему государю императору всеподданнейшее прошение о помещении семилетней дочери его Феклы для воспитания в одно из учебных заведений на казенном содержании, сим объявляется, что его императорское величество высочайше повелеть изволил упомянутую дочь его принять в здешний Дом трудолюбия на иждивение Государственного Казначейства до поступления ее на имеющую открыться в числе пансионеров его величества вакансию при выпуске в 1840 году из одного заведения девиц. Вследствие чего и благоволит он представить ее в означенный Дом, находящийся на Васильевском острове в 13-й линии, отнесясь, за отсутствием начальницы онаго, к исправляющей должность ее, классной даме госпоже Вильде, которой дано уже надлежащее предписание касательно принятия дочери его, как скоро представлена будет в заведение» [15, с. 68]. Впоследствии в этот же Дом трудолюбия были определены его дочери Прасковья и Ольга.

В письме от 11 января 1855 г., отправленном из Якутска своему сыну Гавриилу и его жене Екатерине, свт. Иннокентий сообщил: «... а новость вот какая: Татьяна Борисовна [Потемкина] от 6 ноября [1854] пишет мне, что будущею средою у ней будет обручение – Куши с каким-то Константином Молчановым, назначенным во диаконы в Царской Славянке; прибавляет к тому, что у жениха в Петербурге родство – самое почтенное духовенство. Слава Богу и дай Господи, чтобы совершился этот брак, – тогда я буду совершенно спокоен насчет ее...» [16, с. 81]. Свадьба Феклы Ивановны Вениаминовой и Константина Григорьевича Молчанова состоялась в 1855 г.

О К. Г. Молчанове известно следующее: 21 ноября 1854 г. он был рукоположен во диакона к церкви св. великомученицы Екатерины в слободе Царская Славянка Царскосельского уезда Санкт-Петербургской епархии, где служил до 7 ноября 1856 г. Затем был переведен в Коломенскую церковь в Санкт-Петербурге. В письме к сыну Гавриилу от 20 сентября 1858 г. свт. Иннокентий сообщает, что К. Молчанов служит священником в Петергофском соборе [16, с. 340]. Он умер довольно рано. Уход из жизни мужа, видимо, очень болезненно подействовал на Феклу Ивановну: в письме к епископу Ревельскому Герасиму (Добросердову) от 23 октября 1864 г. свт. Иннокентий (Вениаминов) называет ее несчастной [16, с. 278–279]. После похорон мужа Фекла с двумя дочерьми поехала на Амур, где жила ее старшая сестра Екатерина, но, остановившись в Иркутске, умерла в возрасте 32 лет.

На сегодняшний день установлено, что в Иркутске закончили свой жизненный путь мать свт. Иннокентия – Фекла Савишна Попова (в 1839 г.), его жена – Екатерина Ивановна Вениаминова (24 ноября 1839 г.) и пятеро детей: дочь Серафима (9 июня 1819 г.); младенец (имя не установлено, между 1820 – 1823 гг.); младенец (имя не установлено, между 1821–1823 гг.); сын Александр (в 1839 г.) и дочь Фекла (4 мая 1865 г.). Точно известно, что Екатерина Ивановна похоронена на Иерусалимском кладбище, о местах захоронений остальных родственников свт. Иннокентия (Вениаминова) документальных подтверждений пока нет, но есть основание полагать, что их могилы также располагаются на этом кладбище. Исследования по этому вопросу продолжаются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин (Никитин), архимандрит. Деятельность русской православной церкви в Северной Америке // История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату 1825–1867. М., 1999. С. 118–153.
2. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 341. Оп. 888. Д. 305. Список выехавших на Аляску вместе с о. Иоанном Вениаминовым на шлюпе «Константин».
3. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 50. Оп. 1. Д. 2027. Рапорт протоиерея Никифора Парнякова Иркутскому епископу Михаилу (Бурдукову) от 1 мая 1817 г.
4. ГАИО Ф. 50. Оп. ОЦ. 556. Ревизские сказки Иркутской духовной консистории, церквей, монастырей. 1795 г.
5. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Ф. Коллекция рукописей. Ед. хр. 181 (187). Рапорт из Якутского духовного правления архиепископу Нилу от 19 июля 1851 г. о миссионерской деятельности в Якутии.
6. Генеалогическое древо рода Поповых – Вениаминовых. XVII–XIX вв. Составлено О. В. Бычковым и А. К. Нефедьевой по архивным документам и библиографическим источникам // Тальцы. 1999. № 1 (5). С. 14.
7. Генеалогическое древо свт. Иннокентия (Вениаминова-Попова). Из книги каталога: A good and faithful servant: The year of Saint Innokent: an exhibit commemorating the bicentennial of the birth of Ioann Veniaminov 1797–1997. (ed. by L. Black, ass. by K. L. Arndt). University of Alaska, Fairbanks, 1997. P. 70–71 // Тальцы. 1999. № 1 (5). С. 12–13.
8. Громов П., протоиерей. Обзор управления епископа Иннокентия Неруновича Иркутскою епархией // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1870. № 46. С. 547–557.
9. Громов П. В., протоиерей. Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском. Мемуары сибирского православного духовенства XIX в. Вып. 2. Иркутск. 2014. 260 с.
10. Записки о своей жизни Екатерины Ивановны Петелиной (публикация А. А. Петрова) // Святитель Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский, Апостол Америки и Сибири и его наследие : материалы науч. конф. / Гос. публ. ист. б-ка России. М. 2000. С. 83–93.
11. Корсун С. А. Американистика в Кунсткамере (1714–2014). Петербург, 2015. 504 с.
12. Кротов В. А. Летопись г. Иркутска. 1652–1856 гг. Иркутск, 2013. 448 с.
13. Нефедьева А. К. Англинские корни свт. Иннокентия Вениаминова // Тальцы. 1999. № 1 (5). С. 15–21.
14. Романов Н. С. Иркутская летопись (1857–1880 г). Иркутск, 1914. 427 с.
15. Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири : собр. соч. и писем. В 7 т. Т. 3: Жребий апостольский. М., 2012. 630 с.
16. Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири : собр. соч. и писем. В 7 т. Т. 4: Апостол Дальнего Востока и Севера (1852–1860). М., 2013. 653 с.
17. Якутский Спасский мужской монастырь [Электронный ресурс]. URL: http://eparhia.ya1.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1930:2012-08-18-17.

ЧЛЕНЫ ВСОРГО – ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ

Аннотация. Рассмотрены результаты реализации проекта Иркутского областного отделения Русского географического общества по увековечению памяти его выдающихся умерших и погибших членов. Впервые произведен анализ доли пострадавших членов организации в годы сталинских репрессий. Доказано, что эта доля значительно выше, нежели среди других социальных групп. Выдвигается тезис, что, оценивая последствия этих репрессий, необходимо подходить к этому процессу и его результатам с точки зрения социальной ценности личности, не уравнивая, а персонифицируя жертвы, на предмет социально-культурной невосполнимости и даже незаменяемости уничтоженных людей.

Ключевые слова: члены ВСОРГО, жертвы сталинского террора, Иркутск, деятели науки, культуры и искусства, Иркутский государственный университет.

Yuriy A. Zulyap
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

MEMBERS OF THE VSORGO – VICTIMS OF REPRESSIONS

Abstract. The results of the project of the Irkutsk regional branch of the Russian geographical society to perpetuate the memory of its outstanding deceased and deceased members are considered. For the first time the analysis of the share of affected members of the organization in the years of Stalin's repressions was made. It is proved that this share is much higher than among other social groups. The thesis is put forward that assessing the consequences of these repressions, it is necessary to approach this process and its results from the point of view of the social value of the individual, not equalizing them, but personifying the victims, for the socio-cultural irreplaceability and even irreplaceability of the destroyed people.

Keywords: the members of the VSORGO, the victims of the Stalinist terror, Irkutsk, figures of science, culture and art, Irkutsk state University.

Законы природы и общества неумолимы, и на смену одним именам приходят другие, одни организации исчезают и вместо них создаются другие, одни события закрывают собой предшествовавшие. Но есть имена и структуры, по отношению к которым эти законы не спешат реализовываться. В рамках нашей страны – это Русское географическое общество, в границах Сибири – это Сибирский отдел РГО и его последующие отделы и отделения, касательно нашего региона – это Иркутское областное отделение РГО (ВСОРГО), откуда в Сибири эта организация и началась.

В ходе подготовки к 160-летию юбилею Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в 2011 г. ученым советом Иркутского областного отделения РГО принято решение о

выпуске биобиблиографического словаря «ВСОРГО в лицах». Было определено, что публикуются персоналии только умерших членов ВСОРГО. После публикации данного издания стало ясно, что произведенная работа может быть определена лишь как начало большой и многолетней деятельности по увековечиванию памяти членов первой в Сибири общественной научной организации.

С тех пор нами в совокупности издано шесть выпусков, и в настоящее время находится в печати седьмой. В данной деятельности приняли участие десятки исследователей из Иркутска, Улан-Удэ и Москвы. Наиболее активно в рамках проекта работают преподаватели исторического факультета ИГУ, Института географии СО РАН, Научной библиотеки ИГУ, Иркутского областного краеведческого музея, откликнулись на наше предложение сотрудники Научной библиотеки Бурятского государственного университета и ряд авторов из других учреждений и структур. В совокупности, если считать персоналии 7-го готового к печати выпуска, авторами подготовлены материалы по более чем 210 членам ВСОРГО.

Этими биографиями представлены разные периоды истории отдела/отделения – от самого первого до современного. Из этого числа персоналий, охватывающих более чем 165-летнюю историю ВСОРГО, определенное количество составляют биографии людей, репрессированных в годы правления И. В. Сталина. По моим подсчетам, их 21, т. е. каждый 10-й. При этом стоит учитывать, что половина людей, чьи биографии описаны в выпусках словаря, жила в дореволюционный период, а часть бежала от красных за границу. Таким образом, во время его правления, по самым скромным подсчетам, каждый пятый член ВСОРГО прошел через сталинские репрессии. Нескольким из них посчастливилось вернуться, пожить и умереть своей смертью. Некоторые совершенно неожиданно умерли в период репрессий сами и в подсчеты не вошли.

Далее целесообразно вспомнить хотя бы некоторых из них.

Дорогостайский Виталий Чеславович (1879–1938) – д-р биол. наук, проф., выдающийся российский исследователь Центральной Азии. Виталий Чеславович организовал или участвовал в работе более 15 экспедиций и поездок в Монголию, Африку, Финляндию, Германию, на Северный Кавказ, в Тыву, Казахстан, Забайкалье, Прибайкалье, на Дальний Восток. На судоверфи в с.

Лиственничное по его чертежам и при его непосредственном участии в 1916 г. построено первое моторное научное судно АН на Байкале – «Чайка». В 1919–1925 гг. организовал и возглавил постоянную Биологическую станцию АН на Байкале. В 1919–1927 гг. организовал и руководил Первым государственным питомником пушных зверей на Байкале. Профессор Иркутского государственного университета (ИГУ) с 1919 г. Организатор в 1923 г. Биолого-географического научно-исследовательского института (БГ НИИ) при ИГУ. Арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г. [9, с. 25–28].

Зонненбург Роберт Юльевич (1861–1931) – инженер, выдающийся фотограф и исследователь Сибири. Инициатор организации автомобильного и почтово-пассажирского движения между Иркутском и Жигалово. По его инициативе в 1911 г. открыто почтовое отделение в Усть-Баргузине. Курировал почтово-пассажирское пароходство на р. Лене. Как начальник Иркутского почтово-телеграфного округа инспектировал постройку телеграфа в Нижнеилимске, строительство телеграфной линии вдоль тракта Усть-Кут – Илимск – Нижнеилимск. Инспектировал работы по постройке телеграфной линии Мензинское – Троицкосавск. В 1913 г. председатель ВСОИРГО. Руководил постройкой в 1909–1910 гг. телеграфной линии Якутск – Охотск. С 1920 г. он работал на Московском почтамте, потом в Наркомате по делам почт и телеграфа на должности начальника отдела развития и усовершенствования связи и других должностях. 1930 г. в Москве 69-летний Р. Ю. Зонненбург был арестован и не вернулся [15, с. 30–35].

Казаринов Пантелеймон Константинович (1885–1937) – известный организатор сибирского краеведения, историк, этнограф и библиограф. Возглавлял ВСОРГО в 1922–1927 гг. В 1927 г. утвержден в составе главной редакции Советской сибирской энциклопедии, затем – член редколлегии и секретарь редакции. В 1929 г. Сибкрайоно назначило его директором формирующейся краевой научной библиотеки, в качестве которого он проработал до января 1933 г., затем арест и в конечном счете расстрел [10, с. 30–36].

Козьмин Николай Николаевич (1872–1938) – крупный сибирский историк, этнограф, журналист конца XIX – первой трети XX в. Вошел в состав Сибирского правительства в 1918–1919 гг. в качестве министра земледелия. 1922 г. Козьмина пригласило правительство Бурятии, он был назначен заместителем председателя Госплана и помощником председателя Совета народных ко-

миссаров Бурят-Монгольской АССР. Н. М. Ербанова. С 1925 г. Козьмин – профессор ИГУ по кафедре истории России. Председатель ВСОРГО. Директор Иркутского краеведческого музея. Арестован в 1937 г., умер в тюрьме в 1938 г. [5, с. 39–42].

Ксенофонтов Гавриил Васильевич (1888–1938) – первый якутский ученый историк, этнограф, краевед. Был широко известен в академических институтах Москвы и Ленинграда. В апреле 1939 г. арестован, в августе – расстрелян [11, с. 46–52].

Лебединский Борис Иванович (1891–1972) – график, живописец, представитель сибирского эстампа, поборник реалистичной школы, мастер живописного пейзажа, путешественник, исследователь истории края, защитник старины и природы, экспериментатор в технике офорта, общественный деятель, заслуженный деятель искусств РСФСР. В 1917 г. приехал в Иркутск, с 1918 г. он – член Иркутского общества художников, а с 1920 г. – его председатель. Весной 1932 г. по приглашению ученого-путешественника Семенова-Тянь-Шанского Б. И. переехал в Ленинград и стал научным сотрудником Государственного центрального географического музея, для которого создал большие полотна. Но вскоре его по доносу осудили на пять лет и отправили в Соловецкий лагерь, а семью выселили из квартиры. И только ходатайства и хлопоты родных, обращение к Е. П. Пешковой помогли освобождению после года заключения, которого хватило, чтобы переболеть цингой, оглохнуть на одно ухо, остаться без зубов, с больными легкими, и язвой желудка. Он был освобожден условно-досрочно, т. е. не реабилитирован, остался виновным. Это клеймо, снятое только после кончины, мучило художника до конца жизни, поэтому его выселили из Ленинграда. В 1944 г. Б. И. по приглашению Иркутского изопедтехникума вернулся в Иркутск. Лебединский трижды избирался депутатом Иркутского городского совета, был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Его считают родоначальником школы иркутской графики, им создано более тысячи работ. Его произведения находятся в центральных музеях страны, в коллекциях сибирских городов [12, с. 54–59].

Манасеин Владимир Сергеевич (1878–1938) – историк, краевед, библиограф. С 1925 г. начал историко-краеведческую деятельность в ВСОРГО, совмещая ее с книговедческой и библиотечно-библиографической, став директором Научной библиотеки ИГУ, которую возглавлял до 1930 г. Из-за приостановки ра-

боты ИГУ, с 1930 по 1937 г. занимал должность директора технической библиотеки вновь созданного Восточно-Сибирского горнометаллургического института. В 1937 г. арестован, в 1938 г. умер в тюрьме [4, с. 75–77].

Маннс Герберт Юлианович (1884–1938) – юрист, правовед. В 1918 г. в октябре был утвержден в должности экстраординарного профессора ИГУ. В 1921 г. – председатель правового отделения факультета общественных наук (ФОНа), помощник ректора университета. С 1922 г. – декан факультета права и местного хозяйства. В 1927 г. уехал в Саратов, где работал на кафедре уголовного права Саратовского университета, затем директором Фундаментальной библиотеки. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян [1, с. 57–59].

Миталь Казимир Войцехович (13.02.1877–09.12.1938) – известный архитектор, гласный Иркутской гордумы, депутат Иркутского городского совета, главный архитектор г. Иркутска в 1930–1938 гг. Его проектные каменные здания: городского начального училища им. Н. В. Гоголя (ул. Богданова, 6, постройка 1915–1916 гг.), Иннокентьевского городского начального училища на ул. Красных Мадьяр, 102 (1914–1916 гг.), городского училища им. М. В. Ломоносова в Глазковском предместье (1915 г.); Троицкого отделения училища А. М. Кладищевой по ул. Чкалова, 7 (1915–1916), комплекс зданий Иаково-Александринской общины Российского общества Красного Креста на бул. Гагарина (1914–1916 гг.), а также учебные здания в рамках проекта школьной сети для установления общедоступности всеобщего обучения 1930-е гг., кроме того, являлся проектировщиком первой в городе благоустроенной гостиницы «Центральная» (позднее – «Сибирь») и др. В 1935 г. – один из организаторов Восточно-Сибирского отдела Союза советских архитекторов. В 1938 г. арестован, в 1938 г. умер в тюрьме [17, с. 33–38].

Молодых Иван Федорович (1898–1939) – гидролог, географ. С 1923 г. работал в ИГУ научным сотрудником БГНИИ. В 1937 г. утвержден в должности профессора университета. Участник ряда экспедиций по изучению полярных рек Якутской АССР. В 1925 г. – начальник гидрологического отряда Якутской экспедиции АН СССР. В 1926 г. им проведены изыскания р. Вилюя, в 1926–1927 гг. – р. Май. В 1928–1929 и 1931 гг. руководил гидрологическими экспедициями на р. Колыме, в 1933 г. – участник

Индибирской экспедиции. В 1937 г. арестован, в 1939 г. умер в тюрьме [2, с. 67–69].

Огородников Владимир Иванович (1886–1938) – профессор истории, первый декан историко-филологического факультета ИГУ, первый руководитель государственной архивной службы Иркутской губернии. В октябре 1918 г. избран деканом историко-филологического факультета, одновременно занял кафедру русской истории. В мае–июне 1920 г. исполнял обязанности декана гуманитарного факультета. 7 марта 1920 г. назначен «ученым руководителем по архивной секции», а позже стал управляющим губернским архивом. 15 марта 1920 г. был образован архив, названный Огородниковым Центральным архивом Восточной Сибири (ЦАВС). Внес значительный вклад в изучение истории Сибири. В 1920 г. опубликован его труд «Очерк истории Сибири до конца XIX столетия». Эта работа в тот период являлась одной из немногих комплексных и цельных работ по истории Сибири. 11 июня 1921 г. как зав. губархивом откомандирован в Читу для организации Государственного института народного образования, а уже в сентябре 1921 г. он избран его ректором. С переводом института во Владивосток, Огородников в начале 1923 г., по распоряжению Дальревкома, назначен ректором Дальневосточного государственного университета, который возглавлял до 1928 г. Затем перебрался в Петропавловск-Камчатский, где в 1930 г. попытался организовать Институт исследований Охотско-Камчатского края. Он был назначен заместителем директора Камчатского отделения Арктического института. В 1933 г. в Петропавловске-Камчатском был арестован, в 1938 г. умер в тюрьме [6, с. 55–59].

Одинцов Михаил Васильевич (1879–1969) (1965) – кандидат богословия, профессор, декан педагогического факультета ИГУ, заведующий кафедрой педагогики Иркутского госуниверситета. С 1918 г. работал в ИГУ на должности профессора кафедры логики и психологии, читал курс «Философия религий». Осенью 1920 г. Одинцов избран председателем философско-филологической коллегии. Осенью 1921 г. в первый раз возглавил педфак, в 1926–1929 гг. он так же был деканом педагогического факультета ИГУ. После выделения педфака из состава ИГУ, Одинцов с 1931 г. работал профессором Иркутского пединститута, в 1932 г. утвержден заведующим кафедрой педагогики ИГПИ. Студенты с восхищением вспоминали его лекции. 13 сентября

1938 г. проф. ИГПИ Одинцов был арестован во время лекции органами НКВД, а 19 ноября 1940 г. осужден Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58-7, 58-9 УК РСФСР на пять лет ссылки в г. Чкалов (Оренбург) Чкаловской области, где работал научным сотрудником по педагогике кабинета средней школы института усовершенствования учителей, затем в сельской школе с. Илек. Одинцов, освободившись в 1943 г., вернулся с женой в Иркутск, где был приглашен на работу в ИГУ на должность профессора кафедры логики и психологии историко-филологического факультета, на которой проработал до 1956 г. [7, с. 33–36].

Петри Бенгард Эдуардович (1884–1937) – этнограф, антрополог, член-корреспондент Английского антропологического общества и Государственной академии истории материальной культуры СССР. Ректор ИГУ М. М. Рубинштейн пригласил его возглавить кафедру истории первобытной культуры на историко-филологическом факультете в должности приват-доцента. Затем был назначен в качестве профессора. В 1921 г. продолжил комплексные работы по археологии, антропологии, этнографии, став руководителем вновь созданной этнологической секции, которая в 1924 г. была преобразована в палеоэтнологическую. В апреле 1925 г. председатель организованного при губисполкоме Комитета Севера. Директор Иркутского областного краеведческого музея. В 1937 г. арестован, в 1937 г. расстрелян [3, с. 72–74].

Полтораднев Павел Григорьевич (1892–1938) – этнолог, музеевед. После окончания ИГУ работал в БГНИИ при ИГУ. С 1926 г. – хранитель археологического, бурят-монгольского, а также антропологического отделов Иркутского краеведческого музея. Ученый секретарь (с 1930), завотделом национальной политики (с 1932), зам. директора по науке (с 1934), зав. этнографическим отделом (с 1935), зав. историческим отделом Иркутского научного музея (с 1936). Арестован 1937 г., расстрелян в 1938 г. [18, с. 47–48].

Попов Аркадий Михайлович (1883–1838) – известный сибирский исследователь, врач, педагог, доктор медицинских наук, профессор. В 1913 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины. Начальником Военно-санитарного контроля 5-й Армии в 1920 г. прибыл в Иркутск. Возглавил в 1922 г. кафедру педиатрии на базе городской детской больницы. В том же году избран профессором клиники, заведующим кафедрой детских бо-

лезней и по совместительству директором Иркутской городской детской больницы (с 1922 по 1929 г.). С апреля 1921 г. становится преподавателем кафедры детских болезней медицинского факультета ИГУ, продолжая при этом исполнять обязанности начальника врачебно-санитарного отдела и врача санитарного отдела 5-й армии РККА. В 1929 г. избран деканом медицинского факультета ИГУ, а затем лечебного факультета ВСГМИ. 29 февраля 1936 г. присвоена ученая степень доктора медицинских наук без защиты диссертации. Основоположник научной педиатрической школы в Восточной Сибири. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян [13, с. 48–51].

Родионов Сергей Николаевич (1865–1937) – член ВСОРГО с 1891 г., гласный Иркутской городской думы в 1894–1917 гг. Родионов продолжил дело отца по развитию образования и его доступности. В 1907 г. в его доме на ул. Котельниковской было открыто 2-е коммерческое училище, в 1916 г. вошел в комиссию по вопросу строительства Иркутского университета, а на его открытие пожертвовал 50 тыс. руб. В 1920 г. орган Чекафин реквизирует энтомологический музей и занял его помещение. На основе его коллекции был создан областной музей, а сам Родионов был назначен его хранителем. Позднее работал старшим научным сотрудником Восточно-Сибирского филиала института защиты растений. В 1937 г. в возрасте 72 лет был арестован, умер в иркутской тюрьме [16, с. 52–53].

Скородумов Алексей Михайлович (1888–1939) – эпидемиолог-микробиолог, профессор, доктор медицинских наук. В 1923 г. Скородумов направлен в ИГУ для укрепления его медицинского факультета. 13 мая был избран профессором по кафедре заразных болезней медфака ИГУ, которую возглавлял до 2 августа 1937 г. В том же году приказом наркома здравоохранения в составе Иркутского химико-бактериологического института была организована противочумная лаборатория, под его руководством. В августе 1925 г. Скородумов назначен консультантом Сибирского военного округа по вопросам борьбы с чумой. В период вспышки чумы в Маньчжурии (1926–1927 гг.) сформированный им противочумный эпидемиологический отряд оказывал помощь в организации противоэпидемических мероприятий в очагах этой болезни, в том числе в проведении обследовательских работ. В 1929 г. на проф. Скородумова было возложено общее руковод-

ство работой по предупреждению и борьбе с чумой на территориях Восточной Сибири и Бурят-Монгольской АССР, а на базе Иркутской противочумной лаборатории организовывался единый противочумный центр. В 1930–1933 гг. по его инициативе и при его участии начала создаваться система противочумных учреждений Сибири и Дальнего Востока. Совет труда и обороны в сентябре 1934 г. преобразовал лабораторию в первый в Советском Союзе противочумный институт, под руководством Скородумова. Большой вклад Скородумов внес в проблему изучения холерной инфекции. В 1937 г. арестован, этапирован в Москву, расстрелян в 1939 г. [14, с. 53–57].

Титов Елпидифор Иннокентьевич (1896–1938) – этнограф, лингвист, археолог, писатель, поэт, журналист. Окончил историко-филологическое отделение педагогического факультета ИГУ (1923), первый председатель кружка «Народоведение». Член этнологической секции ВСОРГО (1922). Неоднократно выезжал в этнографические экспедиции к верхнеленским и северобайкальским эвенкам, собирал этнографические коллекции (1918, 1919, 1920, 1921, 1925). Член Союза писателей СССР, заведующий отделом газеты «Тихоокеанская звезда» и ответственный секретарь журнала «На рубеже» («Дальний Восток»). Арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г. [19, с. 77–80].

Ходукин Яков Николаевич (1877–1937) – сибирский общественный и государственный деятель, музейный работник, историк, археолог, этнограф. В январе 1918 г. избран председателем Нижнеудинской уездной земской управы, а в августе в статусе депутата участвовал в работе Сибирской областной думы в г. Томске. 8 июня 1919 г. избран председателем губернского земского собрания. 13 января 1920 г. избран председателем Совета народного правления Сибири. После победы красных принят на службу в Иркутский губотдел народного образования (губоно). В марте 1920 г. в губоно был организован подотдел по охране культурных ценностей. Основная деятельность подотдела была направлена на спасение культурных ценностей: предметов искусства и старины, архивов и коллекций, на создание системы научного учета и хранения обнаруженных предметов, подготовку первых экспозиций музея. В 1923 г. окончил историческое отделение педагогического факультета. Директор иркутского краеведческого музея в 1924–1927 гг. В конце 1928 г. уволен и пере-

шел на кафедру этнологии ИГУ на должность ассистента. В 1930 г. ИГУ был расформирован, и Ходукин работал учителем русского языка и литературы в Иркутском доме Красной Армии. В 1937 г. арестован, в 1937 г. расстрелян [8, с. 90–95].

В ходе публичных дискуссий по поводу тех утрат, которые понесла отечественная наука и культура в результате сталинских репрессий, зачастую говорится или пишется, что в процентном отношении они не превышали показатели других социальных групп. Возможно, хотя я это не считал и исследований на эту тему не видел. Дело в другом – в различии этих потерь с социальной точки зрения. Конечно, с точки зрения идеалов гуманизма смерть всех людей равноценна, и с точки зрения родных и близких – боль утраты не зависит от его общественных и профессиональных заслуг. Это не подлежит обсуждению, но с точки зрения социальной, научной или культурной ценности людей неравноценна. Есть люди, чей уход невосполним, ибо из-за него не созданы шедевры, гораздо позже открыты законы природы, совершено больше преступлений, умерли от болезней тысячи людей, не состоялись социально значимые проекты и т. д.

Поэтому уничтожение деятелей науки, искусства, литературы, педагогики, инженерии и т. д., которые входили в состав ВСОРГО, оказало значительно больший ущерб стране и региону, чем тот, который определяется простым подсчетом процентов. Среди этих людей, безусловно, небезупречных с морально-этической точки зрения (как и все смертные), были и состоявшиеся и потенциальные основатели школ и научных направлений; и исследователи, чье своевременное вмешательство могло бы спасти памятники истории и природы; и представители культурной, социальной и научной части населения Иркутска, которая в нашем городе всегда была не очень значительной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоус И. П., Банеева З. Г. Маннс Герберт Юлианович // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 57–59
2. Белоус И. П., Банеева З. Г. Молодых Иван Федорович // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 67–69.
3. Белоус И. П., Дончева С. Ю. Петри Бенгард Эдуардович // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 72–74.

4. Белоус И. П., Пешкова В. К., Банеева З. Г. Манассеин Владимир Сергеевич // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2011. Вып. 1. С. 75–77.
5. Дулов А. В. Козьмин Николай Николаевич // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2013. Вып. 3. С. 39–42.
6. Зуляр Ю. А. Огородников Владимир Иванович // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Вып. 5. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2016. С. 55–59.
7. Зуляр Ю. А., Зуляр Р. Ю. Одинцов Михаил Васильевич // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2019. Вып. 7. С. 33–36.
8. Зуляр Ю. А., Зуляр Р. Ю. Ходукин Яков Николаевич // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2014. Вып. 4. С. 90–95.
9. Зуляр Ю. А., Снытко В. А. Дорогостайский Виталий Чеславович // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2011. Вып. 1. С. 25–28.
10. Зуляр Ю. А., Снытко В. А. Казаринов Пантелеймон Константинович // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 30–36.
11. Зуляр Ю. А., Снытко В. А. Ксенофонт Гавриил Васильевич // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 45–52.
12. Зуляр Ю. А., Снытко В. А. Лебединский Борис Иванович // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2017. Вып. 6. С. 54–59.
13. Зуляр Ю. А., Шпикельман Р. Ю. Попов Аркадий Михайлович // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2014. Вып. 4. С. 48–51.
14. Зуляр Ю. А., Шпикельман Р. Ю. Скородумов Алексей Михайлович // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2019. Вып. 7. С. 53–57.
15. Медведев С. И. Зонненбург Роберт Юльевич // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2013. Вып. 3. С. 30–35.
16. Петров А. В. Родионов Сергей Николаевич // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2019. Вып. 7. С. 52–53.
17. Петров А. В. Миталь Казимир Войцехович // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2014. Вып. 4. С. 33–38.
18. Сирина А. А. Полторацков Павел Григорьевич // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2014. Вып. 4. С. 47–48.
19. Сирина А. А. Титов Елпидифор Иннокентьевич // ВСОРГО в лицах : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2014. Вып. 4. С. 77–80.

КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СВЯТОГО ГЕОРГИЯ, ГЕОРГИЕВСКОГО ОРУЖИЯ И ЗНАКА ОТЛИЧИЯ ВОЕННОГО ОРДЕНА, ЗАХОРОНЕННЫЕ НА ИЕРУСАЛИМСКОМ КЛАДБИЩЕ

Аннотация. Представлены портреты воинов российской армии – кавалеров ордена Святого Георгия, Георгиевского оружия и Знака отличия Военного ордена, захороненных на Иерусалимском кладбище г. Иркутска. Мы рассматриваем этих людей как ярчайших представителей отечественного воинства. В научный оборот вводятся биографические сведения, собранные по разным источникам: материалам Российского государственного исторического архива, Государственного архива Иркутской области, справочной литературы досоветского периода, периодической печати.

Ключевые слова: орден Св. Георгия, Георгиевский кавалер, Георгиевское оружие, Знак отличия Военного ордена, Иерусалимское кладбище, Иркутск, захоронение.

Aleksey N. Garashchenko
Museum of Irkutsk history name's A. M. Sibiriyakov
Irkutsk, Russia

CAVALIERS OF THE ORDER OF ST. GEORGE, ST. GEORGE'S WEAPONS AND INSIGNIA OF THE MILITARY ORDER, BURIED IN THE JERUSALEM CEMETERY

Abstract. The article is devoted to the soldiers of the Russian army – the knights of the order of St. George, St. George's weapons and the Insignia of the Military order, buried in the Irkutsk Jerusalem cemetery. We consider these people as the brightest example of representatives of the domestic army. Biographical information collected from different sources: materials of the Russian state historical archive, the State archive of the Irkutsk region, reference literature of the pre-Soviet period, periodicals are introduced into scientific circulation.

Keyword: Order Of St. George, St. George knight, St. George weapons, Insignia of the Military order, Jerusalem cemetery, Irkutsk, burial.

Хотя в Иркутске и существовало специальное воинское кладбище [4, с. 137–144], но на Иерусалимском погосте было захоронено множество военных разных чинов и званий, имевших определенные заслуги перед отечеством. Среди них были и лица, награжденные орденом Святого Георгия – высшей наградой за воинскую доблесть в России.

Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия (далее – орден Св. Георгия) имел особое положение среди других наград Российской империи. Он «являлся исключительно военной наградой, и награждение им обнимало все военные подвиги как рядового русского солдата, так и российского фельдмаршала»

[7]. Хорошо сформулирована его значимость в предисловии к книге профессора полковника А. А. Зайцева: «По мере своего развития этот орден вылился окончательно в ряд следующих георгиевских наград: собственно Орден Св. Георгия, Георгиевское Оружие, Георгиевский Крест и Георгиевская Медаль – как личные награды. И, как награды для войсковых частей в целом, – Георгиевские Знамена и Штандарты, Георгиевские трубы и рожки, петлицы Георгиевского басона и Георгиевские ленточки на околышах головных уборов моряков и, наконец, Георгиевские ленты на знаменах и штандартах» [7, с. 1–2].

Статут ордена, учрежденного императрицей Екатериной II 26 ноября 1769 г. в день празднования памяти освящения храма во имя Св. Георгия Победоносца в Киеве (в 1054 г.), за время своего существования претерпел ряд изменений.

В первом статуте ордена (1769 г.) говорилось: «Как Российской Империи слава наипаче распространилась и возвысилась верностью и храбростью и благоразумным поведением воинского чина, то при особенной Нашей Императорской милости к служащим в войсках Наших в отмену и награждение им за оказанную от них во многих случаях Нам, как и предкам Нашим, ревность и службу, также и для поощрения их в военном искусстве, восхотели Мы учредить новый военный орден и снабдить оный всеми теми преимуществами, кои поспешествовать будут сему Нашему предприятию». Далее отмечалось, что награждаться орденом будут те воинские чины, «кои во время военных действий отличили себя особенным мужественным поступком». Однако вслед за этим статут добавлял, что «как не всегда верному сыну Отечества такие открываются случаи, где его ревность и храбрость блистать может, то не исключать из сего милостивого установления и тех, кои в полевой службе 25 лет от обер-офицера, а в морской – 18 кампаний офицером прослужили» [7, с. 2]. Получалось, что первоначально награду, наряду с боевыми отличиями, мог получить военный служащий и за «выслугу лет», даже не принимая участия в боевых действиях.

Установленные при учреждении орденские знаки сохранялись до конца в одном и том же виде: крест белой финифти (т. е. эмали) с изображением Св. Георгия на ленте из двух желтых и трех черных полос. Единственно, первоначальный цвет орденской ленты был именно желтым, а не оранжевым, каким он стал с

середины XIX в., о чем свидетельствуют сохранившиеся портреты георгиевских кавалеров XVIII в.

Второй статут ордена Св. Георгия Победоносца (6 декабря 1833 г.), утвержденный императором Николаем I, несколько изменил условия пожалования орденом за 25 лет службы. С этого времени неперемнным условием стало участие хотя бы в одном сражении. А с 15 мая 1855 г. награждение было возможно «исключительно за боевые подвиги для вящего поощрения заслуг, оказанных на поле брани».

И наконец, третий, последний статут ордена (утвержден 10 августа 1913 г.) предусматривал конкретные подвиги и для IV и III степеней только по представлениям особыми Георгиевскими Думами, состоявшими из георгиевских кавалеров. В отношении же I и II степеней был оставлен в силе прежний порядок награждения – по «Высочайшему усмотрению за отличнейшие воинские доблести».

Имелась еще одна чисто русская награда, аналогов которой в других армиях не было. До 1913 г. она называлась «Золотым оружием», это были шпаги, кортики, позднее сабли. Точное время начала подобных поощрений неизвестно. Но вот с 1855 г. Золотому оружию и был присвоен Георгиевский темляк, как бы сблизивший его с орденом Св. Георгия. По статуту 1913 г., Золотое оружие было переименовано в Георгиевское и украшено орденом Св. Георгия, кроме того, награждение им было установлено лишь по постановлению Георгиевских Дум.

Все вышеуказанные награды предусматривались для офицерского и генеральского состава армии.

Для награждения нижних чинов 13 февраля 1807 г. был учрежден *Знак отличия Военного ордена*, имевший в то время только одну степень, жалуемый «за заслуги боевые и за храбрость, против неприятеля оказанные».

19 февраля 1856 г. Александр II установил 4 степени знака отличия военного ордена. Подобно ордену Св. Георгия, это были кресты на ленте ордена, но не из белой финифти (эмали), а серебряные для IV и III степеней и золотые – для II и I, причем III и I степень отличались от IV и II ношением банта из Георгиевской ленты. *По статуту 1913 г. знак отличия был переименован в Георгиевский крест.*

Наряду со знаком отличия военного ордена 12 ноября 1878 г. была учреждена для награждения нижних воинских чинов медаль «За храбрость», тоже подобно знаку отличия военного ордена четырех степеней. В 1913 г. медаль «За храбрость» была сопричислена к ордену Св. Георгия и переименована в Георгиевскую медаль.

Вот такие были награды Российской империи за выдающиеся воинские подвиги.

Среди тех, кто был захоронен на иркутском Иерусалимском кладбище, как отмечалось в начале, были военные, кто имел вышеперечисленные военные награды.

За давностью лет их имена забылись, поэтому мы считаем необходимым восстановить историческую справедливость и рассказать о некоторых из них потомкам. В настоящей публикации приведены, хотя и далеко неполные, биографические сведения, собранные автором по разным источникам: материалам Российского государственного исторического архива [18], Государственного архива Иркутской области, справочной литературы досоветского периода, периодической печати.

Персоналии приводятся в алфавитном порядке.

Горский Ярослав Петрович (12.01.1869–17.05.1905 (дата и год смерти указаны предположительно)) – подполковник. По вероисповеданию – католик. Окончил военную прогимназию, затем Иркутское юнкерское училище (1886 г.). Службу начал подпрапорщиком 01.09.1886; с 01.09.1890 – поручик; с 15.03.1898 – штабс-капитан; с 06.05.1900 – капитан.

Во время войны с Китаем (1900–1901), командуя ротой в составе разведывательного отряда, содействовал быстрому захвату главных ворот Пекина. Награжден орденом Св. Георгия IV ст. О совершенном подвиге свидетельствуют следующие строки документа: «Высочайшим приказом от 11-го февраля 1901 г. награжден орденом святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени за то, что, находясь в ночь на 1-е августа 1900 г. в составе разведочного отряда генерал-майора Василевского, вызвался с 15 охотниками осмотреть ворота города Пекина, которые должны были атаковать русские войска. Встретив у ворот наружный китайский караул, штабс-капитан Горский приказал переколоть его штыками, благодаря чему караул не успел предупредить о наступлении наших войск, и рекогносцировочный отряд незамет-

но подошел к самым воротам Пекина. При атаке города ворвался со своей ротой одним из первых в ворота и, будучи ранен двумя пулями в руку и грудь, оставался в строю».

Кампанию 1904–1905 гг. начал в качестве командира 2-го батальона 10-го Сибирского полка. С 26.02.1904 – подполковник. В апреле 1904 г. в сражении на реке Ялу, благодаря проявленной Горским инициативе, из окружения вышли 11-й и 12-й Сибирские стрелковые полки.

Очевидцы сражения на реке Ялу так свидетельствовали о его действиях: «Казалось бы, он мог оставаться здесь и затем отступить, но и тут Ярослав Петрович проявляет себя, двинув по собственному почину свой батальон на гребень возвышенности к югу от высоты 84,1, на которой 11-й Сибирский стрелковый полк так излишне долго задерживался. Здесь он взял преследующих японцев во фланг, замедлил их наступление и помог 11-му и 12-му Сибирским стрелковым полкам вырваться из японских клещей и благополучно отступить, а при дальнейшем движении отряда со своим 2-м батальоном шел в арьергарде».

Последний свой бой принял, закрывая Гаутулинский перевал силами вверенного ему 10-го Сибирского полка. В течение многочасового боя полк сдерживал яростные атаки 2-й японской дивизии. Во время одной из них Горский получил тяжелое ранение в голову. Спешно был эвакуирован в Иркутск, где скончался.

Ярослав Петрович Горский был кавалером следующих российских и иностранных орденов: Св. Станислава III ст. (1895 г.), Св. Анны III ст. (1897 г.), Св. Георгия IV ст. (1901 г.), Св. Станислава II ст. с мечами (1901 г.), Св. Анны II ст. с мечами (1903 г.), Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1904 г.), Двойного дракона III ст. (Китай), Камбоджи III кл. (Франция), Двойных лучей Восходящего солнца V ст. (Япония). Был награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость» [3, л. 70; 16, с. 51; 23, с. 1147; 25, с. 416].

Жданов Степан Николаевич (15.12.1855–10.02.1917) – генерал-лейтенант, инспектор инженерной части Иркутского военного округа.

Православный. Образование получил в Ломжинской гимназии. В службу вступил 31.08.1873. В 1876 г. выдержал экзамен на офицерский чин при Николаевском инженерном училище. 07.09.1876 – определен прапорщиком в 4-й саперный батальон.

Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

С 17.08.1877 по 17.09.1885 состоял на болгарской службе. Подпоручик (1878 г.), поручик (1881 г.), штабс-капитан (1887 г.).

С 01.04.1888 – член комиссии по построению казарм в Виленском военном округе. С 12.11.1890 – старший адъютант штаба железнодорожной бригады. 07.12.1892 – и. д. столоначальника Главного инженерного управления. Капитан (1893 г.). Подполковник (1899 г., за отличие).

С 11.03.1902 – командующий Квантунской саперной ротой. С 01.03.1903 – член строительной комиссии при областном инженерном управлении Квантунской области. Командир 3-го Восточно-Сибирского саперного батальона с 21.02.1904 г. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Полковник (1904 г., за отличие), генерал-майор (1909 г., за отличие).

С 04.12.1909 по 20.12.1911 – начальник Владивостокской крепостной саперной бригады. С 20.12.1911 по 29.12.1912 – инспектор полевых инженерных войск Иркутского военного округа, с 29.12.1912 – инспектор инженерной части Иркутского военного округа. Генерал-лейтенант (1916 г., за отличие).

Погребение состоялось 12 февраля.

За время службы награждался: орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» (1878г.), Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (1879г.), Св. Анны II ст. с мечами (1904 г.), Св. Владимира III ст. с мечами (1905г.), Св. Станислава I ст. (1912 г.), Св. Анны I ст. (1915 г.), Св. Владимира II ст. (1916 г.) и Золотым оружием (1906 г.) [5, с. 228–229].

Земляницын Иван Евгеньевич (08.09.1855–29.05.1908) – генерал-майор по армейской пехоте, командир 2-й бригады 1-й Сибирской пехотной дивизии.

Православный. Начал службу прапорщиком 15.11.1875. Далее: подпоручик (28.12.1878), поручик (14.01.1879), штабс-капитан (04.10.1881), капитан (29.12.1885), подполковник (16.02.1891), полковник (10.02.1901), генерал-майор (20.02.1905). Занимаемые должности: командир роты, командир 3-го Туркестанского стрелкового батальона (1901–1903 гг.), командир 3-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (1903–1905 гг.), командир 2-й бригады 2-й Сибирской пехотной дивизии (с 1905 г.). К моменту смерти командир 1-й бригады 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

Участвовал в военной кампании 1878 г.

Умер от воспаления легких в иркутской лечебнице доктора Бергмана.

Имел награды: орден Св. Станислава III ст. (1890 г.), Св. Анны III ст. (1894 г.), Св. Станислава II ст. (1900 г.), Золотое оружие (1906 г.) [5, с. 241–242].

Казанцев (Казанцов) Андрей Степанович (? – 26.02.1842г.) – полковник, командир линейного Сибирского батальона № 13.

Награжден орденами: Св. Анны III ст. (1833 г.), Св. Владимира IV ст. (1836 г.), Св. Георгия IV ст. (№ 6047 за выслугу 25 лет, 1839 г.) [5, с. 253].

Клеветский (Клевецкий) Захар Григорьевич (1778 (?) – 31.08.1851) – генерал-майор, командир линейного Сибирского батальона № 13 (1842–1846 гг.(?)). Время приезда в Иркутск неизвестно, но в 1844 г. он находился в городе в чине полковника (принимал 28.01.1844 в своем доме сенатора И. Н. Толстого).

Награжден: орденами Св. Анны III ст. (1835 г.), Св. Георгия IV ст. (№ 5239 выслуга; 1835 г.), Св. Владимира IV ст. (1839 г.), Св. Станислава II ст. (1843 г.), знаком за XXXV лет беспорочной службы (1839 г.).

Его сын – Александр Захарович Клевецкий – в 1870-е гг. был генерал-майором (с 1870) и служил в Иркутске начальником артиллерии Восточно-Сибирского военного округа [5, с. 270–271].

Красавин Алексей Федорович (12.03.1775 (?) – 09.04.1843) – генерал-майор, участник ряда войн начала XIX в., в 1836–1843 гг. – комендант Иркутска.

Православный. Родом из штаб-офицерских детей. В службу вступил 01.01.1792 ефрейтором в лейб-гвардии конном полку, затем каптенармус (15.03.1794), вахмистром (17.12.1794). 01.01.1795 он уже капитан Ревельского пехотного полка, довольно скоро в этом же полку он становится майором (28.10.1798). 28.04.1802 его переводят в Софийский пехотный полк (переименованный позднее в 35-й егерский), где 06.12.1804 получает звание подполковника, а 12.12.1807 – полковника.

16.08.1806 из четырех рот Томского мушкетерского полка с пополнением рекрутами был сформирован трехбатальонный Минский мушкетерский полк, который 22.02.1811 переименован в Минский пехотный. 19.10.1810 Алексей Федорович назначен «шефом в сей полк».

За это время боевой путь Красавина отмечен участием в следующих батальных против французской армии: 22.01.1807 в Пруссии, при деревне Берфрид, 23-го – при деревне Анкод (?); в «действительных сражениях против неприятеля, потом во время ретирады в арьергарде при преследовании неприятеля до Фрездорфа, 24-го до Фрауездорфа, 25-го до местечка Лаксберга, февраля 20 в ночной экспедиции и в сражении при деревне Цехерн, мая 24 и 25 при атаке неприятеля при деревне Шарпик (?) до реки Посарели. Потом 29 и 30 при местечке Гельзберг, июля 2 при местечке Фридланд против неприятеля». «За оказанные при сих последних отличии награжден орденом Св. Равноапостольного князя Владимира IV ст. с бантом». 4 августа участвовал «в ретираде к местечку Тильзиту и при переправе чрез реку Неман», а с 5 по 13 находился в расположении на высотах против местечка Рагнет и при удерживании неприятельской переправы через Неман на свою сторону.

А потом началась Отечественная война 1812 г.

В начале войны Минский полк находился в составе 1-й Западной армии, во 2-м корпусе генерал-лейтенанта К. Ф. Багговута, в 4-й пехотной дивизии, прикрывавшей петербургское направление, участвовал в арьергардных боях и в жестоком сражении 5 и 6 августа под Смоленском. Минский и Кременчугский полки, вместе с остатками 24-й дивизии Лихачева, окончательно выгнали французский корпус маршала Нея из Красненского предместья и прилегавших к нему укреплений города.

Затем было Бородино. Здесь утром 26 августа Минский полк в составе 1-й гренадерской дивизии был атакован превосходящими силами противника. Совершив маневр, полк осуществил контратаку, «...пошел прямо на встречу вестфальцам, был встречен картечью и потерпел некоторый урон», но тем не менее рассеял боевые порядки французов и отбросил их на исходные позиции. Не последнюю роль в успехе сыграло и личное мужество Алексея Федоровича. В наградном списке офицерам, отличившимся отвагой и смелостью, о командире полка говорится: «Предводительствовал вверенным ему полком с примерною неустрашимостью и, находясь под сильным пушечным огнем, действовал отлично и подавал под командуящим своим пример личную храбрость, причем получил сильную в ногу от ядра контузию». Бой был жестоким. Принявший после Красавина ко-

манду майор П. О. Годлевский «был отряжен с полком в стрелки», также получил ранение («ранен в обе ноги и левую руку пулями навывлет и за храбрость произведен в подполковники») и заменен майором Д. Д. Красноперским.

Специалисты констатируют: «В кровопролитнейшем сражении 26-го августа 1812 г. у с. Бородино Минский и Кременчугский полки сражались с 12 часов до 4 пополудни в центре позиции у батареи Раевского, где своею стойкостью привели в совершенное расстройство целый корпус французской тяжелой кавалерии графа Монбрюна и отбили вместе с войсками 7-го корпуса все атаки французских корпусов маршала Даву и Вице-короля Италианского; вышедши из боя в составе не более 500 человек, бригада эта двинулась под начальством принца Евгения Виртембергского на старую Смоленскую дорогу к войскам 3-го корпуса ген. Тучкова I-го на левом фланге позиции, где опять вступила в бой с полками Вестфальского корпуса Жюно и польского корпуса Понятовского. Сражаясь здесь под общим начальством генерала Багговута до 6 часов вечера, Минский полк потерял тяжело раненым своего командира полковника Красавина, более половины нижних чинов и большую часть своих офицеров, и хотя неприятельскому успеху здесь положен предел, но в 2-х батальонах Минского полка осталось не более 100 человек, выведенных принцем Евгением из боя».

В наградном списке офицерам, отличившимся мужеством и храбростью в сражении при Бородино, о командире полка сказано: «Предводительствовал вверенным ему полком с примерною неустрашимостию и, находясь под сильным пушечным огнем, действовал отлично и подавал подкомандующим своим пример личною храбростию, причем, получил сильную в ногу от ядра контузию». За оказанную при Бородине отвагу Красавин был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость».

В 1813, 1814, 1815 гг. Минский полк во главе со своим командиром участвовал в заграничных компаниях. Вел боевые действия в Польше, Силезии, Пруссии и Саксонии, в частности, в сражениях при Люцене, Бауцене, Кульме, Лейпциге и Бриенне, а 18.03.1814 – во взятии Парижа.

«За отличное усердие и деятельность, оказанную при формировании и образовании сего полка 1-го батальона, находившегося

в бывшей резервной армии в 1813 и 1814 гг., [Красавин] награжден орденом Св. Равноапостольного князя Владимира 3 степени).

Алексей Федорович командовал Минским полком до 28.01.1818, когда был произведен в генерал-майоры и освобожден от занимаемой должности. Сведения о дальнейшей судьбе достаточно отрывочные. В 1820-е гг. он был окружным начальником 12-го округа отдельного корпуса внутренней стражи, находившегося в Вильно. А в конце этого десятилетия просто числился по внутренней страже. В период до 1836 г. состоял комендантом Балтийского порта. 11.01.1836 Алексей Федорович назначен военным комендантом Иркутска.

В наш город генерал-майор А. Ф. Красавин с семейством приехал 19.07.1836 «в 7 часов по полудни». Служба в Сибири вряд ли была повышением для боевого генерала в возрасте, скорее, это была возможность выслужить неплохую пенсию и вернуться в Европейскую Россию. Но вернуться не удалось. 09.04.1843 он скоропостижно скончался, имея за плечами «всей службы 50 лет 3 месяца 8 дней».

Незадолго до смерти, 03.12.1842, Красавин был пожалован за выслугу лет орденом Св. Георгия IV ст. (№ 6697).

Всего же за свою долгую службу Алексей Федорович награждался довольно скромно: помимо уже упоминавшихся орденов Св. Георгия IV ст. (выслуга), Св. Владимира III ст. (1814 г.), Св. Владимира IV ст. с бантом и Золотой шпаги с надписью «За храбрость» (1812 г.), он имел медаль участника войны 1812 г. и знак беспорочной службы за XL лет [5; с. 279–282].

Куклин Василий Михайлович (20.04.1857–07.09.1916), полковник, командир 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска.

Православный. Получил образование в Иркутском юнкерском училище, которое окончил по 2-му разряду. Вступил в службу 01.09.1880. Хорунжий с 29.07.1884; сотник с 20.12.1888; подъесаул с 02.02.1891; есаул с 14.04.1895; подполковник с 26.02.1900, полковник с 1907 г. (старшинство в чине полковника с 14.01.1905).

Занимал должность старшего адъютанта управления войск Амурской области с 07.01.1889.

В 1898 г. есаул Куклин командирован в офицерскую кавалерийскую школу в с. Никольское Приморской области.

Помощник командира полка по строевой части с 12.02.1902; помощник командира 1-го Нерчинского полка с 12.11.1902; помощник командира полка по хозяйственной части с 09.08.1903г.; в той же должности в 1-м Читинском полку с 19.07.1904, а с 30.09 – по строевой части. Помощник командира 1-го Верхнеудинского полка по 01.03.1906, а с этого числа – командир 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска. Вероятно, в 1908 г. ушел в отставку, так как в списках полковников за 1909 г. не значится.

Участвовал в Русско-японской войне.

Похороны состоялись 8 сентября 1916 г.

За службу награждался орденами: Св. Станислава II ст. с мечами (1904 г.), Св. Анны II ст. с мечами (1904 г.), Св. Анны III ст. с мечами и бантом (1904 г.), Св. Владимира IV ст. (1905 г.). Кавалер Золотого оружия с надписью «За храбрость» [1; 9; 10; 24, с. 972; 14; 15].

Осетров Николай Петрович (? – 01.1917) – поручик 282-го пехотного Александрийского полка.

Православный. Иркутянин, сын владельца сапожной мастерской, воспитанник местного промышленного училища.

Когда началась война, Осетров, достигнув призывного возраста, добровольцем из Иркутского промышленного училища поступил в местное военное училище, окончив которое, из 11-го Сибирского стрелкового запасного полка отправляется с маршевой ротой в действующую армию и назначается командиром роты.

Прапорщик, подпоручик, затем поручик 282-го пехотного Александрийского полка.

282-й пехотный Александрийский полк 71-й пехотной дивизии был сформирован в Екатеринославе (Одесский военный округ) при мобилизации в июле 1914 г. Основой послужили кадры 134-го пехотного Феодосийского полка 34-й пехотной дивизии. Военный историк А. А. Керсновский пишет: «Превосходная 34-я пехотная дивизия 7-го армейского корпуса образовала превосходную же 71-ю генерала Десино, отличившуюся в составе 30-го армейского корпуса сперва в Днестровском сражении в апреле 1915 г., а осенью на Волыни, где 282-й пехотный Александрийский полк (всю войну особенно отличившийся) взял знамя.

Дивизия имела славные дела на Стоходе в Брусиловском наступление (где отличился полковник Концеров с 283-м Павлогородским полком), а в августе 1917 г. поголовно легла в тучах немецкого газа под Марашештами в Румынии, остановив армию Макензена и тем героически закончив свое существование» [13, с. 202].

Как отмечалось в приказе, Николай Петрович получил свой Георгиевский крест за то, что, будучи прапорщиком, «в бою 27 октября 1915 г. у хутора Селище, командуя ротой под сильным огнем, заметил скопление значительных сил австрийцев против фланга полка, лично бросился на них с тремя взводами, а один взвод направил прямо на окопы противника напротив своего расположения. Разбив колонну неприятеля и захватив 500 пленных, он бросился на помощь своему четвертому взводу, преодолел искусственные препятствия, выбил противника из окопа и захватил 2 пулемета, 1 бомбомет, еще 100 пленных и оружие» (приказ армии № 944 от 28.11.1915).

Скорее всего, Н. П. Осетров отличился и в Брусиловском прорыве лета 1916 г., когда под Годомичами 03.06.1916 был ранен в обе ноги, а погиб в январе 1917 г. в районе устья р. Серет, в Румынии, где с осени 1916 г. сражалась его дивизия. Тело было привезено в Иркутск и захоронено 05.02.1917.

Награжден орденом Св. Георгия IV ст. (Высочайший приказ от 18.11.1915).

Имел ордена, «которые может получить поручик – до ордена Св. Анны II ст. включительно» [11; 12; 8; 6; 17].

Скоропляс Иван Степанович (? – 1917 гг.) – капитан 27-го Сибирского стрелкового полка. Православный.

Начинал службу в период Первой мировой войны подпоручиком и дослужился до капитана. Отличался личным мужеством и храбростью, за что неоднократно поощрялся.

В ночь с 1 на 2 июня 1915 г. Иван Степанович, командуя ротой, «под сильным ружейным и пулеметным огнем противника атаковал его, выбил из окопов, захватил действующий и защищаемый при этом пулемет и удержал эту позицию, отбив пять контратак противника». За этот подвиг Скоропляс был награжден Орденом Св. Георгия IV ст.

А вскоре он заслужил и Георгиевское оружие. В наградных документах значилось: «...в бою 7 сентября 1915 г. у д. Мешку-

цы, обороняя с ротой командующую высоту, являвшуюся тактическим ключом в боевом расположении трех полков дивизии, когда под натиском противника некоторые части соседнего полка оставили окопы, продолжал упорно удерживаться на высоте; несмотря на сильный огонь противника, не допустил распространиться ему глубже в тыл и тем дал возможность занять прежние участки позиции подошедшим резервам».

Погиб в бою. 10.11.1917 в Глазковской церкви происходило отпевание тела героя, после чего состоялось погребение на Иерусалимском кладбище.

И. С. Скоропляс был награжден: орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» (Аннинское оружие) (Высочайший приказ от 05.03.1915), Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом (Высочайший приказ 5.10.1915), Св. Анны II ст. с мечами (Высочайший приказ от 19.11.1916), Св. Георгия IV ст. (Высочайший приказ от 17.04.1916), Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (Высочайший приказ от 13.11.1915), Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (Высочайший приказ 18.08.1915), Св. Станислава II ст. с мечами (Приказ Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта от 12.07.1915), Св. Станислава II ст. с мечами (25.10.1916), Георгиевским оружием (Высочайший приказ от 17.11.1916).

Усольцев Николай Алексеевич (? – 19.09.1916) – прапорщик. Православный. Участник Первой мировой войны. Служил в лейб-гвардии 3-м Его Величества стрелковом полку. Геройски погиб в бою. Тело было доставлено в Иркутск 23 октября, похороны прошли на следующий день.

Посмертно Николай Александрович был награжден орденом Св. Георгия IV ст. (Приказ армии и флоту от 19.04.1917) [21; 22].

Флейшер Николай Николаевич (26 нояб. 1846 г., Рязань – 11 дек. 1907 г.) – генерал-лейтенант, командир 3-го Сибирского армейского корпуса.

Из семьи обрусевших немцев. Сын генерал-майора Николая Михайловича Флейшера и его жены Натальи Михайловны (урожд. Петровской). Интересно, что его братья были тоже военными: Александр – генерал-майор, Рафаил – генерал-лейтенант, Сергей – генерал от кавалерии.

Окончил 1-й Московский кадетский корпус и вступил в службу (1863 г.), затем – 3-е военное Александровское училище (1865 г.). Через несколько лет Николай Николаевич вернулся в

Александровское училище, но уже в качестве младшего офицера, прослужил здесь поручиком с 1872 по 1876 г.

Подпоручик (1865 г.); поручик (1867 г.); штабс-капитан (1876 г.); капитан (1878 г.); подполковник (1879 г.); полковник (1884 г.); генерал-майор (1899 г.), а с 16.12.1902 – генерал-лейтенант.

Участник военной компании (Туркестанские походы) 1877–1878 гг. Затем начальник Бакинского уезда (1882–1883 гг.); командир 3-го Новогеоргиевского крепостного пехотного батальона (1890–1891 гг.); командир 5-го стрелкового полка (1891–1893 гг.); командир 76-го пехотного Тульского полка (1893–1896 гг.); командир 105-го пехотного Оренбургского полка (1896–1899 гг.); начальник 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (1899–1902 гг.).

Во время китайской кампании 1900–1901 гг., в июле 1900 г. генерал-майор Флейшер был назначен начальником Южно-Маньчжурского отряда. После трехдневного боя, 28, 29 и 30 июля 1900 г., несмотря на сильный зной, его войска разбили китайцев (имевших до 4 тыс. солдат, 1 тыс. повстанцев, 8 орудий) и заняли Хайчен, захватив 6 орудий. Китайцы отошли к Ляоляну. После падения Пекина, 14.08.1900, Южно-Маньчжурскому отряду был отдан приказ о наступлении на Мукден и Ляоян. Операция эта возлагалась на генерал-лейтенанта Д. И. Субботича, с подчинением ему всех войск в южной Маньчжурии. 11 сентября он двинулся тремя колоннами: слева – генерал-майор Флейшер, в центре – полковник Артамонов, справа – полковник Мищенко. Китайские силы расположились в двух группах: 6 тыс. у Нючжуаня и 16 тыс. у Айсяндзая. 11.09.1900 выступивший авангард под командованием генерал-майора Флейшера после небольшой перестрелки занял город Старый Нючжуань а 15 сентября передовыми частями был взят Ляоян. 18 сентября продолжалось наступление к Мукдену и 19 сентября Мукден был взят.

Затем Н. Н. Флейшер состоял в распоряжении начальника Главного штаба (1902–1903 гг.); был начальником 20-й пехотной дивизии (1903–1904 гг.); находился в распоряжении наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке (1904–1905 гг.). Командир 1-го сводного стрелкового корпуса (1905–1906 гг.); командир 3-го Сибирского армейского корпуса (1906–

1907 г.), кстати, его предшественником в должности был известный генерал-лейтенант Павел Карлович Ренненкампф.

За довольно продолжительную службу Николай Николаевич был награжден орденами Св. Станислава III ст. (1876 г.), II ст. с мечами (1879 г.), I ст. с мечами (1901 г.), Св. Анны III ст. с мечами и бантом (1878 г.), II ст. (1879 г.), I ст. с мечами (1905 г.), Св. Владимира III ст. (1885 г.), Золотым оружием «За храбрость» (1901 г.), а также иностранными орденами: румынским Железного креста (1878 г.), болгарским Св. Александра II ст. (1899 г.), Двойного дракона (Китай) (1902 г.).

Хоронили Н. Н. Флейшера со всеми воинскими почестями. «14 декабря, в 9 часов утра, состоялся вынос тела покойного генерала в Казанский собор, откуда оно, после отпевания, в 1 час дня было перенесено на Иерусалимское кладбище. В похоронном шествии приняли участие полный наряд полиции, полтора батальона 25 Восточно-Сибирского стрелкового полка, две сотни казаков и пешая артиллерийская бригада. Гроб везли на артиллерийских тележках.

Во время погребения был произведен установленный салют из винтовок и орудий».

Далее в газетной статье отмечалось, что тело генерал-лейтенанта Флейшера в мае следующего года планировалось перевезти в Европейскую Россию – на родину покойного. Но было ли это выполнено, неизвестно [5, с. 427–429].

Конечно, это не все георгиевские кавалеры, кто был захоронен на Иерусалимском кладбище. Например, мы не знаем, было ли привезено на родину в Иркутск тело добровольца ефрейтора Исаака Давидовича Рейхбаума, геройски погибшего в бою 05.11.1914 при штурме укрепленной позиции на перешейке между озерами Бувено и Тиркло у деревни Чирепинтен в штыковой схватке. За что был посмертно удостоен знаком военного ордена Св. Георгия IV ст. [19].

Или подпоручика Артура Артуровича фон Кельчевского (ок. 1895 – 18.06.1917), который добровольно оставил 7-й класс промышленного училища, поступил в военное училище, окончил его и, прослужив около года в 11-м Сибирском резервном запасном полку, отправился на фронт. Погиб в бою под Бжезаками и был представлен к ордену Св. Георгия IV ст. [19; 20].

Возможно, здесь мог быть захоронен Аполлинарий Томашевский, которому в 1895 г. было 104 года, получивший Георгиевский крест за сражение с горцами в 1850-е гг. [2].

Как видно из приведенного списка, на кладбище погребены тела георгиевских кавалеров – участников многих войн и сражений XIX–XX вв.: Бородинской битвы, Русско-турецкой войны, Русско-японской, Первой мировой. Но порой не все подвиги удостоивались заслуженных наград, мы привели в качестве примеров только самых ярких представителей российского воинства.

А сколько еще доблестных защитников Отечества, как георгиевских кавалеров, так и не получивших эту награду, покоятся в земле Иерусалимского кладбища.

Нужно отметить, что история Российского государства XVIII – нач. XX вв. в Иркутске мало отмечена какими-либо памятниками или памятными знаками. Это касается и нашей военной истории. Поэтому вполне возможно установить на территории бывшего кладбища один памятник всем захороненным здесь российским воинам этого периода, участвовавшим в различных войнах, как дань уважения их ратных подвигов. Памятники подобного рода нам неизвестны. Дальнейшие архивные поиски дадут возможность выявления таких персоналий и составления списков. Такая деятельность послужит делу сохранения исторической памяти и патриотического воспитания будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского [Электронный ресурс]. URL: http://museumamur.org/bibliography/%D0%9A?Bibliography_page=13 (дата обращения: 22.08.2018).

2. Вост. обозрение. 1895. 8 окт.

3. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 70. Оп. 3. Д. 2275.

4. Гаращенко А. Н. Военное (гарнизонное) кладбище в Иркутске // Иркутский мемориал: исследования и реконструкция : материалы науч.-практ. конф. (Иркутск, 6 дек. 2013 г.). Иркутск : Оттиск, 2014. С. 137–144.

5. Гаращенко А. Н. Иркутский исторический некрополь: Иерусалимское кладбище. Иркутск : Земля Иркутская : Оттиск, 2016. 464 с.

6. Георгиевские кавалеры Великой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://cavalier.rusarchives.ru/holders/holder?id=6764> (дата обращения: 12.12.2018).

7. Зайцев А. А. Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия : ист. очерк. Нью-Йорк, 1956. 18 с.

8. Дитмар С. Памяти Н. П. Осетрова // Иркут. жизнь. 1917. 25 янв.

9. Иркутская жизнь. 1916. 8 сент.

10. Иркутская жизнь. 1916. 13 окт.

11. Иркутская жизнь. 1917. 21 янв.
12. Иркутская жизнь. 1917. 22 янв.
13. Керсновский, А. А. История русской армии. В 4 т. Т. 4. М., 1994.
14. Куклин Василий Михайлович [Электронный ресурс] // Офицеры РИА. URL: http://gia1914.info/index.php?title=Куклин_Василий_Михайлович (дата обращения: 11.04.2019).
15. Казаки Куклины // Предыстория [Электронный ресурс]. URL: <http://www.predistoria.org/forums/index.php?PHPSESSID=2277e9a290d15bd96d7b55903d54fbc9&topic=2453.0> (дата обращения: 06.04.2019).
16. Ращупкин Ю. М. Русско-японская война: судьбы, связанные с Иркутском // Земля Иркутская. 2004. № 2 (25). С. 45–52.
17. Русское слово. 1916. 14 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.vgd.ru/1361/47513/120.htm> (дата обращения: 23.03.2019).
18. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 496. Оп. 3. Д. 1150.
19. Сибирь. 1915. 24 янв.
20. Сибирь. 1917. 17 сент.
21. Сибирь. 1917. 10 нояб.
22. Свечин А. А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М.; Л., 1930. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/h/svechin3a/09.html> (дата обращения 04.03.2019).
23. Список подполковникам по старшинству. Составлен по 1 января 1905 г. СПб., 1905. 1452 с.
24. Список полковникам по старшинству. Составлен по 2 мая 1907 г. СПб., 1907. 1440 с.
25. Янчевецкий Д. Г. У стен недвижного Китая: Дневник корреспондента «Нового края» на театре воен. действий в Китае в 1900 г. СПб. : Порт-Артур, 1903. 618 с.

Алексей Викторович ПЕТРОВ

ИГОО «Клуб молодых ученых «Альянс»
г. Иркутск, Россия

ИЗ ИСТОРИИ ИРКУТСКИХ КЛАДБИЩ В 1920-Е ГГ.

Аннотация. Описывается состояние иркутских кладбищ в первые годы советской власти, механизмы передачи похоронного дела в местное самоуправление и первые возникшие в городе проблемы, связанные с данными обстоятельствами.

Ключевые слова: Иркутск, городской совет, кладбище, коммунальный отдел

Alexey V. Petrov
Young Scientists Club Alliance
Irkutsk, Russia

FROM THE HISTORY OF CEMETERIES IN IRKUTSK IN 1920-IES

Abstract. The text is devoted to the state of Irkutsk cemeteries in the first years of Soviet power, the mechanisms of transfer of the funeral business to local government and the first problems faced by Irkutsk.

Keywords: Irkutsk, city council, cemetery, municipal department.

20 февраля 1920 г. в Иркутске были распущены городская дума и управа, а заведование городским хозяйством было передано коммунальному отделу губревкома. В городе окончательно установилась советская власть.

Двадцатые годы – переломное время как для органов местного самоуправления, так и для общества в целом. Изменение механизма проведения в жизнь принятых решений, воспитание политически активного гражданина было, несомненно, выгодно новому Иркутску. Однако у города оставалось много нерешенных хозяйственных вопросов: работа водопровода, электростанции и кладбищ. Еще в ноябре 1917 г. был подготовлен доклад «О современном состоянии кладбищ в городе и мерах к упорядочению кладбищенского дела», в котором упоминается шесть кладбищ к тому времени – Иерусалимское, Ремесленно-Слободское и смежное с ним Знаменское, военное в предместье Рабочем, Глазковское и Амурское. Причем крупнейшее Иерусалимское было самым запущенным [3].

14 октября 1920 г. Иркутский горисполком совета рабочих и солдатских депутатов принял решение передать похоронное дело в городе в ведение коммунального отдела. Все предприятия по похоронному делу со всем живым и мертвым инвентарем были переданы коммунальному отделу, который возглавил А. Шнейдер. Туда же перешли служащие предприятий. Почти сразу же коммунальный отдел издал особую инструкцию о пользовании гражданами предметами похоронных обрядов [13].

3 февраля 1921 г. Иркутский губернский исполком постановил, что все места погребения умерших, или кладбища, во всех городах и селах Иркутской губернии должны быть изъяты из ведения служителей культовых и религиозных общин всех национальностей и переданы в ведение местных исполкомов. Скорее всего, был изучен первый опыт Иркутска в этом вопросе. В городах полномочия по принятию похоронного дела в свое ведение и организацию погребения, содержание в порядке всех кладбищ возложили на коммунальные отделы исполкомов, в селах – на исполкомы в целом. Тогда же губернские чиновники запретили без согласования с местными исполкомами открывать новые места погребения, а, собственно, хоронить умерших – без письмен-

ного разрешения похоронной комиссии. Комиссия требовала предоставить справку о регистрации смерти, чтобы выделить некоторую финансовую поддержку. Но исполкомы внимательно следили за тем, кто кому был родственник – если умерший родился не в браке или не был зарегистрирован по актам гражданского состояния, то «таким лицам не выдавать никаких видов до-вольствия» [14].

При первых отчетах стало видно, что кладбища становятся довольно прибыльным делом. Так, в августе 1922 г. бюджетная комиссия коммунального отдела составила отчет о доходах за первое полугодие, заявила, что доходы за могилы и места на кладбищах составили 171 325 руб., что в три раза больше, чем от городской санитарной станции (более 61 тыс. руб.), и в три раза больше, чем от промыслового налога (более 62 тыс. руб.). И пусть меньше, чем от всех городских прачечных (227 тыс. руб.), хотя если добавить сюда доход от похоронного бюро, который составил 47 394 руб., то цифры будут сопоставимыми [19]. Это же касалось и торговых точек вокруг кладбища, например киоска. 7 февраля 1922 г. коммунальный отдел выставил торги на киоски в городе, и одним из самых прибыльных был киоск на 5-й Красноармейской, находившийся возле Иерусалимского кладбища [2]. В октябре – ноябре 1921 г. было вырыто 332 могилы, а по итогам года доходы превысили расходы. Уже к 1923 г. кладбища в Иркутске были вне конкуренции по наполнению бюджета. Газеты так и писали: «вне конкуренции» [7]. Подотдел предприятий коммунального отдела сообщал, что в его распоряжении находились тогда водопровод, ассенизационный обоз, прачечная, кладбище, и последнее было «вне конкуренции». Но удивительно другое: в планах работы цифры по сборам почти не отражались или были заниженными. Так, в графе «рытье могил» в примечании всегда было написано, что «количество определить не представляется возможным».

3 июля 1925 г. иркутский губернский исполком издал постановление, по которому в целях урегулирования общественных отношений, связанных в погребением умерших, было запрещено погребение в церковных оградах, а захоронения производить только на кладбищах [12]. Исключения допускались в особых случаях с разрешения отдела здравоохранения при соблюдении специальных условий. Открытие и содержание кладбищ разре-

шалось только городским, уездным и волостным исполкомам. Погребение умерших должно было совершаться при обычных условиях не менее чем на третий день после кончины. Сокращение срока допускалось, если «на мертвом теле обнаружены несомненные следы разложения; если было произведено вскрытие тела; когда помещение, в котором находится мертвое тело, является единственным жильем для других людей, особенно, если среди них есть больные; если сокращение срока требуется вероисповеданием». Тогда же было запрещено носить открытые гробы, если умерший болел скарлатиной, дифтерией, чумой, холерой, сыпным тифом, оспой или сибирской язвой.

В 1924 г. вновь был поднят разговор о благоустройстве городских кладбищ и братских могил. «Власть труда» писала, что в декабрьских событиях 1917 г. погибло 94 товарища, которые были похоронены в склепе при Белом доме, но после ухода большевиков в 1918 г. трупы павших были вывезены за город и зарыты в большой общей могиле у нового (Амурского) кладбища. За пять лет могила была совсем забыта. В 1923 г. ячейка № 43 провела воскресник по приведению могил в порядок, но предложения коммунистической ячейки об устройстве ограды вокруг могилы и обложения ее дерном так и не были осуществлены. Если же говорить о могилах 1919 г., которые находились на кладбище у советской горы, то там ежегодно проводились работы по приведению в порядок [11]. Там были деревянный палисадник и оградка, но внимания было не так много, а позднее кладбище было и вовсе закрыто, а все погосты уничтожены.

От властей требовали найти средства на постоянный уход за могилами, постройку постоянных памятников и оград. В июле 1925 г. жители писали обозленные письма в газеты: почему по братским могилам все еще разгуливают домашние животные и разрушают могилы? Кто-то должен заботиться о сохранении могил революционеров [8]. Ситуация сдвинулась с места намного позднее. В начале 1930-х гг. сообщалось, что братская могила сохранилась в очень плохом состоянии, как и кладбища. Из памятника Загоскину был вырван изящный барельеф, часть памятников – революционерам и публицисту В. Вагину – разрушалась на глазах.

К праздникам город преобразался, и городским властям немного хватало сил и на территорию Иерусалимского кладбищ. В октябре 1925 г. были приведены в порядок могилы вдоль горы,

намечено устройство каменной ограды вокруг могил. Все работы должен был выполнить коммунальный отдел исполкома [5].

Поскольку бюджетных средств всегда не хватало, инициативные группы проводили различные мероприятия по сбору денег. 7 июня 1927 г. на ипподроме прошел праздник пахаря (местный Сабантуй). Четверть всех собранных средств ушло в фонд советской школы губернского отдела образования, 10 % – в пользу воздушного флота, а большая половина ушла в пользу татарского кладбища [17]. Кстати, известно, что в марте 1928 г. на татарском кладбище был совершен грабёж, но все «бандиты были задержаны» [4].

Но далеко не все понимали значимость наведения порядка на кладбищах. Причем в среде депутатов было и противодействие, поскольку считалось, что деньги должны пойти на развитие города. 28 марта 1926 г. пленум иркутского горсовета признал нерациональным выделение 15 тыс. руб. на ремонт кладбища [15].

В марте 1927 г. горсовет ставит перед собой новые задачи. Говоря современным языком, депутаты провели мозговой штурм, определив наиболее значимые дела. В списке задач соседствуют «устройство радиостанции общественного значения и перенесение Иерусалимского кладбища в другое место» [6].

Ранее заведующий кафедрой ботаники Иркутского университета профессор В. И. Смирнов предлагал на месте кладбища создать ботанический сад. Но денег в городской казне не было, и решение так и не было принято. В феврале 1929 г. в списке наказов депутатам горсовета нового созыва вопрос закрытия старого Иерусалимского кладбища был одним из ключевых, при открытии нового кладбища [9].

26 июля 1929 г. «Власть труда» сообщала, что вопрос о закрытии Маратовского и Иерусалимского кладбища был решен. Однако в то время еще оба кладбища были открыты и находились в крайне антисанитарных условиях: покойников хоронили на четвертый ряд. «Не успеет холм могилы сравняться с землей, как на этом же месте выкапывают новую, вытаскивают не успевшего еще истлеть покойника и хоронят следующего. А закон гласит, что раньше тридцати лет вскрывать могилу нельзя» [18]. В марте 1930 г. выдвигались инициативы, что хоронить можно на еврейском кладбище, поскольку заполняемость едва превышала 5 % [10].

15 мая 1931 г. Иерусалимское кладбище было законсервировано. С того дня все умершее городское и с Маратовского предместья население начали хоронить только на Ново-Амурском кладбище. А уже 12 мая 1932 г. было опубликовано постановление горсовета о городском благоустройстве, по зеленому насаждению, охране садов парков и прочее. В нем записано, что бывшее Иерусалимское кладбище должны оборудовать под парк отдыха, а вопрос согласовать с соответствующими организациями. На согласование оставили совсем немного времени. 20 мая проект уже поступил в горсовет [16]. Тема сохранения памятников была закрыта на долгие годы, несмотря на то, что при краевом отделе народного образования проводились совещания по охране памятников, но ничего реального так и не было сделано [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргунский И. Памятники иркутской старины // Вост.-Сиб. правда. 1935. № 77 (8 апр.). С. 4.
2. В коммунальном отделе // Власть труда. 1922. № 30 (7 февр.). С. 4.
3. Гаращенко А. Н. Иркутский Исторический некрополь: Иерусалимское кладбище. Иркутск : Оттиск, 2016. С. 75.
4. Грабеж на татарском кладбище // Власть труда. 1928. № 62 (14 марта). С. 4.
5. Забота о братских могилах // Власть труда. 1925. № 246 (27 окт.). С. 8.
6. Какие задания стоят перед новым горсоветом // Власть труда. 1927. № 61 (16 марта). С. 3.
7. Кладбище вне конкуренции // Власть труда. 1923. № 84 (19 апр.). С. 3.
8. Надо огородить // Власть труда. 1925. № 168 (25 июл.). С. 5.
9. Наказы новому составу горсовета от избирателей // Власть труда. 1929. № 30 (7 февр.). С. 1.
10. Нам пишут // Власть труда. 1930. № 73 (30 марта). С. 4.
11. О благоустройстве братских могил // Власть труда. 1924. № 96 (25 апр.). С. 5.
12. Обязательное постановление // Власть труда. 1925. № 157 (14 июля). С. 8.
13. Официальный отдел // Власть труда. 1920. № 151 (19 окт.). С. 2.
14. Официальный отдел // Власть труда. 1921, № 373 (9 февр.). С. 4.
15. Пленум горсовета // Власть труда. 1926. № 69 (28 марта). С. 8.
16. Постановление Иркутского горсовета // Вост.-Сиб. правда. 1931. № 106 (14 мая). С. 4.
17. Сабантуй // Власть труда. 1925. № 121 (30 мая). С. 6.
18. Факты – упрямая вещь // Власть труда. 1929. № 170 (26 июля). С. 4
19. Финансовый отдел // Власть труда. 1922. № 179 (8 авг.). С. 3.

Наталья Сергеевна ПОНОМАРЕВА

Иркутская областная государственная универсальная
научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского
г. Иркутск, Россия

СОСТОЯНИЕ ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ НА АМУРСКОМ (ЛИСИХИНСКОМ), СВЕРДЛОВСКОМ И МАРАТОВСКОМ КЛАДБИЩАХ ГОРОДА ИРКУТСКА

Аннотация. Рассмотрены история возникновения и характеристики воинских захоронений на Амурском, Свердловском и Маратовском кладбищах г. Иркутска в период Великой Отечественной войны; методика определения мест захоронений; наличие памятных знаков. Представлены предложения по достойному содержанию захоронений и увековечению фамилий участников войны, умерших в эвакогоспиталях.

Ключевые слова: Иркутск, Великая Отечественная война, советские воины, эвакогоспитали, захоронения, кладбища, мемориалы, памятники.

Natalia S. Ponomareva

Irkutsk Regional State Universal Scientific Library of I. I. Molchanov-Sibirsky
Irkutsk, Russia

CONDITION OF MILITARY BURIALS IN AMUR (LISIHINSKOM), SVERDLOVSK AND MARATOV CEMETERS CITY IRKUTSK

Abstract. The history of the occurrence and characteristics of military graves in the Amur, Sverdlovsk and Maratov cemeteries of the city of Irkutsk during the Great Patriotic War, the method for determining the gravesite, the presence of memorable signs are considered. Proposals are presented for the decent maintenance of graves and the perpetuation of the names of war veterans who died in evacuation hospitals.

Keywords: Irkutsk, Great Patriotic War, Soviet soldiers, evacuation hospitals, burials, cemeteries, memorials, monuments.

Военные захоронения Великой Отечественной войны на кладбищах Иркутска

Во время Великой Отечественной войны города Иркутской области принимали раненых, поступавших с фронта. Девять эвакогоспиталей дислоцировалось в населенных пунктах, расположенных на крупных станциях Восточно-Сибирской железной дороги: Зиме, Нижнеудинске, Тулуне, Свирске, Черемхово, Усолье-Сибирском, Слюдянке. В Иркутске к началу 1942 г. было развернуто 28 госпиталей на 10 400 коек [1].

В условиях возможной войны лечебные учреждения планировалось разместить в крупных общественных зданиях, таких как физиотерапевтический институт, Дом Кузнеца, курсовая база марксизма-ленинизма, Центральная гостиница, финансово-

экономический институт, сельхозинститут, Дворец Труда и др. Новые школы, выстроенные в 1936–1940 гг. по специальному проекту Наркомпроса «школа-госпиталь», также были подготовлены к приему раненых (школы № 3, 8, 9, 13, 15, 17, 21, 23, 26, 34, 80). При необходимости можно было быстро переоборудовать классы в палаты, операционные, перевязочные и другие госпитальные помещения.

Первые раненые поступили 13 января 1942 г., затем прибывало по несколько поездов в неделю. Раненые и больные, доставленные из центральных эвакогоспиталей (Москва, Саратов, Горький, Челябинск, Киров, Свердловск и др.), прошли несколько этапов госпитализации и требовали длительного лечения. Такой тяжелый контингент давал неблагоприятный исход – 46,7 % раненых были не годны к военной службе и выписаны на инвалидность. С 1942 по 1945 г. в эвакогоспиталях г. Иркутска прошли лечение около 100 тысяч военнослужащих [2], по другим данным – 102 900 [3], количество умерших от ран, контузий, увечий и болезней – более тысячи человек, таким образом, смертность составила приблизительно 1 %.

Захоронения скончавшихся воинов проводились на нескольких городских кладбищах: Амурском, Маратовском, Свердловском и Ново-Ленинском, причем на их различных участках, нередко без отвода специальных мест для воинских погребений. Захоронения были как индивидуальные, так и в братских могилах – по 3–6 умерших.

Исследования по уточнению и выявлению персональных данных советских воинов, умерших в госпиталях города, представлены в книге автора данной статьи «Иркутские военномемориальные некрополи Великой Отечественной войны, 1941–1945 годы», вышедшей в Иркутске в 2010 г. Для этого были привлечены следующие источники:

1. Архивная коллекция Книг учета захоронений на кладбищах г. Иркутска 1941–1945 гг., Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. Р-3445, оп. 1, д. 11–23 [4] (далее – Книги учета захоронений).

2. Докладная записка подполковника запаса И. А. Артеменко председателю Иркутского горисполкома о выполнении задания по уточнению списков воинов действующей армии, умерших в эвакогоспиталях г. Иркутска в годы Великой Отечественной вой-

ны 1941–1945 гг., составлена 21 июня 1977 г., Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО), ф. Р-3374, оп. 2, д. 2.

3. Список военнослужащих, умерших от ран, контузий и увечий в госпиталях г. Иркутска в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., составлен И. А. Артеменко 3 июня 1977 г., ГАНИИО, ф. Р-3374, оп. 2, д. 3 (далее – Список Артеменко).

4. Сайт «Обобщенный банк данных “Мемориал”» (ОБД «Мемориал») www.obd-memorial.ru, созданный Министерством обороны РФ в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 22 января 2003 г. № 37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества».

В Книгах учета захоронений за 1941–1945 гг. зафиксированы погребения на Амурском, Еврейском (в составе Амурского), Маратовском, Свердловском, Татарском кладбищах; сведения о захоронениях на Ново-Ленинском кладбище, действовавшем в тот период, отсутствуют.

К сожалению, планы Амурского и Свердловского кладбищ с указанием номеров участков, еще в 1980 г. хранившиеся в городском похоронном бюро, утеряны. Благодаря работе с Книгами учета захоронений и картографическими материалами, а также натурным изысканиям на кладбищах автору удалось установить историческую нумерацию почти всех их участков (на Амурском кладбище – в 2008–2012 гг., на Свердловском – в 2016–2018 гг.) [5].

Воинские захоронения на Амурском кладбище

Из истории создания мемориала на месте захоронения воинов, умерших от ран в госпиталях в 1941–1945 гг. Новое городское кладбище (после Иерусалимского кладбища) было основано на восточной окраине Иркутска вблизи Амурского тракта. По решению городской думы от 28 мая 1899 г. оно стало называться Амурским [6]. Общая территория кладбища составляет около 26 га, и за время его функционирования с 1900 по 1961 г. на нем похоронено не менее 100 тыс. человек [7, с. 109].

Известны несколько планов Иркутска с указанием территории Амурского кладбища за следующие годы: 1899, 1921, 1924, 1929, 1940, 1974, 1989, 2000. Наиболее детализированный – топоплан Иркутска, снятый в 1972–1973 гг. и исправленный по аэро-

снимкам в 1988–1989 гг. На нем обозначено разделение территории кладбища дорожками на участки. Таких участков при простом подсчете оказалось 54.

По Книгам учета захоронений, с января 1942-го по декабрь 1945 г. на Амурском кладбище похоронен 8 081 человек, из них по обнаруженным данным – 649 военнослужащих, умерших в эвакогоспиталях (в 1941 г. – 1 человек, в 1942 г. – 178, в 1943 г. – 186, в 1944 г. – 188, в 1945 г. – 96; итого 649 человек). Наименьшее количество захоронений произведено на участках № 3, 13, 21, 55, 60, 63, 66, 67, 87, 94, наибольшее – на участках № 64 (в 1942 г. – 26), № 68 (в 1942, 1943 гг. – 60), № 69 (в 1943, 1944, 1945 гг. – 206), № 77 (в 1942 г. – 25), № 103 (в 1943 г. – 46). По Книгам учета захоронений установлено, что на 1945 г. было 108 участков.

В 1942–1943 гг. большое число умерших в эвакогоспиталях предавали земле на участке № 68 наряду с гражданскими захоронениями. Участок расположен смежно с песчаниковой стеной еврейского кладбища.

Участок, на котором в 1977 г. сооружен мемориал, имеет номер 69. За 1943–1945 гг. на этом участке произведено 224 захоронения: 206 военнослужащих и 18 гражданских лиц. На южной части участка № 69, за ограждением мемориала, сосредоточены главным образом захоронения офицеров – участников Великой Отечественной войны, умерших после 1945 г. с 1946 по 1958 г. В Книгах учета захоронений эта зона называется «офицерское кладбище». По воспоминаниям иркутских старожилов, участок был предназначен только для военнослужащих, гражданские захоронения здесь были запрещены (однако все-таки производились).

К 9 Мая 1975 г., празднику 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, в центре Иркутска на Нижней Набережной по инициативе председателя горисполкома Н. Ф. Салацкого был сооружен мемориал в честь героев-земляков, зажжен Вечный огонь [8]. Весной 1976 г. была частично очищена небольшая площадь воинских захоронений на участке № 69, уложено 70 гранитных плит [9].

Иркутским горсоветом 21 марта 1977 г. было принято решение, которое предписывало до осени 1977 г. завершить строительство мемориала на территории участка № 69. Летом 1977 г. в Ленинград в Военно-медицинский музей Министерства обороны

СССР Н. Ф. Салацким был командирован подполковник в отставке, работник Кировского райисполкома И. А. Артеменко. Его целью было составление списка воинов действующей армии, умерших в госпиталях Иркутска, на основе документов, поступивших в музей из расформированных эвакогоспиталей. В результате установлено 28 госпиталей, дислоцировавшихся в Иркутске, составлены списки на 828 умерших, где указаны фамилия, имя и отчество, воинское звание, год рождения, дата смерти, место захоронения (включая участок, ряд и номер могилы, если такие сведения имелись), а также адреса родных.

После составления уточненных списков фамилии воинов, чье место захоронения на Амурском кладбище было известно, были высечены на надгробных плитах. На мемориальные доски, размещенные на стеле, были занесены все остальные фамилии. Сооружение мемориала производилось по проекту и под авторским надзором главного художника Иркутска В. Г. Смагина [10].

Площадка мемориала была выровнена сносом могильных холмиков, памятников и оград, выкорчевкой деревьев и кустов. По свидетельствам очевидцев, останки, поднятые при «благоустройстве», рабочие переносили в ямы у подножия мемориальной стены.

308 плит располагаются на территории мемориальной зоны, разделенной дорожками на четыре неравных участка. На мраморных досках стелы была высечена 601 фамилия. Помимо фамилий воинов, похороненных на Амурском кладбище, запечатлены некоторые фамилии тех, кто погребен на Свердловском и Маратовском кладбищах. Кроме того, как выявила работа автора с данными ОБД «Мемориал», на стеле приведены также фамилии умерших в эвакогоспиталях Нижнеудинска, Тулуна, Черемхово, Усолья-Сибирского, Слюдянки и похороненных в этих городах. В Списке Артеменко они значились умершими в эвакогоспиталях и похороненными без уточнения места захоронения.

Открытие мемориала было приурочено к 60-летию Октябрьской революции – 4 ноября 1977 г. По решению облисполкома от 25 марта 1985 г. № 149 «Место захоронения воинов, умерших от ран в госпиталях в 1941–1945 гг.» поставлено под государственную охрану как памятник истории местного значения.

К сожалению, как выявила сверка фамилий, высеченных на стеле и плитах, со Списком Артеменко, Книгами учета захороне-

ний и сканами документов ОБД «Мемориал», фамилии и инициалы воспроизведены с множественными искажениями. В сводном списке книги «Иркутские военно-мемориальные некрополи...» приведены результаты исследований автора и сведения на 1 148 человек.

В 2004 г., к 60-летию Победы, по проекту архитектора С. Б. Демкова была выполнена реконструкция мемориального комплекса: изменены пропорции памятного знака «Звезда», заменена центральная стела (теперь имеет прямоугольную форму и облицована темно-красным гранитом). На ней установлено десять плит литого металла с 601 фамилией – они полностью воспроизведены по фотографиям первоначальных мемориальных плит. Таким образом, реконструированный комплекс увековечивает некоторые искаженные, вымышленные фамилии, не принадлежащие погребенным в иркутской земле защитникам Отечества (рис. 1).

Офицерское кладбище, участок № 69. На «офицерском кладбище» участка № 69 за ограждением мемориала установлено 34 офицерских захоронения с 1946 по 1958 г., в том числе военврачей, офицеров МВД и КГБ, рядовых.

Долгое время на этой территории царил хаос запустения. Часть памятников разрушена временем, утрачены таблички. Рядом с ограждением мемориала хорошо сохранился грандиозный памятник вторичного использования из гранита (или лабрадорита) с фотографией и надписью, выгравированной на нижней поверхности – «Здесь покоится подполковник Красильников Николай Яковлевич, 1907–1951. От товарищей». Внешний вид памятника говорит о том, что он был изготовлен в начале XX в. Кроме того, на основании видна надпись: «Буданковъ гор. бойни Еремъев. П. Въ Москвѣ».

С 2012 г. на офицерском участке стали проводиться волонтерские акции иркутской молодежи «Чистая память». Участвовали бойцы поискового отряда «Восточный рубеж» (Иркутский авиатехникум, руководитель И. В. Сеченов) и студенты БГУЭП.

Фамилии офицеров были размещены в Интернете, благодаря этому откликнулись их потомки, которые наконец-то узнали, где похоронены родные. В частности, поступили письма от А. Д. Галушко (г. Бердск) о капитане Д. П. Галушко, В. Волкова (Беларусь) о Т. К. Пашенных, А. Семенова (г. Волгоград) о В. Л. Осипове, М. Гордеевой (Москва) о А. Ф. Томине и др.

Определение исторической нумерации участков Амурского (Дисидинского) кладбища.
Н. С. Пономарева (2009 – 2017 гг.)

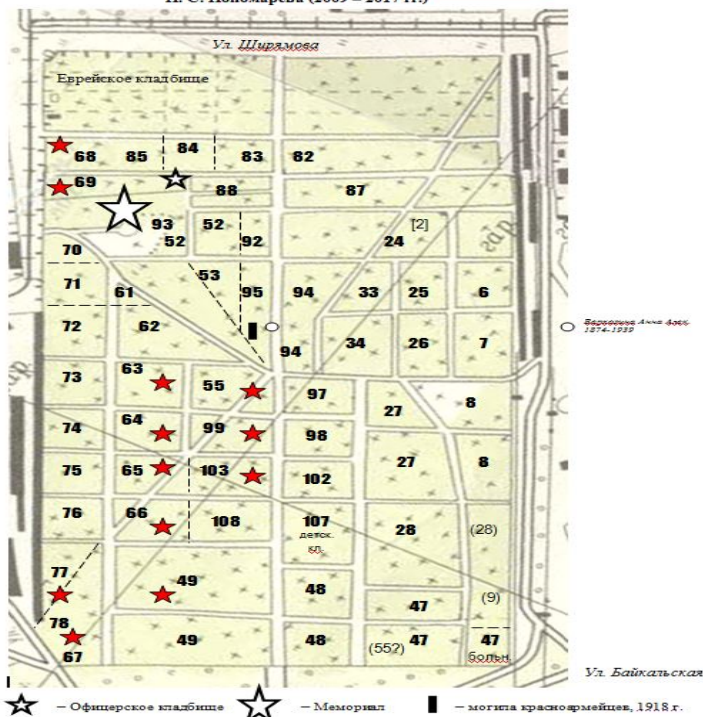

Рис. 1. Схема Амурского кладбища с указанием исторической нумерации участков. Реконструкция Н. Пономаревой. 2009–2013 гг.

9 мая 2015 г. был установлен, а 22 июня был торжественно открыт памятник военнослужащим, похороненным на офицерском кладбище, территория минимально благоустроена. Работы выполнены по инициативе администрации Октябрьского округа (глава Елена Егоровна Войцехович) и муниципального унитарного предприятия «Ритуал», директор Иван Витальевич Слепцов.

Мемориальный участок № 52. На участке № 52 отмечены захоронения с 1950 по 1961 г. Здесь расположены могилы врачей, в годы войны работавших в эвакогоспиталях, офицеров – руководящих работников, деятелей революционного движения, участников гражданской войны в Сибири, декабристов и др.

Врачи: А. Е. Миловзоров (1895–1961, хирург, начальник эвакогоспиталей, организатор органов здравоохранения в области); И. М. Круковер (1892–1960, профессор, доктор медицинских

наук, врач эвакогоспиталей, видный ученый в области отоларингологии), С. П. Сапожков (1874–1952, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор, хирург, доктор медицинских наук, консультант эвакогоспиталей); Н. А. Синакевич (1878–1960, профессор, доктор медицинских наук, ведущий хирург-консультант эвакогоспиталей); В. А. Донсков (1881–1960, профессор, патологоанатом, врач эвакогоспиталя) и др.

Партизаны гражданской войны: И. К. Пичуев (1895–1958, командир 7-го партизанского кавалерийского полка им. Погодаева); Г. Г. Антипин (1895–1958, командир партизанского полка отряда Каландаришвили).

Военнослужащие, офицеры: Д. К. Лытин (1920–1954, Герой Советского Союза); Г. И. Баев (1904–1956, председатель Иркутского областного суда).

Другие известные иркутяне: Е. А. Локуциевская (1868–1961, активистка революционного движения); Х. Л. Каландаришвили (1886–1960, жена командира партизанского отряда Н. А. Каландаришвили), А. И. Марков (1904–1955, заведующий кафедрой горно-металлургического института, доктор технических наук); А. С. Ольхон (Пестюхин) (1903–1950, сибирский писатель и поэт).

Декабристы: А. З. Муравьев (1794–1846), А. П. Юшневский (1786–1844) – их прах перенесен в 1952 г. из места захоронения в с. Большая Разводная, попавшего в зону затопления Иркутского водохранилища.

Мемориальный участок № 53, кладбище авиаторов. На участке отмечены захоронения с 1950 по 1961 г. Здесь расположены групповые захоронения экипажей самолетов, погибших в авиакатастрофах в 1948–1961 гг., всего 49 человек (на памятниках – «крылышки» ГВФ). Это командиры кораблей, вторые пилоты, штурманы, бортрадисты и бортмеханики. Среди погибших в авиакатастрофах – пассажиры: Э. К. Контримович (23 лет, инженер-химик, погибла 18 ноября 1960 г.), М. И. Панкратова (21 года, преподаватель физического воспитания, погибла 4 ноября 1953 г.). Выявлены 23 могилы трагически погибших офицеров, в том числе летчик-истребитель, капитан И. Г. Разумнов (32 лет, погиб 7 марта 1958 г.)

Выводы и предложения

1. Со времени опубликования книги «Иркутские военномемориальные некрополи Великой Отечественной войны, 1941–

1945 гг.» в 2010 г. к автору данной статьи стали постоянными обращения от военкоматов, ветеранских и общественных организаций, архивов, администрации г. Иркутска, граждан (в том числе из других городов России и зарубежья) с просьбой в помощи разыскания захоронений участников войны и родных.

Предложения. Для ориентирования на местности установить у главных входов Амурского кладбища информационные стенды со схемами кладбища и столбы с номерами участков на их границах.

2. В целом состояние Амурского кладбища довольно удручающее, заброшенное. Благодаря исследовательской работе на его территории выявлены мемориальные участки с захоронениями участников войны, военнослужащих, известных людей, сотрудников гражданской авиации, погибших при исполнении служебного долга.

Предложения. Провести благоустройство на участках № 69 (офицерское кладбище), № 68 (частично № 84, 85), № 52 (участок захоронений врачей и др.), № 53 (участок захоронений летчиков и др.).

3. По словам автора проекта обновленного мемориала архитектора С. Б. Демкова, за прошедшие годы выявились дефекты стелы, которые нуждаются в устранении (выпучивание, отслоение облицовочных плит, трещины и др.). Во время очередной реконструкции можно исправить и фактические ошибки, допущенные в фамилиях воинов.

Предложения. На стеле запечатлена 601 фамилия воинов, из них 111 похоронены не на Амурском кладбище (на Свердловском кладбище – 25, на Маратовском – 49, в Нижнеудинске, Тулуне, Усолье-Сибирском, Слюдянке, Черемхово, Зиме – 36). Эти фамилии можно исключить, так как и в Иркутске, и других городах сооружены местные мемориалы. В другом случае оставить фамилии на стеле с указанием действительного места захоронения. Кроме того, надо внести 98 вновь выявленных фамилий воинов, похороненных именно на Амурском кладбище. При этом надо иметь в виду, что и на мемориальных плитах, расположенных на мемориальной «зеленой» зоне, имеются многочисленные ошибки, которые также нуждаются в исправлении. Все данные приведены в книге Н. Пономаревой «Иркутские военно-мемориальные некрополи».

В целом места воинских (и многих гражданских) захоронений в виде заросших холмиков безымянны, без каких-либо памятников и табличек. Установление персоналий возможно путем тщательного пересчета ряда и могилы на участке кладбища.

Воинские захоронения на Свердловском кладбище

Участок под Свердловское (Ново-Глазковское) кладбище был отведен в конце 1930-х гг. на свободной территории южнее жилой застройки. С 1940 г. рядом с границей кладбища начались работы по организации Иркутского ботанического сада [11]. С 1938 г. фиксируются захоронения в Книгах учета захоронений. С началом Великой Отечественной войны на Свердловском кладбище производились погребения военнослужащих, умерших в иркутских эвакогоспиталях, на участках № 2, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15. Исторического плана с указанием нумерации участков не сохранилось, хотя на плане г. Иркутска 1972–1988 гг. имеется частичное деление на кварталы.

Наибольшее количество захоронений приходится на 1942 г. – 63, далее в 1943 г. – 9, в 1944 г. – 5, и последнее зафиксировано 29 мая 1945 г. С июня по октябрь 1945 г. похоронено четверо военнослужащих из различных воинских частей, в том числе из подразделений НКВД. Всего на Свердловском кладбище учтено 92 захоронения военнослужащих.

В 1950–1960-х гг. южная часть Свердловского района активно застраивается. В начале 1950-х гг. в связи со строительством Иркутской ГЭС от ст. Иркутск – Пассажирский прокладывается новая ветка железной дороги – ст. Мельниково, Кая и др., почти охватывая территории ботанического сада и Свердловского кладбища. С севера и северо-востока к его границам подступает развивающийся Студгородок. В середине 1964 г. массовые захоронения на этом кладбище были прекращены [12]. По оценке А. В. Дулова, за годы его функционирования здесь было совершено 20–30 тыс. погребений [7, с. 112].

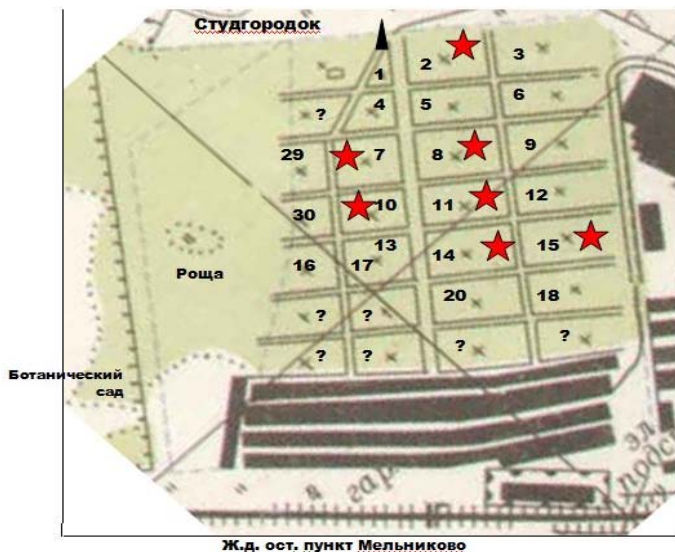
В 2005 г. одна из иркутских строительных компаний получила у городских властей земельный участок под строительство жилого комплекса в непосредственной близости от границы захоронений. При этом были нарушены санитарные нормы. Усилиями жителей, журналистов и общественности надругательство над местом упокоения было предотвращено. Большое значение в решении этого вопроса имело то, что инициативная группа граждан предоставила список воинов, похороненных на кладбище, который по материалам ГАИО подготовил кандидат исторических наук Ю. П. Колмаков. Кроме того, на кладбище имеются могилы знаменитых людей, таких как писатель и общественный деятель И. И. Молчанов-Сибирский, драматург П. И. Малярев-

ский, первый директор ботанического сада ИГУ П. И. Малиновский, геологи.

По предложению Иркутского городского совета ветеранов на центральной аллее кладбища в ноябре 2008 г. был установлен памятный знак защитникам Отечества, умершим в эвакуогоспиталях областного центра. На памятной стеле, выполненной по проекту архитектора С. Б. Демкова, запечатлено 63 фамилии. По Книгам учета захоронений и ОБД «Мемориал», как сказано выше, выявлено 92 фамилии.

Историческая нумерация участков установлена благодаря натурным изысканиям автора данной статьи и ветерана Российской армии Е. П. Шатько (г. Хабаровск) в 2016 г., а также архивным исследованиям по Книгам учета захоронений в течение 2018 г.

В 2019 г. по инициативе администрации Иркутска впервые на Свердловском кладбище был проведен субботник по очистке территории с привлечением специалистов горзеленхоза и 150 волонтеров – студентов учебных заведений (рис. 2).

Памятник советским воинам, умершим в иркутских эвакуогоспиталях и похороненных на Свердловском кладбище в 1942-1945 гг. Установлен в 2008 г.

Захоронения советских воинов, умерших в иркутских эвакуогоспиталях и похороненных в 1942-1945 гг.

Рис. 2. Схема Свердловского кладбища с указанием исторической нумерации участков. Реконструкция Н. Пономаревой. 2009–2013 гг.

Предложения

1. Продолжить санитарную очистку территории.
2. Для ориентирования на местности установить у главного входа Свердловского кладбища информационные стенды со схемой кладбища и столбы с номерами участков на их границах.
3. Благоустроить места захоронений И. И. Молчанова-Сибирского, П. Г. Маляревского, П. И. Малиновского.

Воинские захоронения на Маратовском кладбище

В Знаменском предместье, в 1920 г. переименованном в Маратовское, существовало несколько кладбищ. С 1888 г. по решению городской думы был отведен участок для захоронений военнослужащих, умерших в Иркутском военном госпитале [13]. Особенно много захоронений производилось во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., а также во время Первой мировой войны, когда в Иркутске находились на излечении раненые с мест боевых действий [14]. Исчерпавшее свои возможности в 1923 г. воинское кладбище было закрыто, пришло в запустение, и в середине 1940-х гг. эту площадь отвели под застройку жилыми домами частного сектора [15].

Маратовское кладбище, называемое еще и Радищевским, по сведениям историка Н. Г. Торшиной, было образовано после закрытия Знаменского, Рабоче-Слободского и военного кладбищ в конце 1920-х гг. [17]. Однако на типографских планах г. Иркутска 1929–1930, 1934, 1940 гг. Маратовское кладбище не указано, отмечено лишь Воинское кладбище. По Книгам учета захоронений, погребения на Маратовском кладбище фиксируются с 1939 г.

Во время Великой Отечественной войны на этом кладбище хоронили воинов, умерших в военном госпитале № 325. Он являлся головным госпиталем Забайкальского военного округа. Сюда на лечение поступали в подавляющем большинстве военнослужащие запасных частей так называемого местного гарнизона – они не были участниками военных действий. С августа 1945 г., после объявления войны с империалистической Японией, принимали раненых с Восточного фронта военный госпиталь № 325 и эвакогоспиталь № 1220, располагавшийся до апреля 1946 г. в школе № 1 по адресу ул. Рабочая, 21.

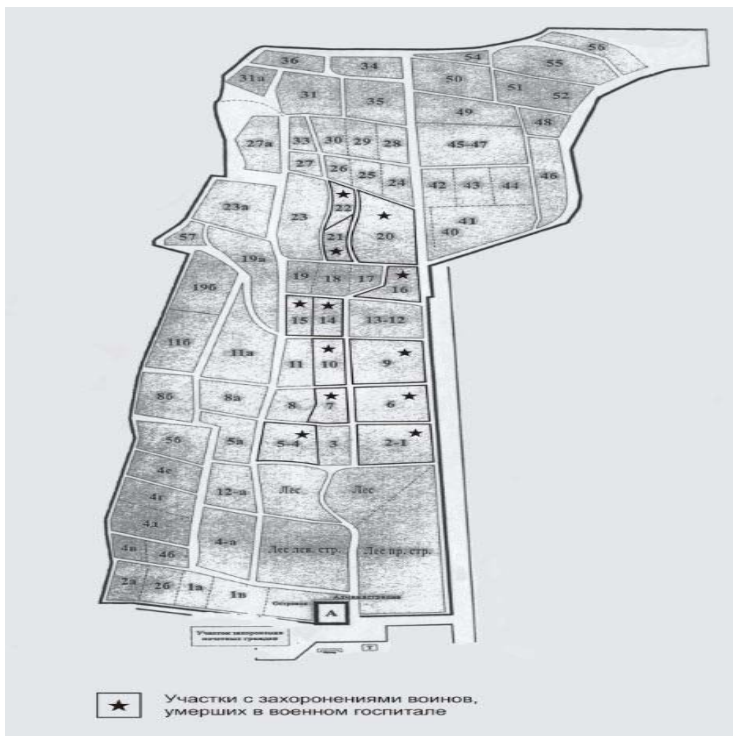

Рис. 3. Схема Маратовского кладбища с указанием исторической нумерации участков. Реконструкция Н. Пономаревой. 2009–2013 гг.

Маратовское кладбище является действующим, его площадь за время существования увеличилась в несколько раз, и значительно изменилась его конфигурация. Имеется план с сохранившейся исторической нумерацией участков (рис. 3). В 1941–1945 гг. захоронения военнослужащих были произведены на участках № 1, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 16, 20, 21, 22, а также на площадке, называемой «Военно-госпитальный участок». Всего похоронено 147 военнослужащих, из них – 93 из военного госпиталя № 325 п/я 32; остальные – из военного госпиталя, номер которого не указан (вероятно, того же № 325).

По сведениям руководителя поисковых отрядов И. В. Сеченова, на территории Маратовского кладбища в 1939 г. похоронены трое участников боевых действий на Халхин-Голе. Их места

захоронений не определены. Вероятнее всего, это участки № 1 и 2, созданные при основании кладбища.

В 2015 г. при входе на Маратовское кладбище по инициативе предприятия по изготовлению памятников сооружен небольшой мемориальный знак. На нем изображение советского солдата, которое не выдерживает никакой критики. Позднее добавлены черные долеритовые плиты с фамилиями ветеранов Великой Отечественной войны, похороненных в разные годы на данном кладбище.

Предложение. Установить памятную стелу со 147 фамилиями советских воинов, умерших от болезней в военном госпитале № 325, и 3 фамилиями участников боев на Халхин-Голе.

Заключение

Территории недействующих Амурского и Свердловского кладбищ, для которых существует ограничение в виде запрета на новые захоронения, по статусу относятся к мемориальным некрополям. Это места вечного покоя иркутян, требующие и масштабных исследований, и бережного отношения к отеческим могилам – они нуждаются в государственной заботе со стороны городской администрации и путем привлечения волонтерских отрядов способствуют патриотическому воспитанию граждан, в том числе молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАНИИО. Ф. Р-393. Оп. 6. Д. 329; Ф. Р-3374. Оп. 2. Д. 1.
2. Колмаков Ю. П. Эвакогоспитали Иркутска в годы Великой Отечественной войны // Земля Иркутская. 2004. № 1 (24). С. 44–47.
3. Горощенова О. А. Дислокация и специализация госпиталей Иркутской области в 1941–1945 гг. // Земля Иркутская. 2005. № 1 (27). С. 39–41.
4. В ГАИО фонд Р-3445 «Архивная коллекция книг учета захоронений на кладбищах г. Иркутска» содержит дела постоянного хранения за 1938–1991 гг. (оп. 1, д. 1–46).
5. Пономарева Н. С. Военные захоронения Великой Отечественной войны на кладбищах Иркутска // Иркутский мемориал: исследования и реконструкция. Иркутск, 2014. С. 178–193.
6. Изв. Иркут. гор. думы. 1888. № 19, окт. С. 133.
7. Дулов А. В. Городские некрополи // Памятники истории и культуры Иркутска / сост. А. В. Дулов. Иркутск, 1993.
8. Салацкий Н. Ф. О былом как было: записки председателя горисполкома. Иркутск, 1992. С. 178–188.
9. Соколов Л. ...Это нужно живым // Сов. молодежь. 1976. 3 дек. С. 2.
10. Салацкий Н. Ф. О былом как было: записки председателя горисполкома. С. 187–188.

11. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., авт. предисл. и примеч. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 692.
12. ГАИО. Ф. Р-3445. Оп. 1. Д. 1–46.
13. Известия Иркутской городской думы. 1888. № 19. С. 133.
14. Гарашенко А. Н. Мир праху твоему, иркутянин // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 42–43.
15. Колмаков Ю. П. Захоронения на территории Иркутска (1917–1940) // Земля Иркутская. 2006. № 3 (31). С. 31.
16. Торшина Н. Г. Краткие исторические сведения о некоторых кладбищах Иркутска (материалы исследований 2003 г.) // Иркутский мемориал: исследования и реконструкция. Иркутск, 2014. С. 149.

Илья Олегович Подковенко

Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Россия

ОЛЬШАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ПРАГЕ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. Рассматриваются история и устройство крупнейшего пражского мемориального комплекса, значение русского кладбища на территории комплекса, а также проблемы его сохранения на современном этапе.

Ключевые слова: кладбище, Ольшанское кладбище, Ольшанский мемориальный комплекс, русское кладбище, русские захоронения, русские иммигранты.

Ilya O. Podkovenko
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

OLSHANSKY CEMETERY. HISTORY ANDS PROBLEMS

Abstract. The article is devoted to the systematization of the history and structure of the largest Prague memorial complex, the role of the Russian cemetery in the complex, burial grounds and problems that the Russian cemetery is experiencing today.

Keywords: cemetery, Olshansky cemetery, Olshansky memorial complex, Russian cemetery, Russian graves, Russian immigrants.

История Ольшанского кладбища в Праге началась в конце XVII в., после очередной вспышки чумы, когда понадобились новые территории для захоронения. С 1796 г. кладбища стало работать на постоянной основе.

В 1835 г. возникает система, помогающая ориентироваться на растущем кладбище, – каждый новый участок помечался римской цифрой. На сегодняшний день Ольшанский некрополь содержит на своей территории двенадцать кладбищ, среди них – чешское, еврейское (на котором покоится Франц Кафка) и православное.

Последний появился здесь благодаря трудам священника Николая Рыжкова, который в 1905 г. перенес на территорию кладбища останки русских офицеров, погибших в 1813 г. в ходе Дрезденского и Кульмского сражений. Чуть позже был отреставрирован памятник «Храбрым русским воинам».

Русское православное кладбище Ольшанского некрополя росло в связи с появлением белой эмиграции после Гражданской войны. Появилась необходимость увеличения его территории

В 1923 г. эту территорию выделяют, а также начинают строительство каменного храма Успения Божией Матери. Большую сумму на строительство храма и укрепления славянского единства выделил женатый на русской дворянке, урожденной Хлудовой, премьер-министр Чехословакии К. Крамарж. На пятьдесят лет новая территория кладбища выделяется под символическую сумму в сто крон в год. Также надо отметить помощь в обустройстве кладбища королевства Сербского. Помимо финансовой помощи, король Александр I Карагеоргиевич пожаловал 5 колоколов для церковной звонницы. Почти все строительство церкви шло за счет безвозмездного труда как русских строителей и добровольцев, так и чешской фирмы-подрядчика, которая брала деньги только за материалы.

В 1926 г. чешский ландшафтный архитектор К. Машек предложил обустроить кладбищенский пустырь под русский стиль. Вскоре были разбиты аллеи, крестообразно расходящиеся от храма, и параллельные «улучки», везде высажены деревья, характерные для северо-западных областей России. Особенно много посажено берез и кленов.

Над убранством фасада и эскизами внутренней росписи работал всемирно известный художник Иван Билибин, живший в Париже. Иконостас в стиле древнерусской иконописи XIV–XV вв. по эскизам и под руководством И. Билибина выполнил К. Катков в сотрудничестве с княгиней Н. Яшвилей, автором вышивки хоругви Ольшанского храма. Эскизы росписи стен и сводов храма Билибин создавал в течение нескольких лет, и эту работу оплачивал американский меценат Ч. Крейн. Но они не были реализованы и хранились в пражском Кондаковиануме вплоть до 1940 г. Во время войны, с 1941 по 1945 г., по этим эскизам храм был расписан группой художников-энтузиастов под руководством Т. Косинской.

На Ольшанском погосте покоятся десятки известных деятелей российской истории и культуры, тысячи простых людей. Среди похороненных здесь:

- Тросков Турн-Таксис, полковник царской армии, герой турецкой, японской кампаний, участник I Мировой, потерявший в Гражданскую войну пятерых сыновей-офицеров;
- Е. Лазарев, народоволец, герой одного из рассказов В. Короленко;
- Г. Васильев, личный парикмахер всех чехословацких президентов с 1918 по 1963 г.;
- М. Васнецов, астроном, математик, протоиерей, сын известного русского художника В. Васнецова;
- беллетристы А. Аверченко, В. Немирович-Данченко, Е. Чириков, Д. Ратгауз, Е. Федоров;
- историки А. Кизеветтер, С. Постников;
- П. Новгородцев, выдающийся правовед;
- В. Францев, академик;
- генералы Н. Львов, Н. Бибиков, И. Андрусов, С. Воронин и другие, адмирал Г. Пальчиков, донской атаман В. Налетов;
- Н. Марков, начальник личной охраны президента Т. Масарика;
- князь Святополк-Мирский и княгиня Голицына;
- основатель партии кадетов И. Петрункевич, последний московский городской голова Н. Астров;
- генерал Чешского легиона Гайда Радола и Национальный Герой Чехословакии генерал К. Кульварш, организатор Чехословацкого войска на Руси, руководитель антигитлеровского подполья, приговоренный в 1948 г. к пожизненному заключению;
- вдова генерала Брусилова, графиня С. Толстая.

Отдельная часть кладбища посвящена красногвардейцам, погибшим в боях за Прагу в 1955 г. Общее число советских воинов составляет четыреста двадцать девять человек. Кажется, здесь переплетена вся военная история России, ведь на том же самом кладбище находится и мемориал Русской освободительной армии, которая поддержала чехов в восстании против немецких войск весной 1945 г. до прихода сил красных. Местные жители не стали разбираться в перипетиях взаимоотношений русских воинов, почтив память всех умерших.

Сегодня у русского кладбища Ольшанского некрополя большая проблема в виде оплаты аренды. Времена, когда власти Чехии охотно помогали за идею славянского братства, прошли. С 2007 г. правительство России стало выплачивать долги за исполь-

зование кладбищенской земли за рубежом. В основном это касается захоронений во Франции.

Ольшанское кладбище такой помощи не получает. За ним стараются приглядывать различные организации, такие как «Белое Дело» или «Русская традиция». Последняя весной этого года организовала срочный сбор средств для оплаты аренды, которая составляет примерно 120 евро в год за одну могилу. На 22 марта было собрано чуть меньше половины суммы.

Также эта организация проводит большую работу по сохранению русской культуры за рубежом, издает журнал «Русское слово», печатает книги, проводит научно-практические конференции и ухаживает за кладбищами. Все это проводится усилиями и средствами ее членов, а также с помощью грантов от чешского правительства. С должностными лицами Российской Федерации они никак не взаимодействуют.

Сейчас под угрозой перезахоронения находятся останки: Немировича-Данченко Василия Ивановича – писателя и журналиста (из казачьего дворянского рода; старший брат известного драматурга и одного из основателей МХТ/МХАТа – Владимира Ивановича Немировича-Данченко); Иностранцева Михаила Александровича – генерал-майора армии Колчака; донского казака генерал-майора Старикова Т. М., командира «Молодой» дивизии Донской армии в период Атамана Краснова П. Н., а впоследствии – командира Донской конной бригады и др.

Вопрос сохранения кладбища стоит очень остро. На нем похоронены видные политические, военные, культурные и научные деятели России – цвет дореволюционной интеллигенции. Однако на слуху если и появляется что-то о зарубежных захоронениях русских иммигрантов и военных, почему-то вспоминают только французское Сент-Женевьев-де-Буа. Сейчас необходимо развивать темы русских кладбищ за рубежом, освещать в СМИ и искать спонсоров, так как финансовый вопрос для многих из них стоит крайне остро. Также необходимо налаживать взаимодействие с зарубежными организациями, занимающимися русской культурой и некрополями, дабы иметь возможность действовать непосредственно на местах и оперативно решать возникающие задачи.

Научный руководитель: Маджаров Александр Станиславович

ЛИТЕРАТУРА

1. Жоголев А. Русское кладбище в Праге [Электронный ресурс] // Благовест. – 2005. – URL : http://xn--80aaaabhgr4cps3ajao.xn--p1ai/-public_page_8657.

Владимир Иванович ТАРАСОВ
Иркутская областная детская школа искусств
г. Иркутск, Россия

РОЛЬ М. В. СИБИРЯКОВА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ГОРОДСКОГО ИЕРУСАЛИМСКОГО КЛАДБИЩА И ПЕРВОЙ КЛАДБИЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация. Основываясь на содержании архивных документов, большинство из которых рассмотрено впервые, можно определить реальные результаты деятельности городского головы М. В. Сибирякова при организации Иерусалимского кладбища. Дополнительно даются сведения по внешнему облику Входа-Иерусалимской церкви и о наличии при ней колокольни.

Ключевые слова: вклады на строительство, ссыльные и колодники, смотрители, недостроенная кровля, ремонтные работы, колокола, колокольня.

Vladimir I. Tarasov
Irkutsk Regional Children's Art School
Irkutsk, Russia

The ROLE OF M. V. SIBIRYAKOV IN THE CONSTRUCTION OF THE CITY OF JERUSALEM CEMETERY AND THE FIRST CHURCH CEMETERY

Abstract. Based on the content of archival documents, most of which are considered for the first time, it is possible to determine the real results of the mayor M. V. Sibiriyakov in the organization of the Jerusalem cemetery. In addition, information is given on the appearance of the first Entrance-Jerusalem Church and the presence of the bell tower.

Keywords: contributions to construction, exiles and wells, caretakers, unfinished roof, repairs, bells, bell tower.

Строительство Входа-Иерусалимской церкви, по названию которой получили свои наименования и кладбище, и возвышенность для него определенная, было начато и завершено в трехлетие правления (1793, 1794, 1795 гг.) иркутского городского головы М. В. Сибирякова.

Личность и деятельность Сибирякова оставили яркий, но весьма противоречивый след в истории г. Иркутска и Иркутской губернии. Справедливость такой оценки еще раз подтверждают и архивные документы по устройству городского Иерусалимского кладбища и строительству Входа-Иерусалимской церкви. Существуют несколько различающиеся оценки степени участия Сибирякова в организации и обеспечении строительства Входа-Иерусалимской церкви, прошедшего в довольно короткие сроки (чуть больше двух лет). Так, в монографии И. В. Калининой «Православные храмы Иркутской епархии XVII – начало XX века» сообщается, что «первую каменную церковь на городском

Иерусалимском кладбище *заложили на средства иркутского купца М. В. Сибирякова* 11 сентября 1793 г. и освятили 11 ноября 1795 г.» [6, с. 115]. А. Н. Гарашенко в подробном исследовательском труде «Иркутский исторический некрополь: Иерусалимское кладбище» отмечает, что «*постройка была осуществлена тщанием иркутского купца М. В. Сибирякова*» [5, с. 103].

Документы из фондов Государственного архива Иркутской области (далее – ГАИО) позволяют более конкретно определить степень участия именитого купца в строительстве церкви и кладбища, а также расширить круг связанных с ними событий.

Основной ряд документов, касающихся работ по устройству кладбища и начала строительства кладбищенской церкви, уже исследован А. Н. Гарашенко. Им же сделан вывод, что городской голова оперативно отреагировал на «изустное» указание наместника от 28 июля 1793 г. и именно с этого момента начались все организационные хлопоты городского головы М. В. Сибирякова.

В то же время уже с 7 июня 1793 г. – это дата выдачи книги для записи вкладов на строительство церкви – мог проводиться сбор денег от «доброхотодателей» (известно имя одного такого вкладчика: иркутский мещанин Плюснин внес 15 руб. по поручению крестьянина Гандюхина 18 июня 1793 г. [1, л. 1–1 об.]). Книга эта пока не обнаружена, и имена других вкладчиков и размеры их взносов неизвестны, не подтвержден документально и факт участия во вкладах самого М. В. Сибирякова.

Существует только выписка из книги, в которой сказано: «В подписке доброхотодателями, исключая приложенные в колокола 150 руб., которые в натуре колоколами и поступили, всего 3011 руб. 10 коп. В то число не отданных и не полученных от некоторых прикладчиков по книге 212 руб. 50 коп. Затем собрано 2798 руб. 60 коп. Золота листового прикладного же 4000 листов». Сюда же прибавлены 47 руб., выплаченные за купленных взамен павших быков лошадей. Всего 2845 руб. 60 коп. [1, л. 36].

Таким образом, до закладки церкви уже имелся определенный капитал от «доброхотных дателей», и М. В. Сибиряков мог быть далеко не единственным вкладчиком. (Дополнительно можно отметить, что в заголовке «Росписи прихода и расходов денег по строительству» городской голова М. В. Сибиряков назван только «*создателем той церкви*» [1, л. 36].)

Более того, к 28 июля городской голова мог иметь представление и об объеме денежных средств, необходимых для строительства, и о возможности покрытия недостатка их за счет средств городской думы и использования труда ссыльных и колодников.

Хронология событий до начала строительства церкви и обустройства кладбища пока выстраивается таким образом:

7 июня 1793 г. – дата выдачи книги для записи вкладов на строительство церкви и возможное начало сбора денег и других вкладов от «доброхотодателей». (Нужно отметить, что книга выдана от Иркутской духовной консистории. То есть решение о строительстве церкви уже имелось или предполагалось.)

28 июля 1793 г. – изустное повеление Ивана Алферьевича Пиля об устройении городского кладбища [1, л. 2]. Место вымерено под наблюдением правителя иркутского наместничества Лариона Тимофеевича Нагеля, отведено в присутствии его превосходительства (И. А. Пиль) городскому голове и бывшему при том гласному Исаеву.

30 июля 1793 г. – заведено дело по резолюции Иркутской Градской думы о «зделании на кладбище ограды».

11 августа 1793 г. – обращение Сибирякова к правителю Иркутского наместничества Лариону Нагелю, в котором он сообщил, что уже «испросил от его преосвященства разрешение на постройку каменной церкви. И припасы к строению оной заготовляются. Но городьбу кладбища почитаю я просить сделать из земляного рва и вала, но без позволения и пособия вашего не имею и не могу» [1, л. 3]. «Позволение» со стороны правителя наместничества заключалось в разрешении на расходование городских доходов, а «пособие» – в содействии в использовании труда колодников и ссыльных, находившихся в Иркутском тюремном замке.

19 августа 1793 г. – ордер от Нагеля [1, л. 4] по организации препровождения ссыльных (работали за плату) и колодников (работали «на пищу») к месту работы. Препровождение колодников (числом до ста) и их охранение возлагались на городничего Кондратова и выделяемого от тюремного замка капрала. Требуемое на каждый день число колодников выделял дежурный офицер, он же принимал их от капрала по вечернему возвращению с работ.

19–24 августа 1793 г. – подбор смотрителей за работами [1, л. 5–6]. Гласные от городской думы из числа не занятых в других должностях были М. В. Сибиряковым забракованы как «люди не воздержанные, не берегущие о своем звании», и которые «всегда в пьянстве обращаются». По этой причине выбор смотрителя был поручен ремесленному голове со старшинами. Так, смотрителем работ стал мастер от иркутского цехового общества Шишелов, за установление и распоряжение при «кладже» (кладке церкви) ему было определено в плату 45 руб. [1, л. 37 об.].

Изучение расходной части документа.

По итогу в расход употреблено 4 262 руб. 28 $\frac{3}{4}$ коп. Расчистка вокруг ограды на кладбище мелкой лесной поросли и ограничение сохой обошлось в 4 руб. Ворота и мост через ров – 16 руб. Основная часть расходов пришлась на постройку церкви: на стройматериалы и их перевозку; на оплату мастеров-ремесленников: кладка стен из кирпича; каменные, кузнечные и слесарные работы. Сюда же можно отнести и работу резчиков, иконописцев, ювелиров. («За дело деков, и за написание на оных святых образов; также царских и пономарских врат – 112 руб. За дело иконостаса – 156 руб. 70 коп. К освящению церкви за покупку разных вещей, принадлежащих к тому, также и на другие церковные потребности с присовокуплением и за листовое золото – 170 руб. 77 $\frac{1}{2}$ коп.»). На всех видах вспомогательных и не требующих особых навыков работ применялся труд ссыльных (15 чел. при строительстве церкви) и колодников, что, конечно, удешевляло строительство. Но участие их в кладке стен имело негативные последствия. Для «поспешествования клажи» также устраивались «помочи», на закупку вина, пива, кваса, говядины, рыбы и калачей, для которых в расходе показано 214 руб. 3 коп.

Итак, сверх поступивших в приход прикладных денег издержано в расход из думы 1416 руб. 68 $\frac{3}{4}$ коп. (почти весь наличный (за вычетом вексельных сумм) трехлетний доход г. Иркутска за 1790, 1791, 1792 гг., переданный Сибирякову городским головой Ильей Сизых, – 1538 руб. 82 коп.) [1, л. 36 об. – 37 об.].

Сравнение доходной и расходной частей документов вызывает вопросы даже без привлечения арифметических расчетов. Так, в доходной части листовое сусальное золото записывается количеством листов, а в расходной – уже деньгами, да еще и с приплюсовкой на покупку церковной утвари. Вызывает недоуме-

рие и объем расходов на «помочи», соотносимый с затратами на внутреннюю отделку церкви.

Церковь была сданна с недостроенной кровлей (и кровельные работы возобновлялись, по утверждению М. В. Сибирякова, уже по истечении срока его трехлетия [видимо, летом 1796 г.]) [2, л. 1 об.]. Таким образом, результаты его *тищания* были по факту весьма сомнительными.

Мало того, уже на следующий год 8 сентября 1797 г. иркутская городская дума рассматривала вопрос о неспособности отправления в той церкви в зимнее время службы (из-за отсутствия исправных печей и неисправности кровли от «происходимой от дождей течи и мокроты на сводах») [2, л. 2]. Ремонтные работы, проведенные в ноябре 1797 г., обошлись тогда в 156 руб. 40 коп., выделенных купеческим гильдейским обществом из «трактаменных сумм» и разложенных впоследствии на все городское общество [2, л. 2 об. – 4 об.]. Тут нужно отметить, что при строительстве церкви на устройство кровли затрачено 72 руб. 40 коп., а на кладку печей – 18 руб. [1, л. 37].

1 июля 1799 г. гласный Андрей Нечаев докладывал в думу о разрушении опорного столба и текущей по нему влаге. 24 сентября того же года городским головой Петром Авдеевым вновь рассматривался вопрос о неисправностях кровли и трещинах в опорных столбах и сводах. На ремонт кровли и столба выделено 50 руб. [2, л. 1–2 об.].

Известны также документы о ремонтах в церкви в 1805 г. [3, л. 7 об.].

Низкое качество кровельных работ (и, возможно, дефекты при кладке сводов) явно повлияло на последующее быстрое разрушение кладбищенской церкви и имевшейся на ней колокольни.

Вопрос о колокольне требует отдельного рассмотрения. В известных на сегодняшний день публикациях факт ее наличия отрицался.

Так, И. В. Калинина указывает, что здание церкви было одноэтажное, одно-придельное, *без колокольни* [6, с. 115]. А. Н. Гарщенко также отмечает, что церковь была каменная, одноэтажная, имела один престол во имя Входа в Иерусалим Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; *без колокольни* [5, с. 103]. Возможно, эти сведения относятся к более позднему времени и фик-

сируют один из самых заметных результатов постепенного разрушения первой кладбищенской церкви.

Несомненно, наличие при церкви колокольни и колоколов предполагалось изначально. И это имеет свое подтверждение в документах. Так, уже на стадии сбора средств «доброхотнодателями» поступили «в натуре» колокола, оцененные в 150 руб. [1, л. 32].

В расходной части книги также показано: «За железо на связи под колокола и сверх того на болты и на языки колоколам 17 пуд 32 фунта по 3 руб за пуд – 53 руб. 43 коп.» [1, л. 32 об.]. Прямым текстом наличие колокольни отмечено в «Книге, данной из Иркутской градской думы гласному Алексею Ферферову, определяемого вместо старосты быть при градоиркутской Входа-Иерусалимской кладбищенской церкви, на записку прихода и расхода церковного денежного и вещевого на 1805 г.», в которой сообщается о ремонтных работах и литье новых колоколов.

«Вольнопропитанному посельщику Василию Михайлову Коровницыну за починку на колокольне и под ней, под кровлей и в окнах поврежденных мест» [3, л. 7 об.], Федору Леонтьеву Иванову «за сделание языка к двадцати трех пудовому колоколу в коем весу 44 фунта» [3, л. 11 об.], «казаку Кузьме Тимофееву за покупные у него веревки для привязания колоколов и звониния весу за тридцать фунтов каждой – 3 руб.» [4, л. 15 об.], «иркутскому цеховому Александру Унжакову за литье 3 колоколов весу за 14 пуд из готовой меди в разбитых: 2 колокола – 4 пуда 2 фунта, да прикладной красной и зеленой меди и олова от разных боголюбцев – 4 пуда 1 фунт, и прикладные его медь и олово 7 пудов 7 пуд – 240 руб.» [3, л. 16 об.], «Федору Леонтию Иванову за зделание языка к 23-пудовому колоколу – 13 руб. 20 коп.» [4, л. 11 об.].

Опись церковного имущества 1805 г. фиксирует итоговое число: «На колокольне 6 колоколов: 1-й – 23 пуд 7 фунт (в декабре 1809 г. – расколот), 2-й – 10 пуд 35 фунт, 3-й – 2 пуд 30 фунт, 4-й – 35 фунт, 5-й – около 35 фунт, 6-й – около 3 пуд 20 фунт.» [4, л. 15 об.]. В «Деле о Иерусалимской церкви. Со счетами за 1808–1809 и 1810 гг.» говорится о наличии в ноябре 1809 г. на колокольне семи колоколов и о неисправности одного из них [4, л. 69–69 об.].

Таким образом, наличие колокольни зафиксировано на период 1795–1810 гг. А дату возможной и вполне вероятной ее утраты еще предстоит установить.

Что касается оценки личных заслуг М. В. Сибирякова в строительстве Выходо-Иерусалимской церкви, то, на наш взгляд, она не может быть однозначной. И это видно из приведенных выше документов. Ведь любое реальное дело складывается в окружении объективных и субъективных факторов. Но в данном случае печальный, если не сказать – плачевный, результат *тщания создателя, на средства которого была заложена церковь*, был предопределен на стадии устройства кровли. Или даже намного раньше – при определении способа экономии средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАИО. (Государственный архив Иркутской области) Ф. 70. Оп. 1. Д. 146.
2. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 216.
3. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 413.
4. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 500.
5. Гарашенко А. Н. Иркутский исторический некрополь: Иерусалимское кладбище. Иркутск : ООО НПФ «Земля Иркутская» : Оттиск, 2016. 463 с.
6. Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии XVII – начало XX века. М. : Галарт, 2000. 495 с.

Сергей Владимирович КАРАСЁВ

Иркутский национальный технический университет
г. Иркутск, Россия

Виктор Владимирович КУЗНЕЦОВ

Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия

О ЗАХОРОНЕНИЯХ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

Аннотация. Рассматриваются вопросы захоронения японских военнопленных, оказавшихся на территории Читинской области после Советско-японской войны 1945 г. Представляется общее число этих военнопленных и число умерших. Раскрываются требования к организации и содержанию мест захоронений. Кроме этого, рассматриваются некоторые трудности, связанные с содержанием захоронений японских военнопленных.

Ключевые слова: военнопленные, захоронения, кладбища, СССР, Чита, Япония.

Sergey V. Karasyov

Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russia

PROBLEMS OF PRESERVATION OF JEWISH CEMETERIES
IN THE TERRITORY OF IRKUTSK REGION

Abstract. In the article the questions of the burial place of Japanese prisoners of war caught in the territory of the Chita region after the Soviet-Japanese war of 1945 Appears to be the total number of these prisoners of war and the number of deaths. The requirements to the organization and maintenance of burial places are revealed. In addition, some difficulties related to the maintenance of graves of Japanese prisoners of war are considered.

Keywords: cemeteries, Chita, prisoners of war, graves, Japan, USSR.

Наиболее тяжелым последствием плена для японских военнопленных, их родных и близких стали многочисленные людские потери вследствие болезней, голода и других причин.

Сложной проблемой российско-японских отношений являются различия в подходах к оценкам потерь японцев в советских лагерях. Большинство противоречий связано с многолетним молчанием Советского Союза по этому вопросу и явным занижением количества умерших и мест захоронений.

Для японцев совершенно не понятна и та методика, которой пользовались в СССР при подсчете погибших военнопленных и количества кладбищ. До недавнего времени на все вопросы японской стороны из СССР отвечали: в советском плену погибло 3 975 японских военнопленных, которые были похоронены на 26 кладбищах [5, с. 169].

Существовавшая в СССР практика учета и содержания действующих кладбищ привела к тому, что на территории Читинской области, которая долгое время была закрыта для посещения иностранцами, официально существовало три места захоронения японских военнопленных¹.

Современные подсчеты российских исследователей свидетельствуют, что на территории СССР в плену умерло 61 855 японских военнопленных [3, с. 68]. Несомненно, эта цифра не окончательная. Поставить точку в этом вопросе можно будет только после изучения более полного перечня документов, хранящихся в архивах.

¹ По материалам архива РУ ФСБ РФ по Читинской области.

Учет мест захоронений японских солдат на территории Читинской области был организован с 1947 г.², а ведь хорошо известно, что именно 1945 и 1946 гг. унесли наибольшее число японских солдат, находившихся в плену в СССР. Еще живы воспоминания о сожжении умерших пленных по японской традиции, но неизвестно, были ли учтены все они в общем числе умерших в СССР.

Попытка восстановить схемы, определить точное место захоронений военнопленных в России по воспоминаниям очевидцев была предпринята Управлением по делам помощи жертвам войны министерства здравоохранения и благосостояния Японии [11]. В результате этой работы были составлены 322 схемы мест захоронений японских военнопленных. Однако только немногим более 25 из них являются достоверными [5]. Так, например, при работе с планом кладбища 8-го лагерного отделения лагеря № 32 (план находится в архиве ГУИН по Иркутской области), который был составлен начальником этого отделения совместно со старшим инженером по учету 1 июня 1948 г., выявились несоответствия как по количеству мест захоронений, так и по их расположению.

18 апреля 1991 г. в Токио было подписано «Соглашение между Правительством Японии и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных». По этому соглашению Правительство СССР обязалось предоставить Правительству Японии ранее не переданные по официальным каналам списки умерших японцев. В этих списках предусматривалось указывать фамилию, имя, отчество и место рождения или приписки, дату, место и причину смерти, а также место захоронения. Японская сторона просила оказать помощь в передаче ей останков умерших японцев, если это возможно. Все расходы по эксгумации и передаче указанных останков правительство Японии брало на себя. Это соглашение предусматривало и организацию частных или правительственных делегаций с целью посещения кладбищ бывших военнопленных.

На основании этого соглашения Япония регулярно направляла свои делегации для обследования мест захоронений. В ходе обследований представители проводили пробные выемки грунта с целью уточнения территории кладбища. Японские делегации

² По материалам архива РУ ФСБ РФ по Читинской области.

приезжали на места захоронений с заранее составленными планами местности, на которые была нанесена привязка этих кладбищ. Перед проведением работ каждой делегацией составлялся «Акт о начале работ по эксгумации останков военнослужащих», захороненных на каждом обследуемом кладбище, после завершения работ составлялся «Акт об окончании работ по эксгумации останков военнослужащих» [7]. Объем проделанной работы был очень большим. Часто приходилось основываться не только на документах, но и на воспоминаниях японских делегатов и старожиллов обследуемых районов.

На территории СССР на 1 января 1949 г. в ГУПВИ МВД СССР было на учете 341 кладбище, где захоронено 34 422 японских военнопленных [3, с. 69]. Из них 29 кладбищ были смешанными, т. е. на них захоронены умершие военнопленные и других национальностей (на территории Читинской области таких захоронений нет).

Согласно достигнутому соглашению между Японией и СССР с 1991 г. начинаются визиты в Читу японских делегаций с целью посещения мест захоронений бывших военнопленных японской армии.

Так, в июле 1991 г. г. Читу посетила делегация бывших военнопленных. Приехали они с полным набором инструментов, необходимых для проведения кремации останков военнопленных – палатки, саперные лопатки, брикеты топлива и пр. Цель приезда была одна – отдать дань японским солдатам, оставшимся лежать в русской земле. Инициатором поездки была ассоциация «Ягода», которая получила такое название из-за того, что ее члены остались живы в советских лагерях благодаря употреблению в пищу различных ягод, которые спасли их от голода и цинги. Делегаты этой ассоциации остались довольны результатами своего визита [9].

На ст. Букачача, где имеются захоронения японских военнопленных, в течение августа 1992 г. тоже велись работы по подготовке к кремации. Но уже в этот период отмечалось стремление советских организаций, задействованных на этих работах, «нагреть руки». Здесь и завышенные сметы, и включение в смету работ, выполнение которых необязательно. По данным японской стороны, общая сумма выплат за работы составила 900 тыс. иен (что примерно равнялось трехмесячной заработной плате сотрудника крупной японской компании). Родственники японских сол-

дат готовы оплатить любые расходы, чтобы побывать в Забайкалье, но как относиться к оценке одного места в сутки за пребывание в вагоне в 800 долларов США? Именно такую сумму выставили железнодорожники. Рассуждая о положении дел в работе с иностранцами, один из японцев сказал: «У вас действует мафия» [7].

В июле 1992 г. в Читу-российскую приезжала делегация Читы-японской – небольшого города на побережье Японии с населением 70 тысяч чел. Одним из вопросов было посещение кладбища на ст. Новая [8]. В составе делегации находились и те, кто побывал в русском плену в 1940-е гг. Они даже через 50 лет хорошо ориентировались на местности, указывали расположение барачных бараков, быстро отыскивали могилы погибших. Эта делегация отметила запущенное состояние кладбища военнопленных, а ведь известно о прибытии делегации было заранее. Что же тогда представляло собой кладбище до прибытия делегации [1]? Столкнувшись с неразберихой в деле учета захоронений японских солдат, почти все делегации высказывали одну мысль: «У нас в Японии нет такого понятия “без вести пропавший солдат”, по нашим древним обычаям пока пепел убитого воина не вернется на родину, не будет похоронен в семейную могилу, его душа не будет упокоена и над его семьей будет висеть рок» [2].

Задача по уточнению мест захоронений бывших японских военнопленных для авторов явилась довольно трудной. Основными причинами здесь являются как нежелание соответствующих ведомств и министерств открывать свои архивы, так и отсутствие документов вследствие их уничтожения. Только в Региональном управлении ФСБ РФ по Читинской области была оказана всесторонняя помощь. Однако, используя минимум информации, полученной в каждой из организаций, а также воспоминания старожилов Читы, удалось восстановить максимально достоверную картину. Ликвидация некоторых населенных пунктов, прокладка дорог и строительные работы на местах предполагаемых захоронений, отсутствие свидетелей захоронений, как и другие причины, делают подсчеты захороненных японских военнопленных лишь приблизительными.

Список мест захоронений японских военнопленных имеется, и работы в этом направлении продолжают. Кроме прочих организаций, занимающихся этим вопросом, в г. Балее действует центр «Поиск», который занимается составлением схем захоро-

нений, установлением личностей погребенных, налаживает связи с японскими общественными организациями.

Проблема захоронений японских военнопленных и интернированных не закончится определением их мест. Важную роль здесь играет и вопрос содержания этих кладбищ. Положение с финансированием работ по благоустройству и содержанию этих кладбищ стоит очень остро.

В Японии более 50 % могил на кладбищах военнопленных – русские. Японские школьники следят за чистотой на могилах русских моряков и солдат, подметают дорожки, моют каменные надгробья [12].

В одну из поездок в Букачачу представитель японской делегации оставил на память жителям города проспект «Русское кладбище в Канадзаве», где на одной из фотографий, размещенной на первой странице, были отображены 10 аккуратных столбиков-памятников. В верхней части фотографии было написано: «Посвящается 10 могилам русских солдат». Русское кладбище в этом городе находится на горе Кода в юго-восточной части города. Могилы здесь расположены в два ряда по пять могил. На кладбище находятся могилы русских военнопленных, привезенных в Канадзаву в период Русско-японской войны в 1904–1905 гг. Все они умерли вдали от Родины от тяжелых болезней. Со временем могилы сравнялись с землей, но в 1965 г. члены общества «Исикава – Россия» восстановили это захоронение. Работы проводились жителями Японии добровольно в свободное время. Местные жители вложили в это дело всю искренность своей души. 7 августа 1965 г. была отслужена первая заупокойная служба на этом кладбище [6].

Работа с кладбищами военнопленных в Советском Союзе организована в соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 496-222 от 8 мая 1959 г. и распоряжения Совета Министров СССР № 1794 от 15 июля 1974 г. На основе этих документов Министерство внутренних дел СССР издало соответствующее распоряжение за № 1/4807 от 22 августа 1986 г. и направило его в адрес министров внутренних дел союзных и автономных республик и начальников ГУВД, УВД краевых, областных и городских исполкомов. В этот период особо часто японские делегации стали посещать СССР с целью воздаяния почестей умершим военнопленным.

Это распоряжение отмечало факт передачи японской стороне части списков военнопленных и мест их захоронений, а также порядок проведения мероприятий по встрече делегаций.

Планировалось составить схемы мест захоронений, при необходимости провести ремонт кладбищ, скосить траву, расчистить дорожки между могилами и после благоустройства напечатать фотографии кладбищ в ГУИТУ МВД СССР. При составлении списков захороненных на кладбище военнопленных и интернированных лиц необходимо было указывать, кроме фамилии и имени, года рождения, другие установочные данные.

Кроме этого, необходимо было оформить дело на кладбище, которое должно храниться в УИТУ, ОИТУ.

Это мероприятие было очень важным как по политическим, так и по моральным соображениям. Жаль, распоряжение вышло только в 1986 г., через 30 лет после того, как последние японские солдаты были отправлены домой.

Данное распоряжение имеет приложение, которое во многом раскрывает отношение властей к проблеме японских захоронений. Кроме специальных вопросов, оно предписывает привести кладбище в порядок перед прибытием иностранцев. Служащие кладбища по просьбе посетителей должны были показать могилу родственника или интересующего их лица. Однако сведения об умерших сообщались только те, которые были в справке, в том числе и по дате смерти. На вопрос о причине смерти следовало отвечать, что такие данные отсутствуют, а если иностранцы задавали вопросы о других кладбищах и захоронениях военнопленных, то следовало отвечать, что других кладбищ на территории области (края) нет.

Снятие с учета заброшенных кладбищ военнопленных японцев, их «самоликвидация» и ликвидация по указанию Министерства внутренних дел СССР, уничтожение надмогильных холмиков вместе с опознавательными знаками и оградами, другие меры, предпринятые управлением внутренних дел и местными властями с целью «стереть» японские кладбища с территории Читинской области и предать забвению похороненных там людей, вместе с другими нерешенными проблемами в российско-японских отношениях создали целый комплекс противоречий между двумя странами. В связи с этим возникла необходимость восстановить правду в вопросе о японских захоронениях на тер-

ритории Читинской области. Большую трудность при решении этой проблемы представило сопоставление различных архивных и других материалов по этой проблеме.

Отношение к японским захоронениям со стороны властей нашей страны подчеркивает нежелание признать высокую смертность военнопленных на территории СССР, стремление уйти от «хлопотного» дела по содержанию кладбищ. Сюда входит целый комплекс мероприятий – это и ремонт, и охрана, и поддержание порядка. Отношение к могилам военнопленных показывало и стремление уйти от исторической правды о причине гибели японских военнопленных, и самое главное, что таким образом пытались уйти от ответа на вопрос: зачем нужно было это пленение?

18 февраля 1946 г. (через пять с половиной месяцев после окончания боевых действий в Маньчжурии) вышло постановление Совета народных комиссаров СССР о благоустройстве могил воинов Красной армии и партизан, погибших в боях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., по надзору за их состоянием за № 405-165с. Согласно этому постановлению Совнаркомы обязывались до 1 июня 1946 г. взять на учет все кладбища, братские и индивидуальные могилы, а до 1 августа 1946 г. провести их благоустройство, которое включало перенос индивидуальных могил на ближайшие военные или гражданские кладбища, при невозможности это сделать рекомендовалось объединить захоронения в братские могилы. Все расходы по проведению работ возлагались на исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся. К 1 мая 1946 г. Комитет по делам архитектуры при Совнаркоме СССР должен был разработать 50 типовых проектов памятников для военных кладбищ, братских и индивидуальных могил воинов Красной армии. Контроль за этими работами возлагался на НКО СССР [10], который своим приказом контроль за работами возложил на начальника Главного штаба сухопутных войск. Если решения по могилам советских воинов были приняты сразу после войны, то японская сторона впервые обратилась к СССР по поводу установки надгробных знаков на кладбищах бывших японских военнопленных в конце 1964 г. Из-за недоступности архивов Читинского МВД при изучении этого вопроса приходится опираться на однотипные документы архива ГУИН Иркутской области. Известно только, что в октябре 1954 г. посольство Японии обратилось в МИД СССР с просьбой устано-

вить надгробные знаки на могилах военнопленных японцев, захороненных в Чите, с фамилиями умерших, а в феврале 1965 г. посольством был отправлен 251 знак, два общих могильных знака, 550 гвоздей и 2 чертежа по установке этих знаков³.

В архиве УВД Иркутской области авторы ознакомились с копией письма посольства Японии от 7 июля 1969 г., в котором последнее разъясняет, как пользоваться и составлять клеящий раствор и при его помощи прикреплять могильные знаки на памятники. Первое упоминание о получении в Иркутске надгробных знаков относится к 26 октября 1964 г., а 6 марта 1965 г. произошла ошибка, и Иркутск получил не свою партию знаков⁴. Это подтверждает, что в это время такого рода работа проводилась по всем регионам СССР. В Иркутске работы по установке знаков были закончены 30 июля 1969 г.; можно предположить, что такие работы в Чите планировалось окончить к этой же дате.

Бурный процесс перестройки нашего общества сказался на всех ветвях власти и на всех организациях. В настоящее время работа с японскими захоронениями проводится силами Комитета здравоохранения администрации Читинской области, который сталкивается с большими неудобствами в работе из-за отсутствия документов по японским захоронениям, которые якобы были переданы ему Читинской организацией Российского общества Красного Креста. Однако работа идет успешно: так, в 1997 г. японская делегация, прибывшая на ст. Карымская, произвела кремацию 180 останков японских солдат, находившихся на излечении в спецгоспитале. Одно из захоронений было обнаружено в огороде местного жителя, который и не подозревал об этом, но знал это место один из членов японской делегации [4].

Вопрос, связанный с определением и содержанием мест захоронений японских военнопленных, весьма труден. Если и есть предположение о том, что какие-то документы и сохранились в архивах МВД Читинской области, то получить их не представлялось возможным. Здесь приходится опираться в основном на воспоминания коренных жителей Читинской области и материалы японской стороны. При работе пришлось столкнуться с фактом, что захоронения японских военнопленных являются «иг-

³ Личный архив С. В. Карасёва.

⁴ Там же

рушкой» в руках власти. Их прибирают и готовят к приезду японских делегаций или к каким-либо датам.

Изучая вопросы, связанные с захоронениями японских военнослужащих на территории Читинской области, необходимо отметить, что до настоящего времени ни российская, ни японская стороны не располагают точными данными об их общем числе. Цифра колеблется от 8 144 до 7 831 умершего. Такие разночтения объясняются прежде всего тем фактом, что у нас до сих пор нет как полных списков взятых в плен японских солдат и офицеров, так и погибших в читинских лагерях от болезней, тяжелой физической работы, несчастных случаев с указанием причины смерти и места захоронения.

Проблемы захоронения военнопленных не решены до сих пор еще и потому, что советское правительство нарушило международное гуманитарное право: японской стороне не были сразу переданы полные списки умерших в плену и карты мест их захоронений. Этот вопрос решается в настоящее время с опозданием более чем в пятьдесят лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балецкий рабочий. 1991. 16 июля.
2. Баншиков В. Солдат войну не выбирает // Забайк. рабочий. 1998. 2 июля.
3. Воен.-ист. журн. 1991. № 4.
4. Вост.-Сиб. правда. 1997. 9 авг.
5. Кузнецов С. И. Японские военнопленные в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск : Сибирь, 1997. 262 с.
6. Малютина Л. Мы все из рода человеческого // Забой. 1993. 23 июля.
7. Малютина Л., Пушкина Г. Души мертвые и живые // Забайк. магистраль. 1992. 18 авг.
8. Народ. газ. 1992. 17 июля.
9. Пушкина Г. Светлый образ Фудзиямы // Забайк. магистраль. 1991. 30 дек.
10. Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 11. Д. 87. Л. 51.
11. Список мест захоронений военнопленных японцев, умерших в территории СССР после Второй мировой войны: Эскизы окружностей мест захоронений / Упр. по делам помощи жертвам войны М-ва здравоохранения и благополучия Японии. Токио, 1990.
12. Шемелин А. Не бывает «чужих» могил // Забайк. рабочий. 1996. 16 окт.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международной научно-практической конференции «Иркутский мемориал: исследования и реконструкция»

17 мая 2019 г. в Научной библиотеке им. В. Г. Распутина Иркутского государственного университета состоялась Международная научно-практическая конференция «Иркутский мемориал: исследования и реконструкция».

Организаторы конференции: ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» и Иркутская региональная общественная организация «Иркутский исторический некрополь».

В работе конференции приняли участие представители органов государственной власти и местного самоуправления, представители общественных организаций, конфессий, творческих союзов, ученые-исследователи, преподаватели и студенты Юридического института и исторического факультета ИГУ и других вузов г. Иркутска.

В ходе конференции приняты следующие положения:

1. Учитывая актуальность и практическое значение рассматриваемых вопросов, рекомендовать организаторам придать конференции регулярный характер и проводить ее раз в 2–3 года.

2. Руководителям муниципальных образований, соответствующим министерствам правительства Иркутской области при формировании и развитии мемориальных комплексов обязательно учитывать особенности правового режима Байкальской природной территории, в том числе в части ограниченных, закрепленных и поощряемых видов хозяйственной и иной деятельности.

3. Обратиться к Министерству культуры и архивов Иркутской области с просьбой разработать программу выявления и паспортизации могил выдающихся иркутян на кладбищах г. Иркутска с последующим их благоустройством.

4. Министерству культуры и архивов Иркутской области, общественным организациям г. Иркутска и Иркутской области составить и опубликовать список мест захоронений выдающихся иркутян – известных деятелей культуры, науки, искусства, руководителей области и города, почетных граждан области и города.

5. Обратиться к администрации г. Иркутска с просьбой установить на мемориальном Иерусалимском кладбище памятный знак в честь иркутян – георгиевских кавалеров, погибших в войнах XIX – начала XX в., похороненных на этом кладбище. Приурочить церемонию открытия памятного знака к празднованию 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и к проведению в 2020 г. – Году памяти и славы.

6. Обратиться к правительству Иркутской области с предложением провести реконструкцию мемориала воинов, погибших от ран в иркутских госпиталях, с уточнением списка захороненных. На Знаменском кладбище установить стелу с именами похороненных там ветеранов Великой Отечественной войны.

7. Обратиться к правительству Иркутской области с предложением установить на Маратовском кладбище памятную стелу в честь советских солдат, умерших от ран в военном госпитале № 325.

8. Рекомендовать администрации г. Иркутска совместно с Иркутской региональной организацией «Иркутский исторический некрополь» создать сайт «Виртуальный некрополь Иркутска».

9. Организовать на постоянной основе экскурсионные и туристические маршруты по историко-мемориальному комплексу «Иерусалимская гора».

10. Обратиться к администрации г. Иркутска с предложением перенести скульптуру символа г. Иркутска – бабра – с места в 130-м квартале, где располагаются старое лютеранское кладбище и могила первого губернатора Иркутской губернии Карла фон Фрауендорфа, на пересечение улиц Чкалова и Степана Разина или на площадь перед зданием компании «Востсибуголь».

Научное издание

ИРКУТСКИЙ МЕМОРИАЛ

ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

Материалы Международной научно-практической конференции
Иркутск, 17 мая 2019 г.

ISBN 978-5-9624-1740-0

Редактор *А. В. Врон*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Подписано в печать 12.09.2019. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. 12,1. Усл. печ. л. 14,1. Тираж 100 экз. Заказ 115

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124